

Когда-то, давным-давно...

Алан Александр Милн

Алан Александр Милн
Когда-то, давным-давно...

Когда-то, давным-давно...

Повесть-сказка

МОСКВА О-Г-ИИ 2004

Алан Александр Милн

Когда-то, давным-давно...

Повесть-сказка

МОСКВА О.Г.И 2004

УДК 82-053.2
ББК 84(4Вел)
М60

Консультанты серии: Ю. Яхнина, О. Мязотс

Перевод с английского: И. Москвина-Тарханова

Художественное оформление серии: Б. Трофимов

Иллюстрации: А. Шелманов

Милн А.А.

М60 Когда-то, давным-давно...: Повесть-сказка / А.А. Милн;
Пер. с англ. И.А. Москвиной-Тархановой. — М.: ОГИ, 2004. —
280 с.: ил.

ISBN 5-94282-085-6

Кому не известно имя Алана Милна, автора знаменитых историй про Винни-Пуха и всех-всех-всех обитателей Зачарованного Леса! Героев Милна знает и любит весь мир. «Когда-то, давным-давно...» — первая сказка известного английского писателя, сочиненная для детей. Для среднего школьного возраста.

УДК 82-053.2

ББК 84(4Вел)

ISBN 5-94282-085-6

© И. А. Москвина-Тарханова, перевод, 2004

© ОГИ, 2004

Кому не известно имя Алана Александра Милна – создателя знаменитого Винни-Пуха и всех-всех-всех обитателей Зачарованного Леса! К счастью для русского читателя, многие замечательные произведения любимого автора редко издавались у нас в стране, и эта книга – попытка представить известного писателя с неизвестной стороны.

Сказочная повесть «Когда-то, давным давно...» – первая книга А. А. Милна для детей. Впрочем, писатель сомневался, детская или взрослая книга у него вышла: конечно, все в ней сказочно – принцессы, короли, драконы, волшебные превращения, а с другой стороны – она так прочно связана с реальной жизнью, словно написана про нас, ну или про наших знакомых...

«Есть только один способ сочинить детскую книжку – написать ее для самого себя... Кому бы ее ни читали, какого бы возраста ни были читатели – одно из двух: либо она вам понравится, либо нет», – утверждал Алан Милн и сам писал именно так: взрослые вещи – для публики, а уж детские – для самого себя и, наверное, о самом себе, ведь он так и остался в душе ребенком.

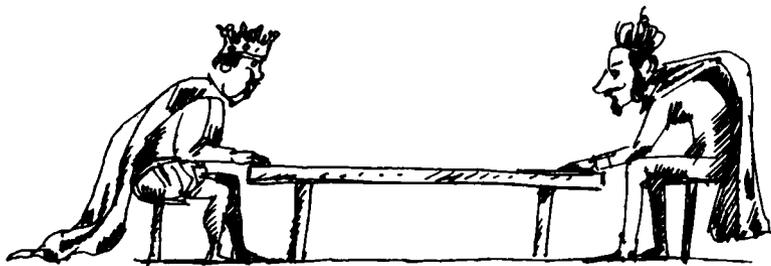
Память детства и опыт взрослого переплелись в удивительно тонких и лиричных рассказах из книги «Галерея

детей». А. А. Милн размышляет о том, как сложно быть родителями, и как непросто быть детьми, и... как увлекательно жить! Герои рассказов, солидные уважаемые люди, теряют голову, услышав первые слова сынишки, и пишут тревожные письма в газеты, если вдруг меняется цвет волос дочери. Но ведь именно эти переживания делают их (и нас) настоящими людьми!

Книги А. А. Милна обладают одним драгоценным свойством – они позволяют взрослому и ребенку вместе путешествовать по волшебной стране детства. Отправляя читателей в увлекательное странствие, мы желаем им сказочных приключений и волшебных открытий. До встречи!

Ольга Мязотс

Когда-то, давным-давно...

Король Евралии Веселунг завтракал на свежем воздухе – на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Сам-то он был человеком непритязательным, но если у вас есть тетушка, которая совсем недавно научилась превращать все, к чему она ни прикоснется, в золото, было бы жестоко не позволять ей время от времени слегка попрактиковаться. В те давние годы не придумали столь невинных занятий, как выпиливание лобзиком.

– А-а, – воскликнул король, – вот и ты, моя радость! – Он протянул руку за салфеткой, но принцесса уже успела легко коснуться губами макушки отца и усаживалась за стол напротив него.

– Доброе утро, отец. Наверное, я немного опоздала? Ездила верхом в лесу.

– Как насчет приключений? – небрежно осведомился король.

– Ничего особенного, если, конечно, не считать приключением такое замечательное утро.

Да-а, страна нынче уж не та. Вот во времена моей юности... В лес просто войти нельзя было – что ни шаг, то приключение. Каких только чудес там не водилось! Великаны, карлики, ведьмы... – Он помолчал и прибавил задумчиво: – В лесу я впервые увидел твою мать...

– Жалко, что я совсем не помню маму, – сказала Гиацинта.

Король поперхнулся и встревоженно взглянул на дочь.

– Уж семнадцать лет, как она умерла. Тебе, Гиацинта, было тогда всего шесть месяцев. Знаешь, в последнее время мне часто приходит в голову, что я совершил ошибку, лишив тебя материнской ласки.

– Но, дорогой, ты же не виноват, что мама умерла!

– Нет-нет, дитя, я не о том... Королеву похитил дракон... Но, подумай, ведь я, – и он смущенно опустил глаза, – я мог бы жениться снова.

Принцесса удивилась:

– На ком?

Веселунг сосредоточенно изучал дно своего кубка.

– Ну, – наконец выдал из себя, – бывают же люди...

– Пожалуй, если б ты тогда встретил кого-нибудь очень милого, – неуверенно произнесла принцесса, – это было бы неплохо.

Король с серьезным видом разглядывал рисунок на кубке, словно видел его в первый раз в жизни.

– Но почему «тогда»?

Гиацинта удивилась еще больше.

– Ведь я уже выросла и теперь не так нуждаюсь в материнской ласке.

Веселунг перевернул кубок и посмотрел на него снизу.

– Нежная... ээ... рука матери... ээ... никогда...

И тут произошло нечто поразительное.

Всему виной был подарок, полученный королем Бародии в день рождения и представлявший собой не что иное, как пару семимильных башмаков. Будучи человеком, обремененным делами, король долго не находил свободного времени, чтобы испытать обновку. Но за столом он говорил только о своих башмаках и каждый вечер, перед отходом ко сну, собственноручно начищал их до блеска. Когда наконец великий день настал, он снисходительно выслушал озабоченные напутствия жены и прочих членов королевского семейства, сделал вид, что не замечает множества любопытных носов, прижатых ко всем оконным стеклам верхних этажей дворца, и торжественно отчалил.

Как вам, возможно, известно, ощущение полета лишь поначалу немного пугает – потом, когда привкаешь, оно становится захватывающим и часто заставляет человека терять голову. Вот и король Бародии уже успел преодолеть более двух тысяч

миль, прежде чем спохватился, что так недолго и заблудиться. Его опасения полностью подтвердились, и остаток дня он провел, порхая туда-сюда по всей стране. Лишь по чистой случайности поздним вечером донельзя разъяренный король пулей влетел в чердачное окно дворца. Он осторожно снял башмаки и на цыпочках прокрался в спальню.

Разумеется, это приключение послужило ему хорошим уроком. Он решил, что в дальнейшем станет перемещаться лишь по строго определенному маршруту, плавно перелетая от одной вехи к другой.

Придворные географы получили задание разметить удобную трассу для королевского моциона длиной примерно триста миль (десять раз туда и обратно перед завтраком). Король назначил себе недельный перерыв для восстановления сил, физических и душевных, а потом приступил к ежеутренним упражнениям.

Королевство Евралия примыкало к Бародии, но, в отличие от равнинной Бародии, Евралия была страной холмов. Поэтому понятно, что в поисках естественных вех географы обратили взоры к Евра-

лии, и именно над Евралией в тот самый час, когда наступало время завтрака в хижинах, равно как и во дворцах, взмывал в поднебесье король Бародии – взмывал и опускался, снова взмывал и снова опускался.

– Нежная... ээ... рука матери... – сказал король Евралии Веселунг, – ээ... никогда... Боже мой, что это?!

Какой-то предмет с громким свистом пронесся над его головой, заслонив на мгновение солнце. И снова все стало как прежде.

– Что это было? – спросила слегка испуганная Гиацинта.

– Совершенно невероятно! Я успел заметить лишь что-то вроде рыжих бакенбард и гигантских башмаков. Интересно, кто бы это мог быть?

– У короля Бародии, – ответила Гиацинта, – рыжие бакенбарды, а какие у него башмаки, я не знаю.

– Но что ему делать там, наверху? Если только не...

Снова что-то рассекло воздух, но в противоположном направлении, снова померкло солнце, и на этот раз можно было совершенно явственно различить стремительно удаляющуюся спину короля Бародии.

Восстун с подчеркнутым достоинством поднялся над столом.

Ты совершенно права, Гиацинта, – проговорил он сурово, – это действительно король Бародии.

Принцесса не на шутку встревожилась.

Мне кажется, он не должен позволять себе носить над головой с такой скоростью, когда люди завтракают. Как ты думаешь?

– Отвратительные манеры, дорогая. Мне необходимо удалиться и составить Ноту протеста. Не можем же мы оставить безнаказанным столь вопиющее нарушение элементарных правил приличия!

Приняв самый грозный вид, какой только могло изобразить его добродушное от природы лицо, и немного сомневаясь, к месту ли он вставил «элементарных», король спустился в библиотеку.

Библиотека была его любимым местом в замке. Здесь по утрам он обсуждал государственные дела со своим Первым Советником или принимал знатных чужестранцев, завернувших в Евралию в поисках приключений. Здесь же в послеобеденные часы, вооружившись томом «Бесед с Мудрецом» или другим увесистым фолиантом, он предавался размышлениям. В последнее время ему было над чем поразмыслить, и основным предметом его раздумий как раз и являлись знатные чужестранцы, ибо он уже отправил по крайней мере семерых иностранных принцев совершать разного рода подвиги, пообещав в награду руку принцессы и полкоролевства. Не удивительно, что ему частенько приходилось со-

крушаться о том, что его дочь лишена «руководящей материнской руки».

Ноте протеста, как видно, не суждено было появиться на свет. Король даже не решил еще, какое из двух перьев более всего пригодно для такого важного дела, как двери распахнулись и прозвучало роковое имя графини Бельвейн.

Графиня Бельвейн! Где найти слова, чтобы описать эту поразительную, непостижимую, ужасную и восхитительную женщину?! Непомерное честолюбие и неразборчивость в средствах достижения цели сочетались в ее натуре с прекрасными душевными качествами, находящими выражение в страсти к ведению Дневника и искренней любви к лирической поэзии. В нашей истории именно она играет роль злодейки, и в этом я согласен с именитым историком Роджером Кривоногом, который разносит ее в пух и прах в своей «Евралии в прошлом и настоящем». Но менее всего на свете мне хотелось бы отказывать этой женщине во многих выдающихся достоинствах.

Нынешнее утро графиня посвятила сочинительству и потому была в зеленом. Она всегда надевала зеленое, когда ей являлась Муза, – похвальная привычка, которую я советовал бы перенять современным поэтам как для привлечения вдохновения, так и для уведомления окружающих. Под мышкой она несла огромных размеров Дневник, а в голове – несколько вариантов изложения мыслей, посетивших ее по дороге во дворец.

Доброе утро, графиня! – приветствовал ее Веселунг, с явным облегчением отрываясь от задачи выбора пера. – Какой ранний визит...

– Надеюсь, вы ничего не имеете против, Ваше Величество, – ответила графиня с ноткой озабоченности в голосе. – В нашей вчерашней беседе был пункт, относительно которого у меня вдруг возникли некоторые сомнения.

– А о чем мы вчера беседовали?

– О, Ваше Величество! О положении дел, разумеется. – И она бросила на него один из тех невинных и в то же время дерзких и оболъстительных взглядов, которые производили на короля совершенно неотразимое впечатление (и на любого другого тоже, смею вас уверить).

Король смущенно улыбнулся.

– Да-да, конечно, положение дел...

– Я даже сделала запись об этом в своем Дневнике. – Она положила на стол огромную тетрадь, и страницы легко зашелестели под ее пальцами. – Вот здесь... «Среда. Его Величество оказал мне честь, спросив совета относительно будущего принцессы Гиацинты. Остался к чаю и был совершенно...» Никак не могу разобрать слово...

– Позвольте мне, – вмешался король, склоняясь над Дневником. Его обычно румяное лицо стало совсем пунцовым. – Похоже на «очарователен». – Он постарался произнести это слово как можно более небрежным тоном.

– Неужели? Неужели я именно так и написала? Видите ли, я обычно пишу все, что мне приходит в голову, прямо сразу, не задумываясь. – Она проделала ручкой движение, подобающее человеку, который записывает все, что ему приходит в голову, не задумываясь, и вернулась к Дневнику: – «Остался к чаю и был совершенно очарователен. Потом размышляла о бренности жизни». – Она подняла широко открытые глаза и устремила на короля задумчивый взгляд. – Я часто предаюсь размышлениям в одиночестве...

Веселунг никак не мог оторваться от Дневника.

– А у вас еще есть такие записи, как... как эта, последняя? Можно посмотреть?

– О, Ваше Величество, боюсь, там слишком много глубоко личного. – И она поспешно захлопнула тетрадь.

– Мне показалось, я видел какие-то стихи...

– Да, небольшая ода к любимой канарейке. Вряд ли это будет интересно Вашему Величеству.

– Я обожаю поэзию! – гордо изрек король.

Он и сам однажды сочинил двустишие, которое можно было читать как с начала до конца, так и наоборот. Считалось даже, что во втором варианте оно обладает некоторыми магическими свойствами. Как утверждает Роджер Кривоног, это произведение стало чрезвычайно популярным в Евралии, а звучало оно так:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Весьма оригинальная идея, выраженная с завидным лаконизмом.

Графиня, конечно, просто кокетничала – на самом деле ей очень хотелось прочесть свое стихотворение королю.

– Это простая безделица, – скромно молвила она, а потом продекламировала:

– Привет тебе, оранжевая пташка!
В росистых кущах, на кустах цветущих
Ты трепетное сердце изливаешь
В прекрасных звуках, в небеса плывущих.
И, в упоении внимающий пернатому поэту,
Пернатый хор подхватывает песню эту.

– Прелестно! – с искренним восхищением воскликнул король, и с ним нельзя не согласиться. Много лет спустя другой поэт по имени Шелли воспользовался той же идеей, но облек ее в гораздо более вычурную и, по моему мнению, менее совершенную форму.

– Скажите, а эта птичка настоящая или вымышленная? – спросил Веселунг.

– Моя любимица.

– Ей понравилось?

– Увы, Ваше Величество! Ее постигла внезапная кончина, и она не успела...

– Бедняжка! Я уверен, она была бы в восторге.

Тем временем Гиацинта, не ведая о столь реальной близости «нежной руки матери», пыталась завершить завтрак, но это оказалось весьма нелегким делом.

В конце концов, чрезвычайно утомительно то и дело отрываться от тарелки и наблюдать в небе монарха соседней державы, который летит то в одну, то в другую сторону. Король Бародии проделал это еще восемнадцать раз, и принцесса отправилась к отцу, все еще чувствуя легкое головокружение. Она нашла короля в библиотеке – он сидел в полном одиночестве, с глупой улыбкой на лице. Никаких следов Ноты на письменном столе Гиацинта так и не обнаружила.

– Ты уже отправил Ноту?

– Ноту? – в изумлении повторил Веселунг, все еще находившийся под впечатлением знаменательной записи, которую он увидел в Дневнике графини. – Какую Ноту? Ах, ты имеешь в виду Ноту протеста королю Бародии... Я как раз сейчас ее и обдумываю. Должная решительность в сочетании с изысканной вежливостью – это, знаешь ли, требует определенных усилий.

– По-моему, на этот раз можно обойтись без изысканной вежливости, – возразила Гиацинта. – После того как ты ушел, он пронесся еще восемнадцать раз.

– Восемнадцать... восемнадцать... восем... Да это просто неслыханно!

– У меня такое впечатление, будто к завтраку явилось слишком много гостей, и притом незваных.

– Подобное поведение нельзя расценивать иначе, как намеренное оскорбление. Никаких нот! Мы поговорим с ним на его собственном языке!

И король вызвал к себе капитана королевских лучников.

нова было раннее утро. Веселунг сидел за столом, накрытым к завтраку, а перед ним выстроился в шеренгу отряд лучников.

– Запомните, – возбужденно объяснял Веселунг, – когда король Баро... когда некий... словом, когда я скажу «когда!», все выстрелят в воздух. Ни во что не цельтесь – просто выпускайте стрелу вверх, и... ээ... посмотрим, чья взлетит выше всех. Если, конечно, что-нибудь случайно... ээ... заденет о стрелу – это маловероятно, но... Ну, значит, заденет, и точка. В конце концов, может ли там, – и он посмотрел в небо, – что-нибудь оказаться?

– Так точно, сир! Или, скорее, никак нет, сир! – браво отчеканил капитан.

– Очень хорошо. Итак, приготовились... По местам!

Солдаты зарядили луки и заняли свои места. На башне стоял дозорный. Все было готово.

Веселунг очень волновался. Он переходил от одного солдата к другому, расспрашивал о жене и детях, хвалил начищенный кивер и советовал стрелку немного отвернуться от солнца. То и дело он подбегал к дозорному, указывал пальцем на горизонт в направлении Бародии и снова возвращался. Дозорный не подвел.

– Величество в воздухе! – внезапно провозгласил он.

– Когда! – заорал король, и вверх устремилась туча стрел.

– Вот здорово! – закричала Гиацинта, радостно хлопая в ладоши. – То есть, я имею в виду, как вы могли?! Вдруг он ранен?

Веселунг испуганно обернулся.

– Гиацинта? Ты здесь?

– Я только что поднялась, отец. Ну как, вы в него попали?

– В кого «в него»?

– В короля Бародии, конечно.

– Короля Баро... Дитя мое, при чем здесь король Бародии? Мои лучники упражняются в стрельбе

по дальней цели – по парящему коршуну. – Он обратился к капитану: – Коршун задет?

– Только одной стрелой, Ваше Величество. В бакен... в хвостовое оперение!

– Только одной стрелой. Попала в бакен... в хвостовое оперение. Дорогая, с какой это стати ты вдруг заговорила о короле Бародии?

– Ах, отец, как это дурно с твоей стороны! Ты только что чуть не убил беднягу. Испортил его знаменитые бакенбарды!

– Его Величество король Бародии! Бакенбарды! Это просто ужасно! Но как он там оказался? Боже, какое несчастье! Я немедленно должен составить объяснительную Ноту.

Гиацинта благоразумно заметила:

– А тебе не кажется, что сначала он должен что-нибудь прислать?

– Да-да, ты права. Несомненно, он пожелает объяснить, почему он здесь оказался.

Веселунг подошел к лучникам, которые уже снова стояли шеренгой.

– Можете увести людей, – сказал он капитану.

– Слушаюсь, Ваше Величество!

Его Величество торопливо огляделся по сторонам и конфиденциально шепнул капитану:

– Кто из солдат... – он как бы невзначай потер рукой правую щеку, – ...ээ... вот именно. Вон тот, слева? Прекрасно.

Он подошел к солдату на левом фланге и вложил ему в руку мешочек с золотом.

– Я восхищен вашим стилем, мой друг. Движение запястья было просто безупречно! Никогда не видел, чтобы стрела взлетела так высоко.

Отряд отсалютовал и удалился, а Веселунг с Гиацинтой сели завтракать.

– Немного лосошины, дорогая? – предложил король.

Первый Советник Бародии навсегда запомнил этот день. И жене своей не позволял о нем забыть. Фраза «Это напоминает мне тот день, милая, когда...» с некоторых пор стала сигналом, по которому его гости срочно начинали откланиваться. Но домочадцы не имели возможности спастись бегством, им оставалось лишь вооружиться терпением.

Денек действительно выдался на редкость беспокойный. Уже в девять утра Советника вызвали к королю, который нежно лелеял пострадавшую часть тела и пребывал в состоянии крайнего раздражения. Он настаивал на немедленном открытии военных действий. Советник пытался склонить его к более мягким мерам.

– По крайней мере, Ваше Величество, – умолял он, – позвольте мне сначала свериться с прецедентами.

– Столь возмутительная наглость беспрецедентна, – холодно возразил король.

– Я не говорю о полном совпадении, сир, но все же сходные прискорбные случаи... ээ... случались.

– Это был не случай!

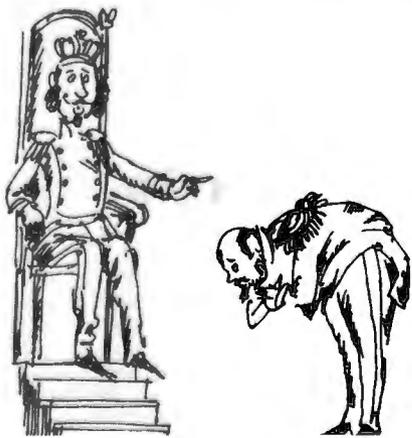
ПЕРВЫЙ СОВЕТНИК БАРОДИИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

— Конечно, конечно. Мне следовало сказать «вероломные нападения». Вот, например, ваш высокочтимый дедушка однажды имел неосторожность поссориться с королем Арабии, и тот наложил на него заклятие, в результате чего ваш высокочтимый дедушка был вынужден — правильнее будет выразиться «предпочитал» — в течение нескольких недель передвигаться на четвереньках. Можете себе представить, какое впечатление это производило на подданных, несмотря на их величайшую лояльность. Далее. Хотя ваш случай и не включает в себя перемещение на четвереньках...

— При чем тут вообще четвереньки?! — заорал король.

— Неудачное сравнение, Ваше Величество. Я лишь имел в виду, что хотя ваш случай, несомненно, и не может рассматриваться как аналогичный случай, но все же процедура, действовавшая в случае вашего высокочтимого дедушки... — Бедный Советник совсем запутался.

— Мне дела нет до моего высокочтимого дедушки. Мне дела нет до всех ваших «случаев», мне дела нет до ваших или чьих-либо еще бакенбард, — злобно приговаривал король, поглаживая свои

собственные. – Я жажду крови короля Евралии! – Он оглядел придворных. – Любому из вас, кто закончит с королем Евралии и принесет мне его голову, я отдам руку своей дочери.

Наступила глубокая тишина.

– Которой дочери? – прозвучал наконец осторожный голос.

– Старшей!

Тишина стала еще более глубокой.

Первым из присутствующих осмелился заговорить все тот же Советник:

– Я все-таки предлагаю, Ваше Величество, чтобы в ближайшее время конфликт не выходил за пределы обмена Нотами. А тем временем мы прочедем страну вдоль и поперек и разыщем какого-нибудь волшебника, который поможет нам придумать славную месть королю Евралии. Согласитесь, сир, что если, например, голова монарха вдруг оказывается перевернутой вверх ногами, он не может не лишиться значительной доли того царственного величия, которое одно лишь способно внушить необходимые чувства подданным. Опять-таки, пара носов, расположенных под углом друг к другу, что чрезвычайно затрудняет процесс сморкания...

– Ладно-ладно, – нетерпеливо перебил его король, – я об этом подумаю, если вы действительно найдете волшебника. Только в наше время их не так-то много, к тому же волшебники имеют дурную привычку то и дело забывать, на чьей они стороне.

У Советника вытянулось лицо.

ПЕРВЫЙ СОВЕТНИК БАРОДИИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

Ну ладно, не расстраивайтесь, – снисходительно бросил король. – Я знаю, что делать. Так и быть, можете послать одну Ноту протеста, а потом мы сразу же объявим войну.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – сказал Советник.

Итак, в Евралию была отправлена Нота протеста. В ней указывалось, что Его Величеству королю Бародии было нанесено жестокое оскорбление посредством стрелы, в то время как Его Величество совершал свои ежеутренние оздоровительные упражнения. Сие оскорбление, не задев, по счастью, жизненно важных органов Его Величества, тем не менее причинило ему серьезное душевное расстройство и нанесло урон внешности. За нанесенное оскорбление королевство Бародия требует полного возмещения и т.д. и т.п.

Ответ из Евралии ждать себя не заставил. В нем выражалось глубочайшее сочувствие монарху дружественной державы, который стал жертвой трагического стечения обстоятельств. В утро, о котором идет речь, происходило состязание королевских лучников в стрельбе на дальнюю дистанцию, какое состязание, буде то представляет интерес для Его Величества короля Бародии, выиграл Генри Малонос, стрелок, подающий большие надежды. В ходе состязания было замечено, что некий посторонний предмет помешал полету одной из стрел, но поскольку сие происшествие не оказало влияния на окончательную расстановку участников состязания,

ему не придали особого значения, и Его Величество король Бародии может быть полностью уверен, что Его Величество король Евралии не имеет намерения предъявлять ему какие-либо претензии по поводу случившегося. Подобные состязания будут проводиться и впредь, и, если Его Величество король Бародии пожелает в дальнейшем совершать моцион в непосредственной близости от территории Евралии, король Евралии надеется, что Его Величество окажет ему честь спуститься на землю и присоединиться к участникам состязания. Выражая уверенность в полном благополучии Ее Королевского Величества и Их Королевских Высочеств и т.д. и т.п.

Первый Советник читал это послание, а в душе его росло беспокойство. Выходило, что именно по его вине Его Величество король Бародии подвергся новому оскорблению, и если ему не удастся каким-то образом преподнести ответную Ноту в сильно смягченном виде, его ожидают серьезные неприятности. Вступая за ограду дворца, он гадал, будет ли Его Величество обут в свои знаменитые башмаки и не обладают ли они заодно со способностью делать семимильные шаги способностью давать семимильные пинки.

Поднимаясь по лестнице, он начал подозревать, что бывают ответные Ноты, которые можно каким-то образом «преподнести», и бывают такие, которые лучше не пытаться «преподнести» никоим образом. Спустя пять минут, отправляясь домой (перед ним лежал путь ровно в двадцать одну милю

ПЕРВЫЙ СОВЕТНИК БАРОДИИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

длинной), он пришел к твердому убеждению, что ответная Нота из Евралии относилась к последним.

Вот каковы были истинные причины войны между Евралией и Бародией. Я знаю, что мое мнение по этому вопросу совершенно расходится с мнением известного историка Роджера Кривонога. В главе IX своего бессмертного труда «Евралия в прошлом и настоящем» он приводит абсолютно другие мотивы ссоры между двумя монархами. Король Бародии, говорит он, просил руки принцессы Гиацинты для своего старшего сына. Король Евралии, как это было принято, поставил условие, по которому Его Высочество сначала должен был взобраться верхом на коне на стеклянную гору, что показалось оскорбительным королю Бародии. Боюсь, что Роджеру просто хочется представить все дело в романтическом свете. На самом деле там не было и намека на сантименты и все происходило именно так, как я только что имел честь вам доложить.

ез сомнения, вы уже догадались, что ответ продиктовала королю Веселунгу графиня Бельвейн. Сам Веселунг, скорее всего, выразился бы следующим образом: «Так вам и надо – нечего без спросу летать над моим королевством». Он никогда не отличался тонким остроумием. Гиацинта сказала бы: «Нам очень жаль, но ведь рана оказалась не слишком серьезной, не так ли? И вы действительно не получали приглашения к завтраку». Советник долго чесал бы в затылке, а потом бы изрек: «В соответствии с главой VII, параграфом 259 „Уложений Королевства“, мы можем отметить...»

Но у графини был свой взгляд на вещи, и если вам кажется, что она словно нарочно сделала все для того, чтобы война стала неизбежной, – что ж, у нее могли быть основания к этому стремиться.

Пока что больше всех досталось Советнику Бародии, но «прихоти сильных мира сего часто обра-

чинаются страданиями невинных» – этот афоризм заимствован мною из «Евразии в прошлом и настоящем», где Роджер чуть ли не каждый абзац заканчивает моралью.

– Ну вот, – объявил Веселунг графине, – война объявлена! Гиацинта приводит в порядок мои доспехи.

– А что сказал король Бародии?

– Он ничего не сказал. Он написал на клочке грязной бумаги красными буквами ВОЙНА, пришил его к уху моего гонца и отослал его назад.

– Боже, как это грубо! – возмутилась графиня.

– Д-да, я тоже подумал, что это несколько... ээ... неизящно, – неловко промямлил король. На самом-то деле он втайне восхищался таким поступком и ужасно жалел, что ему самому в голову не пришло ничего подобного.

Графиня Бельвейн с очаровательной улыбкой быстро проговорила:

– Конечно, все зависит от того, кто это делает. Например, если бы вы совершили нечто в этом роде, это выглядело бы как свидетельство благородного негодования.

– Должно быть, он был в ярости, – заметил Веселунг, выбирая из груды лежащих перед ним мечей то один, то другой и внимательно их разглядывая. – Хотелось бы мне взглянуть на его физиономию, когда он читал мою Ноту!

– И мне тоже, – вздохнула графиня.

Ей-то этого хотелось гораздо больше. Трагедия человека, умеющего писать отличные письма,

состоит в том, что ему почти никогда не удается посмотреть, как их читают. Это уже мой собственный афоризм – подобная мысль, я уверен, никогда не пришла бы в голову Роджеру, отнюдь не блиставшему в эпистолярном жанре.

Король продолжал перебирать мечи.

– Как это некстати, – недовольно бормотал он. – Интересно, может быть, Гиацинта... – Он подошел к двери и позвал: – Гиацинта!

– Иду, отец, – откликнулась Гиацинта откуда-то сверху.

Графиня Бельвейн встала с кресла и опустилась перед принцессой в глубоком реверансе.

– Доброе утро, Ваше Королевское Высочество!

– Доброе утро, графиня, – приветливо ответила Гиацинта. Ей нравилась графиня – она не могла не нравиться, – но Гиацинте почему-то всегда хотелось, чтобы она нравилась ей чуть меньше.

– Гиацинта, подойди и взгляни на эти мечи, – попросил Веселунг. – Который из них, по твоему мнению, заколдованный?

Гиацинта честно попыталась выполнить просьбу отца, но не пришла ни к какому решению.

– Ах, отец, – сказала она наконец, – я, право, не знаю. Неужели это так важно?

– Милое дитя, конечно, это очень важно. Предположим, король Бародии вызывает меня на поединок. Если у меня заколдованный меч, я обязательно должен победить. А если нет, то еще не известно.

Бельвейн, не отрывая взора от Дневника, как бы про себя проговорила:

– Предположим, у короля Бародии тоже заколдованный меч... (Подобное замечание было как нельзя более в ее духе.)

Король перевел на нее взгляд и глубоко задумался.

– Да, действительно, – проворчал он озабоченно, – я как-то об этом не думал. Честное слово, я... – Он повернулся к дочери: – Гиацинта, а что если у нас обоих будут заколдованные мечи?

– Ну тогда, я думаю, вам придется сражаться вечно.

– Или по крайней мере до тех пор, пока из мечей не выйдет все колдовство, – невинно заметила графиня.

– Об этом должно быть где-нибудь написано, – с надеждой предположил Веселунг, чье приподнятое настроение совершенно угасло от этого разговора. – Попрошу Советника поискать. Только он сейчас страшно занят подготовкой к войне.

Графиня задумчиво произнесла:

– Зато у него окажется масса свободного времени потом – когда начнется поединок...

Удивительная женщина! Она уже представляла Советника, который спешит с долгожданным известием к королю Евралии и опаздывает на мгновение – то самое мгновение, в которое противник наносит смертельный удар.

Веселунг снова вернулся к мечам.

– Ну, как бы там ни было, по крайней мере в своем мече я должен быть уверен. Гиацинта, ты совсем не знаешь, который из них заколдованный? – И он обиженно добавил: – Я же просил тебя пометить оружие.

Принцесса снова стала изучать мечи.

– Вот он! – радостно воскликнула она. – На нем стоит В, что значит волшебный!

– Или Веселунг, – еле слышно промурлыкала графиня.

Радость, только что озарившая лицо короля, тут же померкла, и он раздраженно заметил:

– От вас нынче не очень-то много проку, графиня.

В тот же миг графиня была на ногах – Дневник отброшен в сторону (нет-нет, конечно, ни в коем случае не отброшен, а аккуратно положен на пол), сама она со скрещенными на груди руками – как живое воплощение укора.

– О, Ваше Величество, простите меня... если бы вы спросили... я не знала, что вы нуждаетесь в моей помощи... я думала, Ее Королевское Высочество... – Вдруг ее голос стал по-матерински заботливым и успокаивающим: – Конечно же, я найду его.

Я часто думаю, погладила ли она при этом короля по голове? Это тоже было бы на нее очень похоже. Правда, в «Евралии в прошлом и настоящем» о таком жесте не говорится ни единого слова, а уж Роджер-то ни за что не преминул бы упомянуть о подобного рода бесцеремонности. Так что, может, ничего и не было.

Графиня без колебаний взяла один из мечей и протянула его Веселунгу.

– Ах, как хорошо, что все устроилось, – обрадовалась Гиацинта и ушла, предоставив их друг другу.

Король, счастливо улыбаясь, поглаживал клинок. Вдруг его охватило сомнение.

– А вы уверены, что это он?

– Испытайте на мне! – трагически вскричала графиня, падая на одно колено и простирая к королю руки. Носок маленькой туфельки касался Дневника, лежащего на полу, – его близость вселяла в нее отвагу. Даже в столь опасном положении она обдумывала, как описать эту сцену («Как, собственно говоря, пишется „простирая“?»).

Я думаю, что к тому времени король уже был влюблен в нее по уши, хотя никак не мог решиться на завершающий шаг. Но если даже и так, в графиню он был влюблен от силы месяца два – два месяца из сорока лет, а вот с мечом не расставался с ранней юности. В критической ситуации в душе человека побеждает не самая сильная привязанность, а самая старая (это Роджер, но тут я с ним полностью согласен), и он, не рассуждая, поднял меч. Если он действительно заколдованный, малейшая царапина окажется смертельной. Сейчас все станет ясно!

Недоброжелатели графини распускали слухи, что эта женщина была столь дерзка, что ничто на свете не могло заставить ее побледнеть. Конечно, графиня Бельвейн имела ряд недостатков, но именно этот в их число не входил: глядя на занесенный

над нею сверкающий клинок, она была бледна как мел. Тысячи мыслей вихрем пронеслись в ее голове: как потом будет раскаиваться король, как ее будут воспевать менестрели, будет ли опубликован ее Дневник. Но в основном она проклинала себя за то, что ей вдруг пришло в голову разыграть такую дурацкую мелодраму.

Король вздрогнул, пришел в себя и страшно сконфузился. Потом закашлялся, чтобы скрыть смущение, и подал руку графине, помогая ей подняться.

– Графиня, что это с вами? Просто нелепо. Неужели вы думаете, что я позволю вам жертвовать собой, да еще в такое время? Присядьте и давайте обсудим все по порядку.

Оглушенная бурей чувств, Бельвейн сидела, крепко прижимая к груди драгоценный Дневник. В эту минуту жизнь казалась ей особенно прекрасной, единственным темным пятном было то, что менестрели все-таки, по-видимому, не сложат о ней песен. Ничего не поделаешь, нельзя же получить все разом.

Король решительными шагами расхаживал по залу и говорил:

– Я отправляюсь на войну и оставляю горячо любимую дочь. Разумеется, в мое отсутствие править страной будет она. Но я хочу, чтобы Гиацинта знала, что в любую минуту может обратиться к вам, графиня, за поддержкой и помощью. Уверен, что полностью могу на вас положиться, поскольку вы

только что представили мне неопровержимое доказательство своей преданности.

– О, что вы, Ваше Величество! – протестующе воскликнула графиня и с торжеством отметила про себя, что ее труды не пропали даром.

– Гиацинта еще совсем девочка, – тем временем продолжал король. – У нее нет никакого опыта. Она нуждается...

– В руководящей материнской руке, – мягко подсказала графиня.

Веселунг смешался и отвел глаза в сторону. Вообще-то ему следовало бы немедленно объясниться. Но... но столько еще нужно успеть до завтра... Пожалуй, лучше отложить это до конца войны.

– У вас не будет никакой официальной должности, кроме прежних, – продолжил он поспешно. – Но я хотел бы, чтобы принцесса во всем следовала вашим советам.

С некоторых пор графиня только об этом и мечтала, но, конечно, в подобной ситуации необходимо было проявить подобающую скромность.

– Я сделаю все, что в моих силах, Ваше Величество, с радостью. Но разве Советник...

– Советник поедет со мной. Он, конечно, не боец, зато силен в заклинаниях. – Король огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что они одни, и продолжал, понизив голос: – Он как-то говорил, что разыскал в архивах одно очень сильное заклинание. Если нам удастся применить его перед первым сражением, наши доблестные войска, вероятно,

смогут... ээ... проявлять свою доблесть, почти не встречая сопротивления.

Графиня застенчиво пролепетала:

– Но есть же и другие образованные мужчины... Они гораздо лучше разбираются в государственных делах, чем мы, бедные женщины («Что за чушь я несу», – думала она про себя), и они смогут дать Ее Высочеству несравненно более ценные советы...

– Такие мужчины, – прервал ее Веселунг, – понадобятся мне самому. У меня каждый человек на счету! В войне с Бародией будет участвовать все мужское население Евралии, поэтому наша страна на некоторое время превратится в страну женщин. – Он искоса взглянул на графиню и улыбнулся. – Тогда это будет страна, в которой... ээ... каждый... то есть...

Было совершенно очевидно, что король из всех сил старается и никак не может придумать что-нибудь очень галантное, и графиня по доброте души решила избавить его от мучений.

– О, Ваше Величество... – Она потупила взор. – Это, право, слишком любезно с вашей стороны...

– Д-да нет,нисколько, – растерялся король, пытаясь припомнить, что же он такое сказал. В конце концов он предпочел откланяться. – К сожалению, графиня, я должен вас покинуть. У меня масса дел.

– У меня тоже, Ваше Величество. – Бельвейн сделала реверанс и вышла из зала, зажав под мышкой Дневник.

А Веселунг, который никак не мог избавиться от ощущения какой-то внутренней неудовлетворен-

ности, вернулся к письменному столу и взялся за перо. Когда десять минут спустя Гиацинта заглянула в библиотеку, весь стол был завален обрывками бумаги, и она невольно наткнулась на несколько примечательных фраз:

«В подобной стране я безусловно стал бы счастливейшим из подданных...»

Остальные были еще короче:

«Это, дорогая графиня, было бы моей...»

«Страна, в которой даже король...»

«Счастливая страна...»

Последняя фраза была зачеркнута, и поверх нее написано:

«Плохо!»

– Отец, что все это значит?

Веселунг вскочил, покраснев до корней волос.

– Ничего, дорогая, ничего... Я просто... Видишь ли, мне, безусловно, необходимо будет обратиться с речью к народу. Вот я и набросал несколько... Как бы то ни было, они мне больше не нужны.

Он сгреб клочки в кучу, в сердцах смял и бросил в корзину для бумаг.

Что же с ними стало? – спросите вы. Скорее всего, на следующее утро они пошли на растопку камина. Но вот что удивительно! В десятой главе «Евралии в прошлом и настоящем» я вижу: «Поелику король и все мужское население Евралии отправились на войну с подлыми бародианами, Евралия

стала страной женщин – страной, в которой даже король был бы счастливейшим из подданных».

Так что же это означает? Не есть ли это новый пример литературного плагиата? (Если вы помните, мне уже пришлось обличить Шелли.) Уж конечно, Роджер имел доступ к дворцовым корзинам для бумаг, как и многие другие историки. Но в таком случае он просто обязан был указать первоисточник!

Однако мне не хотелось бы быть несправедливым к Роджеру. Вам, наверное, уже стало ясно, что я во многом не разделяю его взглядов, но отдаю ему должное как историку (а в некоторых случаях, например когда речь идет о первом появлении принца Удо в Евралии, целиком полагаюсь на свидетельства Роджера). И я ведь всегда ссылаюсь на него, если мне случается включать его высказывания в свое повествование, – так что есть все основания надеяться, что и Роджер был столь же щепетилен в отношении других. Я уже упоминал о том, что Роджер Кривоног – натура, несомненно, романтическая (как, впрочем, и король Веселунг). Поэтому давайте считать, что эта возвышенная мысль пришла к ним обоим независимо друг от друга.

Графиня Бельвейн имела полное право торжествовать небольшую победу. Король обнажил меч, но она не дрогнула! В награду за это она получит власть. Она станет властью за троном.

«Не обязательно за троном», – думала графиня.

стало время представить вам Виггз, и я сразу же оказываюсь в затруднительном положении. Каково было положение Виггз при дворе? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что мне приходится складывать всю историю из отдельных кусков, рассказанных другими, как головоломку, и заполнять пробелы, полагаясь на собственное представление о логике поведения того или иного персонажа. Для начала я хотел бы познакомить вас с первоисточниками.

Первый и главнейший из них это, безусловно, Роджер Кривоног. Его монументальный труд «Евразия в прошлом и настоящем» в семнадцати томах громоздится на моем письменном столе. Я наткнулся на них (разумеется, в переносном смысле) совершенно случайно в одном маленьком магазинчике возле... забыл, как называется это место, но это третья по счету книжная лавка по левой

стороне улицы. Именно этому труду я следовал в изложении основных линий и уже говорил о том, насколько высоко ценю сие произведение.

Во-вторых, существует некоторое количество легенд и баллад, поведанных мне моей тетушкой, одной из представительниц корнуэльских Малоносов. Она утверждает, что является прямым потомком Генри Малоноса, чей удачный выстрел и вызвал к жизни цепь событий, которые я пытаюсь изложить.

Конечно, мне не придет в голову подвергать сомнению слова дамы, к тому же она действительно всегда говорит о Генри Малоносе с той смесью гордости и фамильярности, с какой обычно говорят о знаменитых предках или родственниках. Во всем, что не касается Генри, ее слова заслуживают абсолютного доверия, тем более что в основных чертах эти рассказы подтверждаются Роджером. Именно она описала графиню Бельвейн с необыкновенной яркостью и дала подлинную оценку ее характера, отсутствующую в других источниках. Но ее отношение к Генри Малоносу просто нелепо. Дай ей волю, и он станет главным и единственным героем всей истории. Это вызывает у меня и у Роджера снисходительную усмешку: мы отдаем должное Генри за его блестящий выстрел, но и только.

И в-третьих, сама Бельвейн. Женщины, подобные ей, не умирают. Не далее как в прошлом году мне довелось встретить ее – или ее воплощение – в одном загородном имении в Шропшире. Не помню, каким именем она себя назвала, но это была

она. Я узнал ее тотчас – время покатилося вспять, и вот мы уже в милой Евралии. «Остался к чаю и был совершенно очарователен...» Интересно, сказала бы она то же самое обо мне? Однако я, кажется, становлюсь сентиментальным – почти как наш дорогой Роджер.

Сверившись с этими источниками, я вновь задаю себе вопрос: кто же такая была Вигтз?

Роджер говорит о ней как об одной из приближенных принцессы. Мы знаем, что Гиацинте было семнадцать лет. В таком случае Вигтз должно быть столько же – девушка на выданье – или, возможно, чуть больше. Почему бы и нет, спросите вы. Действительно леди Вигтз – фрейлина Ее Высочества, восемнадцати с небольшим, высокая и статная... Поскольку именно она разрушила коварные планы графини, пусть и будет ей под стать.

Да, конечно, но вы никогда бы так не подумали, если бы послушали мою тетушку. К тому же, если бы вам выпало счастье лицезреть Бельвейн, вы и сами сразу же поняли бы: ни одна взрослая женщина не могла ей противостоять.

Вигтз была ребенком – я чувствую это всем сердцем. В легендах и балладах моей тетушки она предстает перед нами девочкой, как Алиса в сказочной

стране. Что бы там ни писал Роджер, в моем рассказе она будет ребенком.

Кстати, у Роджера концы с концами не сходятся. Так, он пишет, что Виггз вытирает пыль с трона. Попробуйте-ка представить себе придворную даму, которой в прошлом феврале исполнилось восемнадцать, с тряпкой или метелкой в руках! Несколько раз он заставляет ее выполнять приказания графини – это тоже настораживает. Никогда фрейлина не стала бы повиноваться никому, кроме своей госпожи.

Итак, Виггз – девочка. Маленькая подруга Гиацинты, готовая на все для того, кто любит (или делает вид, что любит) ее покровительницу.

Король Евралии Веселунг отправился на войну. Он ехал во главе внушительного войска с заколдованным мечом на левом боку (плащ-невидимка был пока приторочен к седлу, чтобы отсутствие королевской тени не пугало боевого коня). Гиацинта провожала его у ворот замка. Пять раз он возвращался, чтобы дать ей последние наставления, а шестой – за мечом, но теперь он действительно уехал, и Гиацинта сидела на любимом месте на башне замка вместе с Виггз.

– Никогда не думала, что провожать отцов на войну – такое утомительное занятие, – сказала Гиацинта. – Я очень надеюсь, что с ним ничего не случится. Послушай, Виггз, – хотя об этом, я думаю, лучше не говорить вслух и хотя он только что уехал – но, наверное, это очень приятно – быть королевой, правда?

ПРИНЦЕССА ГИАЦИНТА ПОЛАГАЕТСЯ НА ГРАФИНИЮ

– Это должно быть просто чудесно! – ответила Виггз, глядя на принцессу широко открытыми глазами. – А вы теперь можете делать все, что хотите?

Гиацинта кивнула.

– Я всегда делала все, что мне хотелось, а теперь могу это делать.

– А вы можете отрубить кому-нибудь голову?

– Запросто!

– А по-моему, это ужасно противно – отрубить головы.

– И мне так кажется, – улынулась Гиацинта. – Поэтому давай пока не станем это делать – пока не привыкнем как следует.

Виггз не сводила с принцессы восторженных глаз.

– Кто сильнее, – спросила она, – вы или фея?

– Я так и знала, что ты задашь какой-нибудь ужасный вопрос, – сказала Гиацинта, делая вид, что сердится. Потом она оглянулась по сторонам и шепнула Виггз на ухо: – Я!

– О-о! – воскликнула Виггз. – Неужели правда?!

– Конечно, правда. Ты слышала когда-нибудь историю об отце и фее?

– О Его Величестве?

– Да, о Его Величестве короле Евралии. Это случилось однажды в лесу, вскоре после того, как он стал королем...

А вы знаете эту историю? Думаю, нет.

Это случилось вскоре после того, как Веселунг взошел на престол. Он так этим гордился, что

повсюду расхаживал и повторял вслух: «Я король. Я король. Я король». А иногда: «Король – это я. Король – это я!» Однажды он гулял в лесу, и его случайно услышала фея. Она явилась ему и сказала:

– Значит, ты – король?

– Я король, – ответил Веселунг, – я король, я ко...

– А все-таки, – перебила его фея, – что такое, по сути говоря, король?

Веселунг гордо заявил:

– Король – это очень могущественное существо!

– А если я превращу тебя в овечку? Что тогда?

Король на минуту задумался.

– Пожалуй, я бы не отказался побывать овечкой.

Фея взмахнула рукой.

– Не отказался бы? Вот и будь ею! До тех пор, пока не признаешь, что фея могущественнее, чем король.

И он в мгновение ока превратился в овечку.

– Ну? – сказала фея.

– Ну? – сказал король.

– Так кто же могущественнее – король или фея?

– Конечно, король, – ответил Веселунг, – и вдобавок гораздо шерстистее.

Наступило молчание. Король начал пощипывать травку.

– Я не слишком высокого мнения о феях, – пробормотал он с набитым ртом. – Мне кажется, они не очень-то могущественны...

Фея сердито взглянула на овечку.

– Они не могут заставить говорить то, что не хочешь, – пояснил король.

Фея топнула ногой.

– Стань жабой! – воскликнула она. – Мерзкой, ползучей, бородавчатой жабой!

– Я всю жизнь мечтал, – начал Веселунг, – стать жабой, – договорил он откуда-то снизу.

– Ну как? – спросила фея.

– Я не очень-то высокого мнения о феях. Не так уж они и могущественны...

Он ждал, что фея обратит на него внимание, но она сделала вид, будто думает о чем-то другом. Немного помолчав, жаба добавила:

– Они никогда не могут заставить говорить то, что не хочешь.

Фея пришла в еще большую ярость, снова топнула ногой и приказала:

– Будь нем! И оставайся немым на веки вечные!

В лесу было совсем тихо. Фея посмотрела сквозь ажурные кроны деревьев на голубое небо, на коро-

левский замок, видневшийся в просвете между могучими стволами, на гладкий булыжник справа, на поросшую мхом кочку слева... но она не станет, нет, она ни за что не станет смотреть под ноги...

Нет, она не станет...

Ни за что...

И все же...

Это было выше ее сил. Она не удержалась и взглянула на мерзкую, бородавчатую, ползучую жабу, сидевшую у ее ног, – немую жабу, которая еще совсем недавно была королем.

И, поймав ее взгляд, жаба подмигнула!

Подмигивать можно по-разному. Фея сразу поняла, что в данном случае это означало: «Я не слишком высокого мнения о феях. Не очень-то они могущественны. Не могут заставить произнести то, что не хочешь».

Фея с отвращением и досадой взмахнула рукой.

– О, стань снова королем... – И она исчезла.

Вот это и есть вся история о том, как король Евралии повстречался с феей. У Роджера она изложена неплохо – разумеется, не так хорошо, как у меня, – но он нагружает ее моралью. Если хотите, мораль можете придумать сами, потому что я такими вещами не занимаюсь.

Вигтз тоже не особенно интересовалась моралью. Упершись локтями в коленки и положив подбородок на кисти рук, она мечтательно смотрела в сторону леса, воображала всю эту сцену и думала: «Как замечательно быть королем, да еще таким умным!»

– Это случилось очень давно, – сказала Гиацинта. – Отец тогда был не то, что теперь.

– Наверное, это была злая фея, – предположила Виггз.

– Просто глупенькая. Вот меня бы отец так легко не обвел вокруг пальца.

– Но ведь бывают и добрые феи, правда? Я однажды с такой встретилась.

– Ты, дитя? Где же?

Не берусь предполагать, каким путем пошла бы история Евралии, если бы Виггз не прервали. Но случилось так, что она рассказала про свою фею в другой раз, при таких обстоятельствах, что графиня Бельвейн смогла... Да-да, мне неприятно об этом говорить, но графиня действительно подслушала. Правда, как она потом не раз объясняла, ссылаясь на многочисленные примеры из литературы, подобные истории и существуют лишь для того, чтобы их подслушивали (как будто это могло служить ей оправданием!). Во всяком случае, на этот раз она явилась слишком рано для того, чтобы подслушать, но как раз вовремя, чтобы обеспечить себе такую возможность на будущее.

– Графиня Бельвейн! – объявила дежурная придворная дама, вслед за чем последовало явление Ее Светлости, как всегда, весьма эффектное.

– Доброе утро, графиня, – довольно приветливо поздоровалась Гиацинта.

– Доброе утро, Ваше Королевское Высочество. А-а, Виггз, милое дитя, – небрежно добавила она

и протянула руку, чтобы погладить милое дитя по головке, но слегка промахнулась.

— Виггз как раз собиралась мне рассказать одну удивительную историю.

— Славная крошка. — Графиня неопределенно взмахнула другой рукой в сторону славной крошки. — Ваше Высочество, простите меня великодушно, не будете ли вы столь добры позволить мне прервать вашу беседу? Я очень хотела бы обсудить с вами небольшое, но неотложное дело государственной важности.

Отпустив Виггз кивком, принцесса напряженно ждала продолжения.

Когда они оставались наедине, Бельвейн оказывала на Гиацинту какое-то странное воздействие. Было что-то такое в величественных манерах этой дамы, от чего принцесса всегда чувствовала себя неловкой и виноватой, как школьница, которая плохо себя вела. Я сам часто ощущаю нечто подобное, беседуя с издателями, а Роджер неоднократно упоминает об одном из своих дядюшек, перед которым он всегда оказывался в самом невыгодном положении. Это, по-видимому, довольно распространенное явление.

— Всего-навсего несколько проектов на рассмотрение Вашего Величества — ах, как глупо с моей стороны, — я хотела сказать «Вашего Высочества». Может быть, конечно, они и не заслужат одобрения Вашего Высочества, но если вы сочтете их достойными... словом, я на всякий случай изложила их

ПРИНЦЕССА ГИАЦИНТА ПОЛАГАЕТСЯ НА ГРАФИНИЮ

в письменном виде. – И она стала разворачивать один за другим листы пергамента, сияющие всеми цветами радуги.

– Как красиво! – Гиацинта не могла сдержать искренний восторг.

Графиня вспыхнула от удовольствия. Она обожала цветные чернила, перья, линейки, карандаши. В ее Дневнике день недели всегда был подчеркнут красным, а самые важные слова она обычно выделяла золотом. Едва раскрыв Дневник, вы понимали, что перед вами настоящее произведение искусства.

Первый лист был озаглавлен «Проект экономии в Королевстве». («Экономия» сразу бросалась в глаза, выведенная красным.)

Следующий назывался «Проект безопасности Королевства». («Безопасность» притягивала взор, сияя небесной голубизной.)

Третий лист носил заглавие «Проект поощрения искусств и литературы в Королевстве». «Королевству» на этот раз было явно тесновато. Чутье истинного художника подсказывало графине, что заглавие обязано уместиться на одной строке, но она начала писать слишком крупными буквами, а поскольку зеленые чернила были на исходе, не могла себе позволить начать заново. Всего таких листов оказалось никак не меньше десятка.

К концу третьего принцесса заерзала в кресле.

К концу пятого ее уже не покидало ощущение, что она затесалась в королевское семейство, скорее всего, по недоразумению.

К концу седьмого она дала себе честное слово, что, если графиня на этот раз ее простит, она никогда больше не будет такой дурной девочкой.

К концу девятого она еле сдерживала слезы.

В начале десятого листа красовалось заглавие ярко-оранжевого цвета «Проект развития пластики в Королевстве».

– Да, – пролепетала Гиацинта слабым голосом, – мне кажется, это неплохая мысль.

– Я подумала, что, если Ваше Высочество одобрит эту затею, мы как раз сейчас могли бы...

Гиацинта почувствовала, что заливается краской стыда.

– Я полагаюсь на вас, графиня. По-моему, вы разбираетесь во всем этом куда лучше, чем я.

Ничего подобного она никогда не сказала бы своему отцу.

Графиня Бельвейн сидела на троне (на поваленном стволе у опушки леса) в окружении толпы придворных – той воображаемой аудитории, с которой она не расставалась ни на минуту. Она чувствовала себя не в своей тарелке, чего с ней почти никогда не случалось, но сегодня для этого были все основания. Дело было в том, что Ее Королевское Высочество изъявила желание провести смотр недавно организованной Армии Амазонок Ее Королевского Высочества (см. проект II «Безопасность Королевства»). Вы, наверное, спросите: «Что же в этом ужасного?» Вот что: никакой Армии Амазонок и в помине не было. Никогда! А чтобы не обременять Ее Высочество тревогой за безопасность королевства, графине приходилось регулярно получать жалованье за всю Армию.

При любой неприятности Бельвейн обращалась к любимому Дневнику, он был незаменимым

источником утешения в горе. Она раскрыла огромную тетрадь и, лениво листая страницы, стала перечитывать наиболее захватывающие отрывки:

«Понедельник, первое июня. Стала плохой».

Она тяжело вздохнула в знак смирения перед необходимостью быть плохой. Роджер Кривоног искренно считает, что ей следовало вздыхать уже много лет подряд: по его мнению, плохой она родилась.

«Вторник, второе июня, – продолжала Бельвейн. – Сегодня осознала, что создана для того, чтобы править страной. Среда, третье июня. Решила отстранить принцессу от власти. Четвертое июня. Начала отстранять».

Поразительные по смелости признания в устах любой женщины, хотя бы и ставшей плохой в прошлый понедельник! Без сомнения, этот Дневник не предназначался для чужих глаз. Давайте попробуем, заглянув через плечо коварной женщины, подсмотреть что-нибудь еще из ее откровений.

«Пятница, пятое июня. Сделала...» – о, это, пожалуй, слишком интимно... Далее следует «Основная мысль недели»:

«О берегись! Ведь на пути к вершинам власти Тебя подстерегают беды да напасти!»

Восхитительное нравоучение, которое пришлось бы весьма по вкусу Роджеру, только он никогда не сумел бы его так мило срифмовать. Графиня перелистнула еще несколько страниц и приготовилась запечатлеть на бумаге события вчерашнего дня.

ГРАФИНЯ БЕЛЬВЕЙН ПОТВОРСТВУЕТ СВОИМ СЛАБОСТЯМ

– Вторник, двадцать третье июня, – сказала она вслух. – Так что же произошло вчера? «Приветствуемая за стенами дворца ликующей толпой...». «Ликующей»? – Она прикусила кончик пера и задумалась. Потом полистала Дневник, пока не нашла нужное место.

– Да, – объявила она уверенно, – в прошлый раз было «восторженной», значит, сейчас очередь «ликующей»! – И она написала «ликующей» тонким карандашом. Потом это будет обведено золотом.

Вдруг она поспешно захлопнула тетрадь: послышались чьи-то шаги. Это была Виггз.

– Если позволите, Ваша Светлость, Ее Высочество прислала меня напомнить вам, что прибудет в одиннадцатый, чтобы произвести смотр своей новой Армии.

Подобное напоминание вряд ли могло обрадовать графиню.

– Ах, Виггз, милое дитя... – Она испустила трагический вздох. – Я так утомлена. Глава Придворного Кордебалета, – и она проделала грациозное па, – Главнокомандующий Армии Амазонок, Главный Хранитель Королевской Мантии и Главный Смотритель Мебельных Чехлов – и все это я! Пойди и вытри пыль вон с того бревна для Ее Высочества. Эти обязанности висят на мне тяжким грузом. Я так редко остаюсь наедине со своими мыслями...

– А вот Воггз говорит, что зато вы не остаетесь внакладе, – невинно заметила Виггз, сметая пыль с бревна. – Это, должно быть, довольно приятно – никогда не оставаться внакладе.

Графиня холодно взглянула на Виггз. Одно дело – исповедоваться собственному Дневнику в том, что ты плохая, и совсем другое – когда всякие «воггз» трубят об этом на всех перекрестках.

– Я не знаю, что такое «воггз», но пусть «воггз» немедленно явится ко мне.

Как только Виггз скрылась из виду, графиня решила, что самое время предаться Страстям. Она металась по шелковистой лужайке, повторяя про себя: «Проклятие! Проклятие! Проклятие!» Покончив с Яростью, она мрачно опустилась на бревно и погрузилась в Отчаяние. Темные волосы двумя волнистыми прядями спускались по спине – немного подумав, она перекинула одну на грудь: человек, погруженный в Отчаяние, совсем не обязательно должен выглядеть как попало.

Потом ей пришла в голову новая мысль: «Я одна, а это значит, что мне следует произнести монолог, тем более что я уже так давно ничем подобным не занималась... О! Какой жестокий...» Графиня проворно вскочила с неудобного сиденья (Разве можно сочинить стоящий монолог на такой коряге?), перешла на середину поляны, скрестила руки на груди и начала заново:

– О! Какой жестокий...

– Вы меня звали, мэм? – внезапно раздался голос появившейся Воггз.

«Проклятие! – Графиня вздрогнула от неожиданности. – Что ж, придется отложить», – сказала она самой себе и повернулась к Воггз.

Видимо, Воггз оказалась где-то совсем неподалеку – слишком уж быстро нашла ее Виггз. Подозреваю, что она играла в лесу, вместо того чтобы делать уроки, вытирать пыль или штопать чулок, – одним словом, преступно пренебрегала своими ежедневными обязанностями.

Воггз мне объяснить еще сложнее, чем Виггз. Как тяжело автору управляться со всеми этими персонажами, вторгающимися в повествование без всякого приглашения! Тем не менее она здесь, и с этим приходится считаться.

Мне кажется, Воггз было на год или два меньше, чем Виггз, и воспитана она была похуже.

– Подойди ко мне, – приказала графиня. – Ты и есть так называемая Воггз?

– Да, мэм, – испуганно ответила Воггз.

Бельвейн поморщилась на «мэм», но тем не менее решительно продолжала:

– Так что ты обо мне рассказываешь?

– Н-ничего, мэм.

Графиня снова поморщилась.

– А ты знаешь, что я делаю с маленькими девочками, которые говорят обо мне всякие вещи? Я отрубаю им головы! Я, – она старалась придумать что-нибудь пострашнее, – я оставляю их на всю жизнь без сладкого. Я очень на них сержусь...

Воггз вдруг поняла, как ужасно себя вела.

– О, прошу вас, мэм. – И она упала на колени.

– Не смей называть меня «мэм»! – взорвалась наконец графиня. – Для чего, по-твоему, я стала

графиней, если не для того, чтобы меня не называли «мэм»?!

– Не знаю, мэм.

Бельвейн сдалась. Такой уж день выдался – все шло вкривь и вкось.

– Подойди поближе, дитя, – вздохнула она, – и послушай. Ты вела себя совершенно отвратительно, но, так и быть, я тебя прощаю. Только тебе придется кое-что для меня сделать.

– Слушаюсь, мэм.

На этот раз графиня даже глазом не моргнула на «мэм», потому что ее осенила блестящая мысль.

– Ее Королевское Высочество собирается произвести ревизию Армии Амазонок. Это желание посетило Ее Высочество не в самое подходящее время, поскольку в настоящее время Армия... (Что могло случиться с Армией в настоящее время?) Ах да, в настоящее время Армия совершает маневры в отдаленной части страны. Но нам не хотелось бы разочаровывать Ее Высочество, правда, Воггз? Так что же нам следует сделать?

– Не знаю, мэм, – решительно ответствовала Воггз.

Вопрос к Воггз был, разумеется, риторическим, и графиня продолжала:

– Я скажу тебе, что мы сделаем. Видишь вон то дерево? Вооруженная до зубов, ТЫ будешь маршировать вокруг него, и тогда те, кто будет смотреть с этой стороны, подумают, что мимо дерева проходит большой отряд! За это ты получишь награду.

ГРАФИНЯ БЕЛЬВЕЙН ПОТВОРСТВУЕТ СВОИМ СЛАБОСТЯМ

Вот! – Она достала откуда-то маленький мешочек. – Впрочем, нет, не сейчас – это останется за мной. Ну как, ты все поняла?

– Да, мэм.

– Очень хорошо. Тогда быстро беги во дворец, найди там меч, лук, стрелы и... стрелы и что-нибудь еще, все, что тебе понравится, и немедленно возвращайся. Спрячешься за кустами. Когда я дважды хлопну в ладоши, Армия начнет маршировать.

Воггз поспешно сделала неуклюжий реверанс и убежала. Возможно, графиня собиралась продолжить монолог, но ей это не удалось, потому что в лесу показалась принцесса с придворными дамами. Бельвейн поспешила им навстречу.

– Доброе утро, Ваше Королевское Высочество. Прекрасный день, не правда ли?

– Прекрасный, графиня.

Имея за плечами целую свиту, Гиацинта в первое мгновение держалась более уверенно. Но очень скоро вся ее уверенность начала улетучиваться. Я, кажется, уже упоминал о том, что у меня происходит то же самое с моими издателями, а у Роджера – с его дядюшкой.

Дамы окружили принцессу, приняв картинные позы, а графиня произнесла небольшую речь:

– Бравые защитницы Вашего Высочества, Армия Амазонок, – тут она отдала честь (к военным порядкам скоро привыкаешь, и они въедаются в плоть и кровь), – с нетерпением ожидали этого дня! Их сердца трепещут от гордости при мысли

о том, что Ваше Высочество удостоили их чести лично произвести смотр.

Она так часто выплачивала жалованье Амазонкам, вернее, получала деньги на жалованье Амазонкам, что сама уже почти верила в существование Армии. Она даже чертила схемы учений (разумеется, превосходными разноцветными чернилами) и собственноручно писала от имени капралов представления особо отличившихся рядовых к званию сержанта.

– Боюсь, я не слишком разбираюсь в военных делах, – сказала Гиацинта, – этим всегда занимался отец. Однако очень мило с вашей стороны, графиня, организовать женщин на мою защиту. Правда, это недешево обходится, не так ли?

– Ваше Высочество, ведь армия вообще вещь дорогостоящая.

Принцесса опустилась на приготовленное для нее сиденье и улыбкой пригласила Вигтз встать рядом. Придворные дамы расположились полукругом за спиной принцессы и приняли еще более живописные позы.

– Ваше Высочество, вы готовы?

– Я жду, графиня.

Графиня хлопнула в ладоши.

После минутной задержки стали появляться Амазонка за Амазонкой в полном боевом облачении. Впечатляющее зрелище... Однако Виггз чуть было все не испортила.

– Да это же Воггз! – удивленно воскликнула она.

– Глупая девчонка, – прошипела графиня, незаметно ткнув ее локтем в бок.

Принцесса вопросительно оглянулась.

– Невозможное создание! – мило улыбнулась графиня. – Представьте, она вообразила, что узнала приятельницу в рядах вашей доблестной Армии.

– Надо же, какая умница! А мне они все кажутся на одно лицо.

Графиня быстро нашлась.

– Форма и дисциплина – вот в чем дело. Это они создают необходимое единообразие. Это мнение специалистов по военному искусству.

– Да, конечно, – робко проговорила принцесса. – А не могли бы они шагать по четырем? Мне кажется, когда я бывала на военных парадах с отцом...

– Ах, Ваше Высочество, так то же были мужчины. С женщинами это невозможно. Если поставить их бок о бок, они непременно станут болтать.

Придворные дамы, вначале опиравшиеся на правую ногу, согнув левое колено, теперь, согнув правое, отдыхали на левой ноге. Воггз, по-видимому, тоже устала – Амазонки маршировали без прежнего рвения.

– Нельзя ли теперь их построить, чтобы я могла обратиться к ним с речью? – попросила Гиацинта.

Это был серьезный удар, и графиня смешалась.

– Боюсь, Ваше Высочество, – растерянно бормотала она, в то время как ее мозги бешено работали в поисках выхода, – ...это будет противоречить... ээ... духу «Уложений Королевства»... Ээ... армия на марше должна... ээ... должна маршировать! – неожиданно с блеском закончила она и сделала правой рукой плавный жест, показывающий, как должна вести себя армия на марше. – Должна маршировать, – повторила она с ослепительной улыбкой.

– Я понимаю, – сказала Гиацинта, покраснев.

Бельвейн громко кашлянула. Предпредпоследний ветеран армии вопросительно взглянул в ее сторону и скрылся. Появление предпоследнего ветерана вызвало еще более выразительное покашливание. Последний ветеран маршировал как-то совсем неуверенно и увидел на лице главнокомандующего настолько откровенно неодобрительную мину, что стало ясно: парад окончен. Воггз стащила с головы шлем и улеглась в кустах отдыхать.

– Вот и все, Ваше Высочество, – сказала Бельвейн. – Сто пятьдесят восемь участвовали в смотре, двести семнадцать числятся больными, что дает в сумме шестьсот тридцать два... Девять несут службу во дворце. Шестьсот тридцать два и девять – получается восемьсот пятнадцать. Добавьте к этому двадцать восемь, выбывших из рядов по возрасту, и вы получите практически тысячу.

Виггз открыла было рот, чтобы что-то сказать, но решила предоставить это своей госпоже.

ГРАФИНЯ БЕЛЬВЕЙН ПОТВОРСТВУЕТ СВОИМ СЛАБОСТЯМ

Гиацинта, однако, молчала, только вид у нее стал совсем несчастный. Бельвейн подошла к ней поближе.

– Я забыла напомнить, Ваше Высочество, сегодня как раз день выплаты жалованья. Один золотой в день, и... сколько там дней в неделе... помножить на... сколько там я насчитала?.. В общем, получается десять тысяч золотых. – Она уже держала в руках заготовленный документ. – Не будете ли вы так добры... вот здесь...

Принцесса машинально поставила подпись.

– Благодарю вас, Ваше Высочество. А теперь я должна немедленно этим заняться.

Графиня присела в реверансе, но, вспомнив о том, что она Главнокомандующий Армии Амазонок, отдала честь и удалилась военным шагом.

Вот в этом самом месте Роджер Кривоног описывает графиню, которая покидает принцессу с кругленькой суммой в кармане, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести, а потом сразу же переходит к следующей главе: «Тем временем король Евралии...» В результате у читателей складывается впечатление, что графиня Бельвейн была чуть ли не обыкновенной воровкой. Со стороны Роджера это просто бесчестно. Дело в том, что графиня имела слабость... О некоторых из ее слабостей я уже имел честь вам сообщить, но об этой еще не упоминал. Одним из ее любимых занятий было... помогать бедным.

Я знаком с одним пожилым джентльменом, который каждый вечер играет в шары. Он посылает мяч в конец поля, уныло бредет за ним и тащит его

обратно. Представьте себе его, а затем вообразите прекрасную графиню верхом на сливочно-белом иноходце среди «ликующей толпы», щедро швыряющую мешочки с золотом налево и мешочки с серебром направо. Честное слово, мне кажется, ее пристрастие гораздо более привлекательно.

И, уверяю вас, это очень затягивает. Если уж кто приобрел привычку «швырять» деньги направо и налево, он не избавится от нее до конца жизни. Просто давать деньги обычным способом становится почти невозможно. Подумайте сами: сможет ли человек, в некий героический момент жизни гордо сунувший кэбмену полкроны, потчевать его после этого трехпенсовиками и медью? Потом уж приходится швырять вовсю...

Так же было и с Бельвейн: привычка швырять деньги народу полностью ею завладела. Конечно, это довольно дорогостоящее увлечение, но на самом деле графиня не наносила никому никакого ущерба. Жители Евралии платили налог, специально введенный для содержания Армии Амазонок. Эти деньги возвращались к ним в виде подаяния. Что же может быть честнее? Несомненно, это приносило ей всеобщее обожание и восхищение, но какая женщина не нуждается в обожании? Стоит ли ее за это порицать? В любом случае этот порок в корне отличается от мелочного казнокрадства, в котором ее смеет обвинять Роджер. Давайте смотреть правде в глаза!

«**Т**ем временем король Евралии вел войну с неиссякаемым упорством» – так пишет Роджер в своей знаменитой десятой главе, и действительно у Веселунга хлопот было предостаточно. После объявления войны вооруженные силы Евралии вступили на территорию Бародии. Как бы ни были накалены страсти, обоим монархам приходилось следовать давним традициям, а, поскольку в прошлой войне последняя битва происходила на территории Евралии, местом первого сражения в нынешней должна была стать Бародия. Поэтому армия Веселунга вторглась в пределы Бародии: в ее распоряжение были предоставлены лучшие пастбищные угодья, и под приветственные возгласы жителей евралийцы разбили лагерь.

Прошло несколько недель, но пока еще никто ни с кем не сражался. Однако нельзя сказать, чтобы воюющие стороны бездействовали. В первое же утро

король Веселунг облачился в плащ-невидимку и отправился в неприятельский стан на разведку. К несчастью, то же самое и в тот же день решил проделать король Бародии, у которого тоже был плащ-невидимка. Поэтому примерно на середине пути два короля столкнулись друг с другом, что привело обоих в состояние величайшего изумления. Они решили, что дело не обошлось без колдовства, и разошлись по домам, чтобы посоветоваться со своими Советниками. Советники ничего особенного не придумали, но предложили Их Величествам предпринять новую попытку назавтра.

– Только по другой дороге, – решили оба Советника, – чтобы миновать Волшебную Стену.

Поэтому на следующее утро оба короля отправились по другой, южной дороге, и поэтому на половине пути опять произошло ужасающее столкновение. Оба они сели на землю и стали серьезно обдумывать происшествие.

«Чудо из чудес! – пробормотал себе под нос Веселунг. – Оказывается, кто-то воздвиг Волшебную Стену между воюющими сторонами».

Но он знал, что делать. Выпрямившись во весь рост и протянув руку к Волшебной Стене, он торжественно проговорил:

– Вол, вил, во, во.
Бо, бил...

В это самое время король Бародии воскликнул:
– Чудо из чудес! Неужели...

В БАРОДИИ НЕТ ВОЛШЕБНИКОВ

Они разом замолчали, потом смущенно кашляли. Каждый со стыдом вспомнил, что произошло накануне и как он испугался.

– Вы кто? – спросил король Бародии.

Веселунг подумал, что нет никакой необходимости признаваться, кто он такой.

– Я свинопас Его Величества, – ответил он голосом, которым, по его мнению, надлежало говорить свинопасам.

– Ээ... и я свинопас, – заявил король Бародии, не отличавшийся находчивостью.

Так что им ничего не оставалось, как обсуждать вопросы свиноводства.

Нельзя сказать, чтобы Веселунг был знатоком этого дела. Ради справедливости добавим, что король Бародии знал еще меньше.

– Ээ... сколько у вас? – спросил последний.

– Семь тысяч... – наобум ответил Веселунг.

– И у меня тоже, – нерешительно пробормотал король Бародии.

– ...пар, – пояснил Веселунг.

– У меня одиночки, – сказал король Бародии, решив наконец проявить независимость.

Король Евралии был приятно удивлен тем, что он с легкостью нашел общий язык со специалистом по столь сложному предмету. Король Бародии тоже начал чувствовать себя более уверенно.

– Мне пора. Время... ээ... доить.

– Да и мне тоже, – согласился Веселунг. – Между прочим, – добавил он, – вы своих чем кормите?

Король Бародии был не совсем уверен, чем их кормят – яблочным соусом или чем-то еще. Он подумал и решил, что, пожалуй, все-таки не яблочным соусом.

– Это секрет, – произнес он таинственным шепотом. – Передается из поколения в поколение.

Веселунг понимающе протянул: «А-аа...» Ничего лучше придумать он не смог, но тон у него при этом был очень многозначительный. Потом король попрощался и возвратился к себе в лагерь.

Не стоит и говорить о том, что он пребывал в отменном расположении духа, расписывая свои подвиги за ужином. Между прочим, король Бародии также был весьма доволен собою.

С тех пор прошло немало дней, но война еще только начиналась. Время от времени армия Евралии выстраивалась в полном боевом порядке перед лагерем и вызывала бародианцев на решительную битву, а иногда, наоборот, армия Бародии строилась на виду у неприятеля в надежде спровоцировать конфликт.

В промежутках особые отряды прочесывали всю округу вдоль и поперек в поисках хоть какого-нибудь волшебника, а Советники листали старинные книги, рассчитывая обнаружить подходящее к случаю магическое заклинание, и обменивались оскорбительными посланиями. Однако на исходе месяца ни один из них не мог с уверенностью сказать, на чьей стороне перевес.

Как раз посередине между лагерями воюющих держав возвышался небольшой холм, увенчанный

скрюченным деревцем. Вот там-то и сошлись ранним утром два короля и два Советника, чтобы обсудить «кровавое дело» (выражение Роджера). Предметом совещания был поединок между монархами, с незапамятных времен являвшийся неотъемлемой принадлежностью еврало-бародийских военных конфликтов. После того как короли обменялись рукопожатиями, Советники стали обсуждать детали.

– Смею предположить, – начал Советник Бародии, – что Ваши Величества пожелают сражаться на мечах.

– Да-да, – поспешно согласился король Бародии, столь поспешно, что Веселунг сразу понял: у него тоже заколдованный меч.

Советник Евралии вставил свое слово:

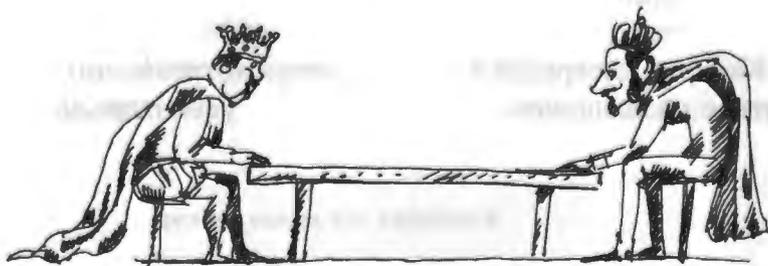
– Плащи-невидимки не допускаются.

– А у вас разве есть? – спросили друг друга оба короля одновременно.

Веселунг нашелся первым:

– Естественно, у меня есть. Интересно, что второй такой же имеется только у одного из моих подданных. Это, представьте себе, мой свинопас.

– Как забавно, – удивился король Бародии. – И у моего свинопаса тоже...

Веселунг не растерялся:

– Что же тут удивительного? Это предмет первой необходимости в свиноводстве.

– Особенно в дойный период, – охотно подтвердил король Бародии.

Они посмотрели друг на друга с уважением. Мало кто из государей в те времена мог похвастаться познаниями в свиноводстве.

Советник Бародии обратился к прецедентам:

– Применение плащей-невидимок было запрещено сразу же после знаменитого поединка между дедушками Ваших Величеств.

– Нет, прадедушками, – не удержался Советник Евралии.

– Нет, дедушками!

– Прадедушками, если я не ошибаюсь.

Страсти быстро накалялись, и Советник Бародии уже был близок к тому, чтобы как следует пнуть Советника Евралии, но тут вмешался Веселунг.

– Это неважно, – раздраженно произнес он, – просто скажите, что произошло, когда наши... ээ... предки вступили в единоборство.

– Произошло следующее, Ваше Величество. Когда дедушка Вашего Величества...

– Прадедушка, – еле слышно прошептал упрямец.

Советник Бародии бросил на оппонента уничтожающий взгляд и продолжал:

– Предки Ваших Величеств вознамерились положить конец войне и определить победившую сторону

по результатам поединка между государями воюющих держав. Обе армии выстроились друг против друга в полном боевом порядке. Перед строем армий монархи обменялись рукопожатием. Обнажив мечи и завернувшись в плащи-невидимки, они...

– Ну? – нетерпеливо сказал Веселунг.

– Это может произвести неприятное впечатление на Ваше Величество...

– Не важно, продолжайте.

– Как вам будет угодно, Ваше Величество. Обнажив мечи и завернувшись в плащи-невидимки, они... разошлись по домам ужинать.

– Ай-ай-ай! – возмутился Веселунг.

– Когда вышеупомянутые войска, весь вечер с нетерпением ожидавшие исхода поединка, в недоумении вернулись в лагерь, они обнаружили Их Величества...

– Спящими, – быстро вставил Советник Евралии.

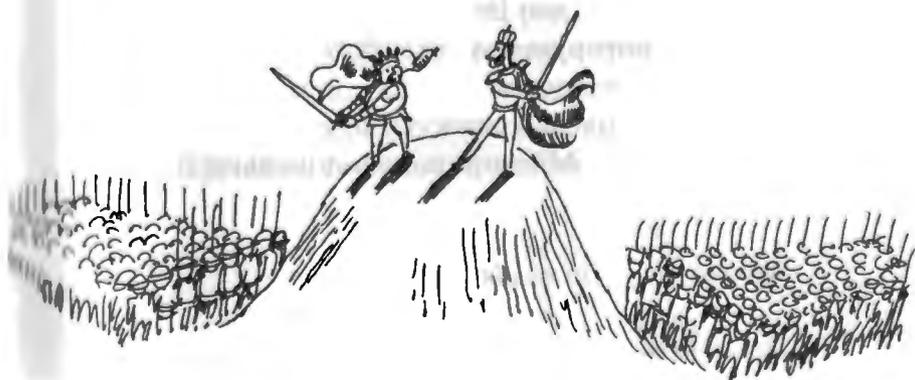
– Спящими, – согласился Советник Бародии.

Оправдательные мотивы Обоих Величеств, состоящие в том, что они внезапно забыли, что должны сражаться, хотя и признанные убедительными их современниками, не считаются таковыми в более поздних исторических исследованиях. (У Роджера и у меня тоже не считаются.)

Обсудив еще несколько более мелких вопросов, участники конференции разошлись, назначив на следующее утро решающий поединок между двумя потомками знаменитых воинов.

Погода стояла отменная. С самого раннего утра Веселунг был на ногах и отрабатывал приемы на подвешенной подушке. Время от времени он листал толстый том «Искусства владения мечом» и то и дело возвращался к подушке. Во время завтрака было заметно, что он волнуется, но держит себя в руках. После завтрака он написал нежное письмо Гиацинте и еще более нежное – графине Бельвейн – и сжег их оба. Много раз он декламировал на разные лады «Бо, бо, бил, бол...», пока оно не стало звучать надлежащим образом. Заклинание могло пригодиться. По дороге к месту сражения он все время вспоминал дедушку. Не то чтобы он его одобрял, но вполне мог понять.

Поединок получился просто великолепным. Сначала Веселунг нанес удар в голову королю Бародии, который тот ловко парировал. Потом король Бародии нанес королю Евралии удар в голову, а король Евралии не менее ловко его парировал. Это произошло четыре или пять раз, а потом Веселунг применил хитрый трюк, которому

когда-то его обучил капитан личной охраны. На этот раз была его очередь парировать, а он вместо этого взял да ударил противника по голове, и, если бы тот от удивления не отшатнулся и не упал, дело могло бы кончиться чем-нибудь весьма серьезным.

Вечер застал их все за тем же занятием: один бьет, другой парирует, а потом наоборот. Каждый удар противостоящие армии приветствовали овацией. Когда наступившая темнота положила конец этому славному сражению, обоим противникам воздали равные почести.

Принимая этим вечером поздравления от своих подданных, король Евралии был сдержан, но горд. Настолько горд, что не удержался и написал письмо дочери:

«Моя дорогая Гиацинта! Думаю, ты будешь рада узнать, что твой отец жив и здоров и что никому не суждено попортить честь и славу Евралии. Сегодня я сражался один на один с королем Бародии и, принимая во внимание, что он, вопреки правилам чести, дрался заколдованным мечом, могу смело сказать, что я не сплеховал. Графине Бельвейн, может быть, будет небезынтересно узнать, что я нанес 4638 ударов и парировал 4637. Для человека моего возраста, я считаю, это неплохо. Помнишь ту волшебную мазь, которую делала моя тетушка? Не осталось ли у нас немного?

На днях я проделал ловкую штуку, прикинувшись свинопасом. Мне пришлось довольно долго

беседовать о свиньях с настоящим свинопасом, и он, представь, ни о чем не догадался. Графине, наверное, будет интересно об этом узнать. Если бы он заподозрил, кто я такой, могло бы получиться очень неловко.

Надеюсь, ты поживаешь неплохо. Спрашиваешь ли ты совета у графини? Я думаю, она сможет тебе помочь в любых затруднениях. Молодой девушке нужна руководящая рука. Спрашиваешь ли ты у нее совета?

Боюсь, что война затянется. Похоже, в этой стране нет ни одного волшебника, а без них непонятно, как быть дальше. Я часто повторяю заклинание – ты помнишь какое:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Оно, наверное, неплохо отпугивает драконов, но мы пока еще ни на шаг не продвинулись к главной цели – разгрому неприятеля. Можешь передать графине насчет заклинания – ей будет интересно.

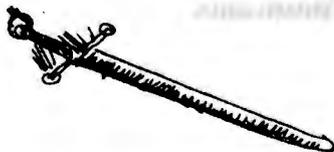
Завтра продолжаю поединок с королем Бародии. Теперь я твердо уверен, что смогу с ним справиться. Парирует он весьма прилично, а вот прямые удары у него неважные. Я рад, что графиня нашла мой меч. Передай, что он очень пригодился.

Пора уже ложиться спать, потому что надо набраться сил перед поединком. До свидания, дорогая. Остаюсь твой вечно любящий отец...

В БАРОДИИ НЕТ ВОЛШЕБНИКОВ

Р. S. Надеюсь, тебе там не очень тяжело. Если будут затруднения, спроси совета у графини Бельвейн, она сумеет помочь. Не забудь насчет мази. Может быть, у графини есть другой рецепт? Эта мазь помогает сохранить твердость духа. Боюсь, что война будет затяжной».

Король запечатал письмо и отправил его с гонцом на следующее утро. Принцесса получила его в самый критический момент, и об этом вы узнаете в следующей главе.

ПРИНЦЕССА
ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО
И ПИШЕТ ПИСЬМО САМА

Принцесса Гиацинта вернулась с утренней прогулки в очень дурном настроении. Она отправилась сразу же на свое любимое место на башне и немедленно послала за Виггз.

– Виггз, – спросила она, – что со мной происходит?

Виггз была озадачена. Она только что вытирала пыль с книг в библиотеке, а когда вы этим занимаетесь, ничего другого не остается, как заглянуть хоть одним глазком то в одну, то в другую книгу, так что, когда работа закончена, голова оказывается забита всякой всячиной и сразу отвечать на вопросы не так-то просто.

– Я хорошенькая? – продолжала Гиацинта.

Этот вопрос был легкий.

– Очень! – с искренним убеждением проговорила Виггз.

– Может быть, я недостаточно добра?

– Не добра?! – Виггз даже задохнулась от негодования.

– Тогда почему... О, Виггз, я знаю, что говорю глупости, но мне очень неприятно, что все гораздо больше любят графиню, чем меня.

– Уверена, что это не так, Ваше Высочество.

– Во всяком случае, ее приветствуют гораздо громче.

Виггз старалась придумать что-нибудь утешительное, но ее голова все еще была забита тем, с чего она вытирала пыль.

– Почему все от нее в таком восторге? – требовала ответа Гиацинта.

– Может быть, потому, что она такая смешная? – сказала наконец Виггз.

– Смешная? Она смешная? Мне она смешной не кажется.

– А разве не было смешно, когда она заставила Воггз шагать вокруг дерева?

– Вокруг дерева? Ты что, хочешь сказать, что это все время была Воггз?

– Ну да, конечно. По-моему, графиня это очень смешно придумала.

Принцесса задумчиво посмотрела в сторону леса и медленно кивнула.

– Да, так оно и есть. Виггз, подозреваю, что никакой Армии никогда и не было. А я плачу им жалованье каждую неделю. – И она мрачно добавила: – Бывают моменты, когда я начинаю сомневаться в ее честности.

– Вы хотите сказать, что графиня плохая? – спросила Виггз с ужасом.

Гиацинта снова утвердительно кивнула.

– Я никогда не бываю хорошей, – решительно заявила Виггз.

– Что ты говоришь, глупышка! Ты самая замечательная девочка в Евралии.

– Вовсе нет. Я иногда делаю ужасные вещи. Знаете, что я сделала вчера?

– Что-нибудь страшное? – улыбнулась Гиацинта.

– Порвала передник.

– Малышка, это не значит быть плохой. – Принцесса произнесла это с отсутствующим видом: она все еще вспоминала смотр своей Армии.

– А графиня говорит, что значит.

– Графиня?

– Знаете, принцесса, почему мне так хочется стать очень хорошей? – доверительно сказала Виггз, подходя вплотную к Гиацинте.

– Почему, дорогая?

– Потому что тогда я смогу танцевать совсем как фея.

– Думаешь, это делается именно так? – удивилась Гиацинта. – В таком случае уж графиня-то должна была бы танцевать очень неуклюже. – Вдруг она что-то вспомнила. – Дитя мое, ты же собиралась рассказать мне о фее. Еще давно. Расскажи сейчас, это поможет мне забыть всякие неприятные вещи.

Это была очень простая история. Таких немало встречалось в книгах, с которых Виггз вытирала пыль. Но и времена тогда были простые, поэтому даже самая старая история казалась новой и интересной.

Виггз гуляла в лесу одна. Вдруг мимо нее в панике пронесся крольчонок, а за ним по пятам – хорек. Виггз подхватила маленькое пушистое создание на руки и крепко прижала к груди. Хорек остановился и стал прогуливаться поодаль, заложив руки в карманы, но потом вспомнил о важном письме, которое забыл отправить, и удалился. Тут крольчонок исчез, а перед девочкой появилась фея.

– Ты спасла мне жизнь, – сказала фея. – За мной гнался злой волшебник, и, если бы не ты, дитя, он непременно убил бы меня.

– Простите, ваша милость, но я была уверена, что феи не умирают.

– Мы становимся смертными, если принимаем образ человека или животного. Теперь-то он мне не страшен, но пять минут назад... – Фея содрогнулась.

– Я так рада, что теперь вы в безопасности, – чистосердечно обрадовалась Виггз.

– Это благодаря тебе, дитя мое. Я должна тебя наградить. Возьми это кольцо. Если ты целый день будешь хорошей, оно исполнит одно хорошее желание. Если целый день будешь плохой, можно загадать одно плохое желание. Одно хорошее и одно

плохое – вот пожалуй, все; на что оно способно. – С этими словами она исчезла, а Виггз осталась одна с колечком в руке.

Разумеется, потом Виггз изо всех сил старалась быть хорошей, но всегда что-нибудь выходило не так. То передник порвется, то она читает книги, с которых надо бы вытирать пыль, то... Всякий другой на ее месте, я уверен, давно бы уже махнул рукой на хорошее желание и посвятил себя исполнению плохого. Но Виггз была по-настоящему славной девочкой.

– И я ужасно, просто ужасно хочу стать хорошей, – серьезно сообщила принцессе Виггз, – чтобы я могла пожелать танцевать так, как фея. – Охваченная внезапным сомнением, она спросила: – А это действительно хорошее желание?

– Это прекрасное желание, но думаю, что ты и так могла бы неплохо танцевать, если бы только попробовала.

– Нет, не могла бы. Я всегда танцую вот так. – Она вскочила и сделала несколько танцевальных движений.

Виггз была милой девочкой, но ее танец невольно вызывал в воображении пыльную дорогу в гору, на вершине которой вас не ожидало ничего, кроме вчерашнего рисового пудинга. Что-то в этом роде.

– Это нельзя назвать грациозным, не так ли? – спросила Виггз, остановившись передохнуть.

– Да, мне кажется, феи действительно танцуют немного лучше.

ПРИНЦЕССА ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО...

– Вот поэтому я и хочу стать хорошей, чтобы загадать свое желание.

– Мне хотелось бы взглянуть на кольцо... Какое удивительное приключение! Доброе утро, графиня, – сказала принцесса не особенно приветливо. («Интересно, давно ли она уже здесь?»)

– Доброе утро, Ваше Королевское Высочество. Я позволила себе войти без предупреждения. А-а, милое дитя... – Графиня одарила Вигтз ласковой улыбкой. (Если она случайно что-нибудь и подслушала, то это была всего лишь ребячья болтовня.)

– Что вам угодно? – спросила принцесса, крепко ухватившись за ручки кресла. На этот раз она ни за что, ни за что не уступит этой женщине.

– Обычные текущие дела. Речь идет об известном вам проекте поощрения литературы. Ваше Высочество приняли исключительно мудрое решение о том, что в отсутствие мужчин, совершающих суровый ратный подвиг, мы, женщины, должны всемерно содействовать процветанию изящных искусств, и с этой целью... если Ваше Высочество помнит, мы говорили о состязании и... ээ...

– Ах да, – сказала Гиацинта нервно, – давайте обсудим это завтра...

– Состязание, – мечтательно говорила графиня, блуждая взглядом по стенам. – Что-то вроде денежного приза... – прибавила она словно в трансе.

– Да, наверное, нужна какая-то премия. («Почему бы и нет, – подумала принцесса, – если литература нуждается в поощрении?»)

«Мешочки с золотом, – шептала графиня самой себе. – Много мешочков с золотом. Большие мешки серебра и маленькие мешочки золота». Она уже видела, как бросает их в толпу.

– Прекрасно, мы вернемся к этому завтра, – поспешно проговорила принцесса.

– Я уже все приготовила заранее. Вашему Высочеству осталось только поставить свою подпись... чтобы не обременять Ваше Высочество излишними хлопотами. Это так экономит время. – И она с обезоруживающей улыбкой протянула принцессе лист, разрисованный разноцветными чернилами.

Принцесса подписала.

– Благодарю вас, Ваше Высочество. Теперь я должна удалиться, чтобы лично все организовать. – Блустительница интересов литературы с достоинством попрощалась с повелительницей и приступила к исполнению своих обязанностей.

Гиацинта в отчаянии взглянула на Виггз.

– Вот опять! Опять то же самое. Не знаю, в чем дело, но эта женщина всегда командует мной, как девчонкой. О, Виггз, я чувствую себя такой одинокой и беспомощной в окружении женщин. Как бы мне хотелось, чтобы здесь был хоть один мужчина.

– Разве все мужчины во всех странах воюют?

– Нет, не во всех. Есть еще Арабия. Ты, может быть, помнишь, – хотя вряд ли, откуда тебе знать – отец как раз собирался пригласить к нам принца Удо из Арабии, но тут началась война. О, как бы мне хотелось, чтобы отец был здесь! – Гиацинта

ПРИНЦЕССА ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО...

опустила голову на руки, но мы никогда не узнаем, уронила бы она несколько царственных слезинок или разревелась бы по-простому. Потому что вошла придворная дама, и Гиацинта овладела собой.

– Приближается гонец, Ваше Королевское Высочество! Несомненно, из лагеря Его Королевского Величества.

Взвизгнув от восторга и забыв о королевском достоинстве, принцесса бросилась вниз по лестнице, а вслед за ней – верная Виггз.

А что тем временем делала графиня? Она все еще оставалась во дворце. Более того, она находилась в Тронном зале и, более того, восседала на королевском троне.

Покинув принцессу, она увидела приоткрытую дверь в Тронный зал и не могла удержаться, чтобы туда не заглянуть. Одна из служанок наводила там порядок и вопросительно взглянула на графиню.

– Можете идти, – сказала графиня с достоинством. – Ее Королевское Высочество просила меня ждать ее здесь.

Служанка сделала реверанс и вышла. Тогда графиня произнесла удивительную фразу: «Когда я стану королевой Евралии, мне больше не придется никого просить ничего подписывать».

Ее дальнейшее поведение было еще более удивительным. Прижав палец к губам и тихонько мурлыкая себе под нос, она подошла к двери и оттуда громко объявила: «Ее Величество королева Бельвейн Первая!»

Вслед за тем состоялся выход Ее Величества. Это была настоящая королева – величественная и грациозная, не чета какой-нибудь семнадцатилетней девчонке. Благосклонно кивая направо и налево расступившимся придворным, она подошла к трону и, изысканным движением подобрав шлейф, уселась на него. Появления Ее Величества ожидали знатные посетители: принц Гансклякс из Трегонга, принц Ульрих, герцог Нульборо.

– Ах, дорогой принц Гансклякс! – воскликнула королева, протянув правую руку. – И вы, милый принц Ульрих! – Приветствие сопровождалось изящным жестом левой руки. – И вы тоже, дорогой герцог! – Ее правая рука, которую принц Гансклякс к тому времени уже поцеловал, протянулась к герцогу, чтобы он тоже мог припасть к ней устами. Но рука замерла на полпути, потому что графиня скорее почувствовала, нежели увидела, принцессу, с изумлением наблюдавшую за ней из дверей.

Не оглядываясь, графиня снова вытянула вперед правую руку, затем левую. Потом, словно только что заметив принцессу, она вскочила в милом смущении.

– О, Ваше Высочество, вы застали меня за гимнастическими упражнениями. – Она слегка улыбнулась. – Гимнастика для рук – укрепляет... ээ... укрепляет... – Голос ее замер, потому что принцесса не спускала с нее холодного взгляда.

– Очаровательно, графиня, – сказала Гиацинта. – Жаль прерывать ваши занятия, но у меня есть

ПРИНЦЕССА ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО...

для вас важная новость. Вы, должно быть, будете рады узнать, что я пригласила принца Удо из Арабии посетить нашу страну. Я чувствую, что мы нуждаемся в посторонней помощи.

– Принца Удо! – вскричала графиня. – Сюда!

– У вас есть какие-либо возражения? – Теперь Гиацинте было легче проявить твердость, потому что она уже отослала письмо с приглашением. И, что бы ни сказала графиня, изменить это она была не в силах.

– Что вы, Ваше Высочество, никаких возражений, но все это немного странно. А расходы! Мужчины ведь так много едят. К тому же, – она с очаровательной улыбкой окинула взглядом принцессу и Виггз, – мы так мило проводим время в нашем узком кругу. Конечно, если бы он заглянул к нам на денек, скажем, к вечернему чаю...

– Надеюсь, он не откажется погостить у нас несколько месяцев. Поскольку в Бародии совсем нет волшебников, война будет долгой.

– Конечно, – начала Бельвейн, – если такова воля Вашего Высочества... Однако мне кажется, что Его Королевское Величество...

– Дорогая графиня, – прервала ее Гиацинта, – приглашение уже послано, так что говорить тут не о чем, не так ли? Вы закончили свои упражнения? Да? Тогда, Виггз, будь добра, проводи графиню. – Она повернулась и вышла.

Графиня ошеломленно смотрела принцессе вслед, застыв в трагической позе с прижатым к груди Дневником.

– Это ужасно... Я чувствую, что постарела на несколько лет. – Потом взглянула на Дневник. – Представляю себе, какую сцену мне придется описать.

Мысль о любимом занятии придала графине сил, и она принялась обдумывать случившееся. Как бы помешать этому ужасному юнцу, который собирается наводить тут свои порядки? Очень хочется... И тут она кое-что вспомнила.

– Виггз, – промолвила графиня, – я слышала, что ты рассказывала принцессе Гиацинте какую-то интересную историю о желании...

– О, это мое кольцо, – охотно объяснила девочка. – Если целый день быть хорошей, оно исполнит хорошее желание. А мое желание – это...

«Желание, – подумала графиня, – ну я желаю...»

– Ты говоришь, надо целый день быть хорошей?

– Да.

Бельвейн снова задумалась: «Интересно, что они имеют в виду, когда говорят „быть хорошей“?»

– Конечно, – продолжала Виггз, – если целый день быть плохой, то можно загадать плохое желание. Но ведь это ужасно, правда? Я бы ни за что не стала желать чего-нибудь плохого.

– Конечно, милое дитя, это просто отвратительно. А можно мне взглянуть на кольцо?

– Вот оно. Я всегда ношу его на шее.

Графиня взяла кольцо.

– Слышишь? Зовет принцесса! Беги скорее, дитя! – Она почти насильно вытолкнула Виггз вон и закрыла за ней дверь.

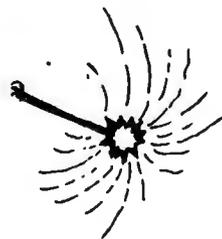
ПРИНЦЕССА ПОЛУЧАЕТ ПИСЬМО...

Оставшись одна, она принялась расхаживать из угла в угол огромного зала, поддерживая левой рукой локоть правой и опершись на кулак подбородком.

– Если быть хорошей, то хорошее желание, а если быть плохой, то плохое, – размышляла она вслух. – Вчера я получила на содержание Армии десять тысяч золотом, а действительные расходы – это то, что я заплатила... то, что я должна Воггз. Думаю, это как раз то, что ограниченные люди называют «быть плохой». Думаю, что принц Удо тоже так считает. Я думаю, что он собирается жениться на принцессе и бросить меня в тюрьму. Не бывать этому! – И она гордо вскинула голову.

Стоя в центре Тронного зала, графиня Бельвейн подняла кольцо высоко вверх.

– Я хочу, – громко проговорила она со зловещей усмешкой, – я хочу, чтобы с принцем Удо по дороге случилось что-нибудь очень смешное.

Каждому человеку хочется произвести приятное впечатление при первом визите, но как раз перед самым прибытием принца Удо в Евралию у него появились основания опасаться, что это будет не так-то просто. И сейчас вы поймете почему.

Он охотился в лесу со своим другом герцогом Лионелем. По пути во дворец их нагнал гонец Его Величества короля Евралии с посланием от принцессы Гиацинты. Принц взял письмо, взломал печати и развернул его.

– Подожди минутку, Лионель, – сказал он своему другу. – Кажется, мне предстоит небольшое приключение. А если меня впереди ждет приключение, я хочу, чтобы именно ты был рядом.

– Я никуда не спешу, – ответил Лионель, слез с лошади и отдал ее на попечение грума. Как раз в этом месте дорога пересекала ручей. Он уселся

на огромный булыжник на берегу ручья и стал лениво кидать в воду мелкие камешки.

Принц читал письмо.

Буль... буль... буль... буль...

Принц поднял глаза от письма.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до Евралии?

– Сколько времени понадобилось гонцу? – уточнил Лионель, не отрывая взора от бегущей воды. (Буль...)

– Я и сам мог бы догадаться, просто я очень расстроен письмом. – Он обратился к гонцу: – Сколько времени...

– А разве в письме нет даты? – сказал Лионель. (Буль...)

Принц Удо не обратил внимания на последнее замечание и закончил вопрос.

– Неделю, сир, – ответил гонец.

– Поезжайте в замок и ждите меня там. Я напишу ответ.

– А в чем дело? – спросил Лионель, когда гонец отъехал уже довольно далеко. – Действительно приключение?

– Похоже на то. Думаю, что это следует назвать именно так.

– А я тоже в нем участвую?

– Да, думаю, там наверняка найдется место и для тебя.

Лионель перестал бросать в воду камешки и повернулся к принцу.

– Могу я все-таки узнать, в чем дело?

Принц протянул было ему письмо, но вовремя вспомнил, что оно от дамы, и отдернул руку. Он всегда гордился своим безупречным воспитанием.

– Письмо от принцессы Гиацинты. Она не вдаётся в подробности, но пишет, что ее отец воюет, в стране что-то не в порядке, и ей нужна помощь. Из этого может выйти неплохое приключение.

Лионель отвернулся и снова стал бросать в воду камешки.

– Что ж, желаю удачи. Если вдруг там окажется дракон, помни, что...

– Но ты тоже едешь. Я хочу, чтобы ты был со мной.

– Чтобы что?

– Как это?

– Чтобы делать что? – повторил Лионель.

– Ну, – протянул принц Удо в некотором затруднении, – чтобы... ээ... чтобы...

Он считал такой вопрос просто неприличным. Лионель должен прекрасно представлять себе, что именно ему надлежит делать. В отсутствие Удо он должен рассказывать принцессе истории о беспримерной храбрости и мудрости принца. Если вдруг речь зайдет о мужской красоте, уместно было бы

привести в качестве образца внешность принца. А в присутствии Удо он должен всеми способами выставлять его на передний план, как и подобает близкому другу и чего трудно было бы ожидать от постороннего. Конечно, нельзя же ему все это объяснить. Человек, обладающий хотя бы малой толикой такта, и сам понимает...

– Конечно, – сказал он, – можешь не ехать. Но будет довольно нелепо, если я явлюсь без сопровождения. К тому же... к тому же все говорят, что принцесса Гиацинта очень хороша собой, – довольно нелогично прибавил он.

Лионель рассмеялся. Приключения бывают разные. Находиться рядом с красавицей принцессой и обсуждать с ней достоинства другого мужчины – совсем не то приключение, к которому он стремился. Он разом сбросил в воду оставшиеся камешки и встал.

– Разумеется, если таковой будет воля Вашего Высочества...

– Не будь идиотом, Лионель, – обиженно перебил его принц Удо.

– Ладно, я поеду с моим другом Удо, если я ему нужен.

– Еще как!

– Отлично, решено! В конце концов, там могут оказаться два дракона.

Драконов, конечно, могло оказаться по одному на каждого. Но принцесса-то была всего одна.

Итак, три дня спустя друзья с легким сердцем отправились навстречу приключению. Гонец с извести-

ем об их прибытии выехал чуть раньше, и они рассчитывали прибыть в Евралию через два дня после него. Простые обычаи того времени позволяли путникам отправляться в дорогу без долгих утомительных сборов, налегке, и не думать заранее о том, где провести ночь. На самом деле, это лучший способ. Чемодан – вот что уничтожило романтику путешествий!

Был прекрасный летний день. Они ехали мимо высоких башен и крепостных стен, пересекали сверкающие ручьи, скрывались в высоких сосновых лесах и снова выбирались на яркое солнце. Лионель распевал во весь голос старинные песни, а принц Удо упражнялся в военном искусстве, подбрасывая в воздух меч и ловя его на лету.

Когда настал вечер, они оказались неподалеку от хижины дровосека у подножия высокого холма и там решили остановиться на ночлег. У дверей дома их встречала старая женщина.

– Добрый вечер, Ваше Королевское Высочество, – буркнула она в знак приветствия.

– Стало быть, вы меня знаете? – в ответ сказал Удо, более польщенный, нежели удивленный.

– Я знаю всех, кто входит в мой дом, – сказала старуха угрюмо, – и всех, кто из него выходит.

Такой разговор заставил Лионеля насторожиться. Получалось, что есть разница между людьми, входящими в дом и покидающими его, и это навело на неприятные мысли.

– Не могли бы вы приютить нас на ночь, добрая женщина? – спросил принц Удо.

ПРИНЦ УДО ПРОВОДИТ БЕССОННУЮ НОЧЬ

... – Вы, Ваше Высочество, руку поранили, – ответила старуха, словно не расслышав вопроса.

! – А-а, это пустяки, – поспешно сказал Удо. Один раз он поймал меч не за рукоятку, а за острие – просто глупая оплошность.

– Ах да... Там, куда вы спешите, руки не понадобятся, так что это действительно пустяки.

В те времена старые женщины часто изъяснялись подобным образом, и Удо не обратил на это особого внимания.

– Да-да, – проговорил он. – Но вы могли бы предоставить мне и моему другу ночлег?

– Поскольку вам недолго осталось путешествовать вместе, входите и располагайтесь.

Переступив порог, Удо оглянулся и прошептал:

– Может, это фея. Будь с ней добрее.

– Как можно быть добрее к хозяйке дома? Это она вроде бы должна проявлять доброту и гостеприимство.

– Ну ты понимаешь, что я имею в виду. Прошу тебя, будь с ней повежливее.

– Дорогой Удо, и это вы говорите мне, Первому Придворному Его Королевского Величества!

– Ох, перестань...

– Садитесь и отдыхайте, – пригласила хозяйка. – Здесь в котле уже кое-что готово для вас обоих.

– Прекрасно, – сказал Удо, одобрительно взглянув на большой котел, подвешенный над огнем. Для такой небольшой комнаты очаг был, пожалуй, великоват. Это первое, что пришло ему в голову, но

по мере того как он смотрел на очаг, комната становилась все больше и больше, а очаг отодвигался все дальше и дальше, и наконец Удо словно оказался в огромной пещере в глубине гор. Он протер глаза и вот уже снова был в маленькой кухне перед горящим очагом, а из котелка исходил аппетитный запах.

– Тут у меня еда на все вкусы – даже для принца.

– Я совсем непривередлив в еде, – мягко заметил Удо. Комната как раз сузилась до нормальных размеров, и он почувствовал приятное спокойствие.

– Сейчас, может, и нет, а потом придется... – Старуха наполнила тарелки, и гости принялись за еду.

– Это просто восхитительно! – Удо положил ложку на тарелку, чтобы немного передохнуть.

– Думаете, это вам всегда будет по вкусу? – ворчливо осведомилась старуха.

– Конечно! Разве может не понравиться такая чудная стряпня?

– Там видно будет... – протянула старуха.

Удо стала несколько раздражать ее манера выражаться. Она как будто все время намекала на то, что с ним вскоре приключится что-то неприятное. А с Лионелем вроде бы нет.

Он решил втянуть Лионеля в разговор, чтобы попытаться это выяснить.

– Мы с моим другом надеемся уже послезавтра быть в Евралии.

– Надеяться никому не заказано, – был ответ.

– Боже мой, неужели с нами что-то случится по дороге?

– Это зависит от того, что именно вы имеете в виду, говоря «с нами».

Лионель отодвинул стул и встал.

– Что со мной случится, я знаю точно. Я сейчас засну.

– Да, – сказал Удо, тоже поднимаясь, – у нас впереди долгое путешествие, и в конце нас ждет приключение. – Он тревожно взглянул на старуху, но она молчала. – Поэтому пора ложиться.

– Вот сюда, – показала старуха и повела их наверх, освещая путь свечой.

Удо провел беспокойную ночь. Он не мог отделаться от ощущения, что с ним что-то должно случиться, и, проснувшись утром, даже немного удивился – ничего не произошло. Все было как накануне. Удо внимательно оглядел себя в зеркало и пригласил Лионеля в свидетели. Оба они не обнаружили ни малейшей перемены в облике наследного принца.

– В конце концов я прихожу к выводу, что она не имела в виду ничего особенного. Эти старухи вечно так разговаривают. Если кто-то из нас должен превратиться во что-то, то скорее всего – ты.

– Именно для этого ты и взял меня с собой? – усмехнулся Лионель.

Я думаю, что к этому моменту они уже закончили туалет. Роджер Кривоног никогда не сообщает о таких важных деталях. По всей видимости, из скромности. Он пишет: «На следующее утро они

поднялись и отправились в путь» – и разочаровывает читателя, который ожидает найти описание принца Удо, причесывающегося перед зеркалом.

Итак, они поднялись и отправились... завтракать. Старуха с утра казалась более расположенной к гостям, чем накануне. Особенно приветливо она вела себя по отношению к Удо и за завтраком все подкладывала ему в тарелку самые разнообразные кушанья, словно из каких-то неисчерпаемых запасов. Со стороны это выглядело так, будто она его откармливает, по крайней мере такое впечатление сложилось у Лионеля.

Сразу после завтрака они отправились в дорогу. Удо протянул старухе несколько золотых, но она наотрез отказалась.

– Нет уж, нет уж, – бормотала она. – И дня не пройдет, как я получу награду получше. – И старуха усмехнулась, будто услышав что-то смешное, чего не слышали ни Удо, ни Лионель.

– Какой чудесный день! – восхищался Лионель, когда они ехали лесной дорогой. – Красные крыши, голубое небо, зеленая листва, белая дорога. В воздухе веет приключением. Я сегодня запросто мог бы влюбиться!

– В кого? – подозрительно спросил Удо.

– В кого угодно. Хотя бы в ту старуху.

– Ох, лучше не вспоминай о ней, – содрогнулся Удо. – Скажи, Лионель, у тебя не было ощущения, что она знает про нас что-то, чего мы сами не знаем, и притом очень смешное?

– Может, мы тоже скоро узнаем. В такое утро хочется смеяться.

– Уж не думаешь ли ты, что у меня нет чувства юмора? Я тоже охотно посмеюсь. И принцессе будет что порассказать. Лионель, – вдруг произнес он торжественно, словно эта мысль только что пришла ему в голову, – я горю нетерпением помочь этой бедной девушке. – И чтобы на самом деле показать, как он горит нетерпением, Удо дал коню шпоры и ускакал вперед.

Улыбаясь про себя, Лионель последовал за ним. В полдень они остановились в лесу и перекусили – старуха дала им с собой разной еды. После этого Удо прилег на мягкую моховую кочку и закрыл глаза.

– Так хочется спать, – зевнул он, – я провел бессонную ночь. Давай побудем здесь немного. В конце концов, нам спешить особенно некуда.

– Лично я, – сказал Лионель, – горю нетерпением помочь этой бедной...

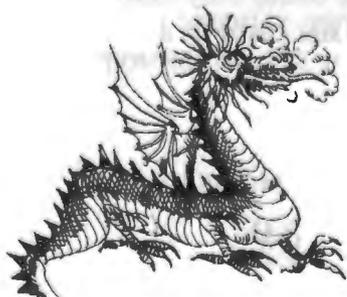
– Я же сказал, что не спал всю ночь, – резко ответил Удо.

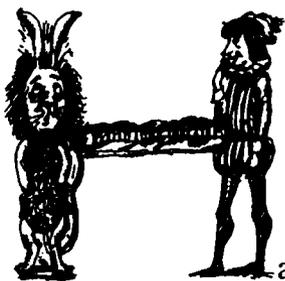
– Ладно, спи, а я поеду вперед. Вдруг попадется какой-нибудь дракон. Лионель – победитель драконов! До свидания, принц!

– Только полчаса, – пробормотал Удо.

– Хорошо.

И Лионель ускакал прочь.

ачинать эту главу мне очень больно. К счастью, она довольно короткая. Позже мне придется смириться с положением вещей и я даже буду склонен подчеркивать их смешную сторону. Но сейчас меня переполняет горе. Чтобы такое случилось с принцем из царствующей фамилии Арабии, молодым человеком выдающихся достоинств! Роджер Кривоног чуть не рыдает. «Эта преступная женщина...» – пишет он, конечно, имея в виду графиню Бельвейн, и раздражается настоящей истерикой на целых полторы страницы. Давайте же посмотрим на случившееся более спокойно.

Лионель вернулся с прогулки все в том же беззаботном настроении и лениво разлегся на траве, ожидая, пока Удо наконец соберется в дорогу. Об Удо он и не думал. Он думал, не найдется ли в Евралии какой-нибудь придворной дамы редкостной красоты или, скажем, дракона редкостной

свирепости. Вот тогда это было бы действительно приключение!

– Лионель, – послышался тихий голосок откуда-то сзади.

– Привет, Удо, ты где? Нам не пора трогаться?

– Мы никуда не едем, – сказал голосок.

– Почему? Что случилось? Отчего ты прячешься в кустах?

– Я... я неважно себя чувствую!

– Удо, милый, что с тобой? – Лионель вскочил и сделал шаг в направлении кустов.

– Стой! – услышал он пронзительный возглас. – Я повелеваю...

Лионель остановился.

– Воля Вашего Высочества... – начал он весьма холодно.

Из кустов донеслось явственное всхлипывание.

– Лионель, – раздался наконец очень несчастный голос, – кажется, я сейчас выйду.

Недоумевая, Лионель молча ждал.

– Да, я выхожу, Лионель. Но ты не удивляйся, если я не очень хорошо выгляжу. Я... я... Лионель... я выхожу... – жалобно сказал Удо и вышел из кустов.

Лионель не знал, что ему делать – плакать или смеяться. Бедный принц Удо! Теперь у него были голова и длинные уши кролика, но при этом он каким-то удивительным образом не утратил сходства с настоящим Удо. Грива и хвост – львиные. Что было между гривой и хвостом, не поддается определению. Правда, эта часть тела придавала всему его

облику некоторое величие, однако величие такого рода, какое придает человеку каракулевая шуба.

Лионель решил, что надо вести себя как можно более тактично.

– Ах вот ты где! – воскликнул он даже слишком весело. – Ну что, поехали?

– Не будь идиотом, Лионель, – сказал Удо, чуть не плача. – Можно подумать, ты не видишь, что у меня вырос хвост.

– Надо же, действительно хвост. Подумать только!

Удо продемонстрировал, что он сам думает по этому поводу, злобно хлеща себя по бокам пресловутым хвостом.

– Сейчас не время для церемоний. Скажи мне честно, как я выгляжу.

Лионель задумался.

– Совершенно честно, Ваше Высочество?

– Д-да... – сказал Удо нервно.

– Если честно, то Ваше Высочество выглядите смешно.

– Очень смешно? – мрачно спросил Удо.

– Очень.

Его Высочество испустил тяжкий вздох.

– Вот именно этого я и боялся, мой друг. Это самое жестокое во всей истории. Будь я львом, в моем положении был бы истинный трагизм и величие. Одинокий, страдающий изгнанник, полный царственного достоинства... – Он немного подумал. – Скажи, Лионель, приходилось ли тебе когда-нибудь видеть яка?

– Никогда.

– Я видал одного в Бародии. Так вот, яка нельзя назвать красивым животным, но если бы я превратился в яка, я мог бы надеяться на любовь. Як не вызывает смеха, а то, что не вызывает смеха, можно полюбить. А какая у меня голова?

– Она похожа на...

– Видишь ли, я сам-то не могу посмотреть...

– На человека, незнакомого с Вашим Высочеством, она, скорее всего, произведет впечатление головы кролика.

Удо уткнулся головой в лапы и зарыдал.

– К-кролик, – горько всхлипывал он. – Так недостойно, так лишено истинного пафоса, так... И даже не целиком кролик, – добавил он с горечью.

– Как это все случилось?

– Не знаю, Лионель. Я просто заснул, а когда проснулся, почувствовал себя как-то странно... – Вдруг он сел и посмотрел на Лионеля. – Это все та старуха! Помяни мое слово, это она.

– Но почему?

– Не знаю, я был с ней очень вежлив. Ты же помнишь, как я тебе сказал: «Будь с ней вежлив, может быть, она фея». Я сразу это понял. Что теперь делать? Давай устроим военный совет и все обсудим.

Принц Удо выдвинул два предложения: первое – чтобы Лионель завтра утром поехал и убил старуху, второе – чтобы Лионель поехал сегодня вечером и убил старуху.

Лионель возразил, что если это она превратила принца в... («Вот именно», – поспешно прервал его

принц), то только она может вернуть ему прежний облик и в таком случае лучше пока ее не убивать.

– Все равно я хочу, чтобы кого-нибудь убили, – раздраженно твердил Удо, и, в общем, его чувства вполне можно понять.

– Давай сделаем так: ты останешься здесь дня на два, а я тем временем вернусь обратно, разыщу старую ведьму и заставлю ее во всем признаться. Она что-то знает, в этом я уверен. И тогда решим, что делать дальше.

Удо погрузился в размышления.

– Почему тебя ни в кого не превратили? – в конце концов спросил он.

– Не знаю. Думаю, потому, что я слишком уж незначительная особа.

– Да, наверное, поэтому. – Удо сразу почувствовал себя лучше. – Конечно, так оно и есть. – Он пригладил лапками усы. – Они меня боятся.

Он явно приободрился, и Лионель решил, что настал подходящий момент для расставания.

– Могу я покинуть вас, Ваше Высочество?

– Да, ты можешь ехать.

– А я застаю вас здесь, когда вернусь?

– Может, да, а может, и нет. Может, да, а может, нет... Боятся меня, – глухо пробормотал он в усы. – Несомненно.

– Так что мне делать, если Вашего Высочества здесь не окажется?

– Возвращайся во дворец.

– До свидания, Ваше Высочество.

Удо помахал ему лапой:

– До свидания, до свидания.

Лионель сел на лошадь. Отъехав довольно далеко, он остановился и, дав наконец себе волю, разразился хохотом. Приступ за приступом сотрясали его с головы до ног. Он пытался перестать, но при воспоминании о внешности Его Королевского Высочества все начиналось сначала.

«Я больше не мог с ним оставаться, – думал он. – Еще чуть-чуть, и я бы не выдержал. Бедный Удо! Однако, надеюсь, скоро он поправится».

На следующий вечер он доехал до того места, где стояла хижина, но она исчезла. Тогда он вернулся обратно, но Удо тоже исчез. Ему ничего не оставалось, как отправиться во дворец.

Оставшись один, Удо стал обдумывать свои дальнейшие шаги. Перед ним было три пути.

Он мог оставаться на этом самом месте, пока не поправится. Эту возможность он сразу же отверг. Когда у вас голова кролика, львиный хвост и тело тонкорунного барашка, потребность в действии становится непреодолимой. Кровь отважных предков бросается в голову и призывает: вперед!

Можно было вернуться в Арабию. В Арабию? Где его так любили, уважали, где он пользовался такой популярностью? В Арабию, где он каждый день специально выезжал на прогулку, чтобы толпы подданных его отца могли выразить наследному принцу восторг и преданность? Нет, это было бы крайне неудобно.

Тогда в Евралию? Почему бы и нет? Принцесса Гиацинта позвала его. Какое благородство он проявит, если придет к ней на помощь даже теперь – в таком состоянии здоровья. Он пострадал, служа ей, – по крайней мере так можно сказать, и, по всей вероятности, это правда. Она в опасности: волшебники, чародеи, мало ли что еще. Лионель находит его смешным, но ведь у женщин, как правило, не особенно развито чувство юмора. Может быть, в детстве у Гиацинты были кролики... или ягнята. Она может найти его трогательным. А львиная грива, хвост... ей это может показаться впечатляющим. Женщинам нравится, когда в любимом мужчине есть что-то дикое, неукротимое...

Присутствие Лионеля совершенно излишне. Лионель и он (в его теперешнем состоянии) не могут явиться в Евралию вместе – контраст был бы слишком разителен... А вот он один – ее единственная поддержка и опора... Несомненно, принцесса должна оценить такую преданность.

И еще: очень может быть, что какой-то чародей из Евралии заколдовал его, чтобы не дать возможности помочь принцессе. Если так, то лучше быть в Евралии, чтобы самому разобраться с этим чародеем. Сейчас принц с трудом представлял себе, как будет разбираться, но, конечно, он сумеет придумать что-нибудь очень мудрое на месте.

И потому – в Евралию!

И Удо затрусил по дороге. Как справедливо заметил Лионель, они его боятся.

Греша Бельвейн сидит в саду. Она счастлива. В правой руке она держит огромное перо из хвоста самого любимого гуся, выкрашенное в красный цвет. Темные пряди волос, перекинутые на одну сторону, ложатся на бумагу, кончик языка от усердия прикушен белоснежными зубками. Графиня сочиняет.левой рукой она отбивает такт по столу: раз-два, раз-два, раз-два... Удивительная женщина!

Помните ее последний разговор с принцессой Гиацинтой? «Я чувствую, что мы остро нуждаемся в посторонней помощи...» Целых две недели тревожного ожидания. Подействовало ли волшебное кольцо? Даже если бы и не было никакого принца, все равно ее положение при дворе сильно пошатнулось. Теперь они с принцессой стали врагами. А в худшем случае – эти волшебные кольца то и дело отказывают – принц в полном здравии и,

возможно, сильно рассерженный вот-вот появится и начнет ее преследовать.

И все же она сочиняет.

А что именно? Графиня готовится к литературному состязанию – последний проект, подписанный принцессой.

Мне нравится, что она мирно предается литературному труду, в то время как все ее будущее висит на волоске. Роджер относится к этому совсем по-иному. «Даже теперь, – пишет он, – она надеялась урвать последнюю пригоршню золота у своей несчастной страны». Я начисто отрицаю подобное обвинение. Ничего она не надеялась «урвать». Она всего лишь участвовала в официально одобренном состязании под псевдонимом Шарлотта Гулигулинг.

Тот факт, что в соответствии с Проектом единственным судьей в этом состязании была графиня Бельвейн, никакого отношения к делу не имеет. Мнение графини Бельвейн о поэзии Ш. Г. было совершенно искренним, и никакие финансовые соображения на него не влияли. И если Шарлотте суждено было выиграть состязание, то только потому, что графиня совершенно беспристрастно решила, что она того заслуживает. Еще один факт противоречит

слухам, которые распускает о графине Роджер. Как судья, именно графиня выбирала жанр и тему состязания.

Хорошо известно, что и графиня, и Шарлотта блистали в лирике, тем не менее предметом состязания была выбрана большая эпическая поэма «Бародо-евралийская война» – и никак не меньше. Кто из современных поэтов проявил бы такую незаурядную честность?

БАРОДО-ЕВРАЛИЙСКАЯ ВОЙНА – эта строчка была выведена золотом и сама по себе заслуживала первой премии в любом состязании.

Король Евралии отправился в поход –
Враг впереди, его сражение ждет.
И первый взвод солдат скрывается вдали...

Далее следует очень много зачеркнутых слов, а затем идет (внезапное озарение!) простая строка:

Они все шли, и шли, и шли, и шли, и шли...

Сразу представляешь себе, какую огромную армию повел в поход король Евралии (пять тысяч человек, если быть точным).

Приветственные возгласы и колокольный звон
И с севера, и с юга, и вообще со всех сторон.
Клянусь, никто не мог бестрепетно взирать
На то святое дело устремившуюся рать.
Клянусь, никто не мог бестрепетно смотреть
На рать, готовую за то святое дело умереть.

Не совсем ясно, является последнее двестишестое вариантом предыдущего или оно служит для его усиления. Заглядываю через плечо графини и, кажется, вижу линию, перечеркивающую предыдущее, но разглядеть как следует мне мешают ее волосы, которые закрывают страницу.

Но почему он двинул армию вперед?

Он нападает? Нет, совсем наоборот.

Он защищает честь свою и честь страны

От наглеца, коварного зачинщика войны.

Король Бародии, его предательский прыжок

Обидел Веселунга и народ как только мог.

И даже юная принцесса Гиацинта...

На этом поэма пока заканчивалась.

Графиня встала из-за стола, чтобы пройтись по саду. Это был самый верный способ поймать ускользающую нужную мысль. Однако сегодня он что-то мало помогал: она обошла весь сад уже три раза, но никак не могла подобрать рифму к «Гиацинте». Иметь дело с «квинтой» казалось ей довольно затруднительным. «К тому же, – думала графиня, – я не знаю толком, что это означает». Бельвейн (как и я) справедливо считала, что смысл поэзии может быть как угодно непонятен для читателя, но автор просто обязан быть с ним на короткой ноге.

Она сосчитала строчки – семнадцать. Если на этом остановиться, то получится самая короткая эпическая поэма в мире. Она вздохнула, потянулась и окинула взглядом безоблачный небосвод.

И погода была против нее – идеальное утро, чтобы хоть немного помочь бедным.

Двадцать минут спустя графиня уже сидела на своем сливочно-белом иноходце. Двадцать две минуты спустя некая Генриетта Вафлюс получила удар в глаз мешочком с золотом в тот самый момент, когда она кланялась Ее Светлости. Это единственное замечание о Г. Вафлюс в истории Евралии, зато синяк у нее под глазом был замечен чуть не месяц.

Гиацинта ничего этого не знала. Не знала даже то, что графиня уже провела состязание, она вообще начисто забыла о намерении поощрять литературу в королевстве.

Почему? Неужели вы не догадываетесь? Все ее мысли были поглощены принцем Удо. Хорош ли он собой? Какие у него волосы – темные или светлые? Вьющиеся или прямые? Думает ли он о ней по дороге?

Виггз уже давно решила, что он влюбится в принцессу и женится на ней. «Я думаю, – говорила она, – что он очень высокий, что у него чудесные синие глаза и золотые волосы».

Именно так выглядели принцы во всех книгах, с которых она вытирала пыль. Именно такими были все семь принцев, которым Веселунг пообещал руку Гиацинты: принц Гансклякс из Трегона, принц Ульрих, герцог Нульборо и все остальные. Бедный принц Ульрих! В самый момент победы великан, под которого принц вел подкоп, свалился прямо на него, и принц потерял всякий вкус к приключениям. В течение всех последующих лет его приводило в трепет любое существо, величиной превышавшее золотую рыбку, и остаток жизни он провел в полном уединении.

«Я думаю, он темноволосый», – сказала Гиацинта. Ее собственные волосы были цвета спелой ржи.

Бедный принц Гансклякс – я только что о нем вспомнил. Впрочем, нет, это был герцог Нульборо. Небольшая размолвка с чародеем привела к тому, что голова герцога навек осталась повернутой задом наперед, и ему так часто говорили «до свидания», лишь только он входил в гостиную, что он совершенно охладел к светской жизни и не покидал пределов собственного дворца, а акробатическая ловкость, с которой он умудрялся есть суп, служила для придворных неиссякаемым источником неподдельного восхищения.

Но Гиацинта думала не о них, а о принце Удо. Гонец возвратился из Арабии с ответом, и прибытия Его Высочества ожидали на следующий день.

– Надеюсь, ему будет удобно в Пурпурной комнате, – говорила Гиацинта. – Только иногда мне

кажется, что все-таки лучше было бы поместить его в Голубую.

Они уже поместили его в Голубую два дня назад, пока Гиацинте не пришла в голову мысль, что, может быть, ему будет удобнее в Пурпурной.

– Из Пурпурной вид куда лучше, – сказала всегда готовая помочь Виггз.

– Да, и солнца больше. Виггз, не забудь поставить там цветы... А книги?

– Я положила на ночной столик «Приключения странствующего рыцаря» и «Диких животных у нас дома».

– О, я уверена, ему понравится. Теперь давай подумаем, что мы будем делать, когда он придет. Это случится во второй половине дня, и, естественно, он захочет подкрепиться после путешествия.

– А что если устроить пикник в лесу?

– Не думаю, чтобы кому-нибудь был особенно приятен пикник сразу после дальней дороги.

– Я обожаю пикники.

– Конечно, моя дорогая, но принц гораздо старше тебя, и в его жизни наверняка было так много пикников, что они ему могли надоесть. Полагаю, мне следовало бы принять его в Тронном зале, но это так... так...

– Напыщенно, – подсказала Виггз.

– Вот именно. Мы все будем чувствовать себя неловко. Думаю принять его здесь, наверху. Я как-то меньше волнуюсь на свежем воздухе.

– А графиня будет?

– Нет, – холодно сказала принцесса. – Во всяком случае, – поправились она, – Бельвейн не будет приглашена. Добрый день, графиня. («Как это на нее похоже – войти именно в этот момент», – подумала Гиацинта.)

Графиня сделала реверанс.

– Добрый день, Ваше Высочество. Есть небольшое дело, касающееся Вашего Высочества. Я считаю своим долгом сообщить вам о результатах литературного состязания. – Она говорила очень мягко и тихо, будто уже простила принцессе незаслуженную обиду.

– Благодарю вас, графиня. Это очень интересно. Графиня развернула длинный свиток.

– Премия присуждена... – она поднесла документ к самым глазам, – Шарлотте Гулигулинг!

– Понятно. Кто она такая?

– Женщина, заслуживающая всяческого уважения. Деньги придутся ей как нельзя более кстати. Ее поэма заключает в себе ряд неоценимых поэтических достоинств в сочетании с необычайной широтой и... ээ... глубиной взгляда, подобных которым я еще никогда не встречала. Совершенная форма поэмы несет в себе, если можно так выразиться, заряд внутренней эмоциональности и пленяет читателя неповторимой яркостью и точностью сравнений... Короче говоря...

– Короче говоря, графиня, она вам нравится.

– Она бесподобна! Но разумеется, вы мечтаете ознакомиться с этим шедевром. В ней всего лишь

двенадцать сотен строк. Я сейчас продекламирую ее Вашему Высочеству.

Держа развернутый во всю длину свиток левой рукой, она торжественно подняла вверх правую и начала голосом, звенящим от волнения:

– «Король Евралии отправился в поход...»

– Графиня, пожалуйста, отложим это... Я сейчас очень занята. Завтра приезжает принц Удо и...

Губы Бельвейн продолжали двигаться, рукой она размахивала в такт размеру:

– Приветственные возгласы

И колокольный звон

И с севера, и с юга,

И вообще со всех сторон...

Правой рукой графиня показала не только на север и на юг, но даже на восток и на запад.

– ...пожалуй, я лично приму его здесь, на башне, а уже потом...

– «...за то святое дело умереть...» – Бельвейн еле слышно закончила строку и прижала руку к сердцу, показывая, как это прекрасно. – Простите, Ваше Высочество, я всецело поглощена этой замечательной поэмой. Умоляю Ваше Высочество прочесть ее.

Принцесса отложила свиток в сторону.

– Мне не чужды литературные восторги, графиня, и я, конечно, прочту ее, только потом. Я полностью доверяю вашему мнению и надеюсь, вы проследите за тем, чтобы приз был вручен тому, кто его

достоин. А сейчас повторяю: завтра приезжает принц Удо.

Графиня изобразила величайшее изумление.

– Принц Удо... Удо... так это, наверное, принц Удодий из Морковии – великан с тремя ногами!

– Принц Удо из Арабии, – сказала Гиацинта сухо. – Мне кажется, я уже уведомила об этом Вашу Светлость. Он пробудет у нас несколько месяцев.

– Но как это чудесно, Ваше Высочество, снова увидеть мужчину! Нам здесь так скучно в нашем узком кругу. Конечно, нам нужен мужчина, чтобы мы слегка встрепнулись, не правда ли, Виггз? Я немедленно распоряжусь насчет апартаментов для Его Высочества. Вы, несомненно, пожелаете поселить его в Пурпурной комнате...

Это решило вопрос.

– Ему будет предоставлена Голубая комната, – ледяным тоном распорядилась Гиацинта.

– Прекрасно, Ваше Высочество. Виггз, представь себе: снова увидеть мужчину! Я пойду и немедленно начну приготовления, если Ваше Высочество разрешите мне удалиться.

Слегка заинтригованная поведением графини, принцесса кивнула, и та действительно удалась.

ВЫЯСНЯЕТСЯ,
ЧТО КРЕСС-САЛАТ
НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

Вигтз в последний раз расправила складки скатерти и, склонив голову набок, оглядела стол.

– Ну вот, – сказала она. – По-моему, все готово.

– А сардины? – спросила Вогтз в своей обычной манере. (Я не знаю, как она появилась в этой сцене, но Роджер настаивает на ее присутствии.)

– Не думаю, чтобы ПРИНЦ любил САРДИНЫ.

– А если бы я ехала так долго, я бы просто мечтала о сардинах, – заметила Вогтз. – Ведь Арабия очень далеко, не правда ли?

– Ужасно далеко. Он ехал целую неделю. Может быть, – предположила Вигтз с надеждой, – ему удалось перекусить по пути?

– Может, он захватил с собой бутерброды? – сказала Вогтз, подумав, что уж она-то на месте принца непременно запаслась бы бутербродами.

– Как ты думаешь, Воггз, какой он?

Воггз думала довольно долго.

– Как король! – объявила она наконец и, подумав еще немного, добавила: – Только другой.

Вбежала принцесса – уже в пятый раз, – полная радостного нетерпения.

– Ну как, – спросила она, – все готово?

– Да, Ваше Королевское Высочество, только мы с Воггз не совсем уверены насчет сардин.

Принцесса счастливо рассмеялась.

– Думаю, здесь всего вполне достаточно. И все выглядит очень мило. – Она обернулась и увидела особу, которую сейчас ей меньше всего хотелось бы видеть.

Особа-которую-меньше-всего-хотелось-бы-видеть присела в необыкновенно эффектном реверансе.

– Прошу простить меня, Ваше Королевское Высочество, – изрекла она. – Мне показалось, я забыла здесь бесценную рукопись Шарлотты Гулигулинг. Нет, по-видимому, я ошиблась, Ваше Высочество. Я удаляюсь, Ваше Высочество, поскольку полагаю, что Ваше Королевское Высочество по вполне понятным причинам желаете принять Его Королевское Высочество с глаз на глаз.

Согласитесь, что после такой блистательной речи манера Воггз именовать всех без разбору «мэм» производит особенно сильное впечатление.

– Вовсе нет, графиня, – неохотно проговорила принцесса. – Мы бы предпочли, чтобы вы остались и помогли нам принять Его Высочество. Он слегка опаздывает.

...КРЕСС-САЛАТ НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

Бельвейн очень огорчилась.

– Я так надеюсь, что с принцем ничего не случилось по дороге. В последнее время меня мучают какие-то дурные предчувствия.

– Что с ним могло случиться? – сказала принцесса без особой тревоги.

– О, Ваше Королевское Высочество, просто такое странное чувство...

Снизу послышался звук шагов и мужской голос. Принцесса и графиня, обе волнуясь, но по совершенно разным причинам, изобраили приличествующую случаю приветственную улыбку.

Виггз и Воггз застыли в позах, исполненных благовоспитанности, по разным краям стола. Придворный художник, я уверен, с радостью запечатлел бы подобную сцену.

– Его Королевское Высочество наследный принц Арабии Удо! – торжественно объявила придворная дама.

«Даже немного страшно, – сказала Бельвейн про себя. – А вдруг кольцо подвело?»

Удо вбежал легкой рысью.

«Не подвело», – с удовлетворением отметила Бельвейн.

Принцесса Гиацинта вскрикнула и отшатнулась. Виггз, хорошо знакомая с подобными маленькими происшествиями из книг, с которых она вытирала пыль, и Воггз, питавшая природную любовь к животным, не дрогнули.

Присутствие графини оказалось более чем кстати.

– Позвольте мне, – церемонно произнесла она, выступая вперед на один шаг, – представить Вашему Королевскому Высочеству Его Королевское Высочество наследного принца Арабии Удо!

– Принца Удо? – повторила Гиацинта, все еще не желая верить своим глазам.

– Боюсь, что это именно так, – мрачно произнес Удо. В последние дни он много раз представлял себе эту встречу и теперь пришел к выводу, что недооценивал трудности.

А Гиацинта в этот момент вспомнила, что она принцесса и женщина.

– Я счастлива приветствовать Ваше Королевское Высочество в Евралии. Не хотите ли присесть... ээ... прилечь... («Интересно, что вообще делают кролики? Или кто?»)

Удо предпочел сесть на задние лапы.

– Благодарю вас. Вы не представляете себе, как трудно говорить с тем, кто выше тебя, стоя на четырех ногах. Так устают шея...

Наступило неловкое молчание. Никто не знал, что сказать. Кроме Бельвейн. Она обратилась к Удо со своей самой очаровательной улыбкой и самым любезным тоном задала вопрос:

– Понравилось ли вам путешествие?

– Нет, – пробурчал Удо.

– Да скажите же, что с вами случилось? – вскричала, не выдержав, Гиацинта. – Встретился злой волшебник? Ой, простите меня, пожалуйста.

...КРЕСС-САЛАТ НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

Когда не очень хорошо себя чувствуешь, некоторые вопросы не могут не вызывать раздражения.

– Разве вы не видите, что со мной случилось? – отвечал Удо довольно резко. – А вот как это случилось, я не знаю. На второй день пути из Арабии...

– Простите, Ваше Высочество, это не ваш хвост в солонке? – сказала Виггз. Она осторожно вынула хвост, отряхнула его и подала принцу.

– Спасибо, спасибо. На второй день пути в Евралию я проснулся после дневного сна вот в таком виде. Попробуйте представить себе мои чувства. Первое, что мне пришло в голову, – это вернуться домой и скрыться от людских глаз. Но, принцесса, я решил, что я вам нужен!

Конечно, Гиацинта была тронута до глубины души, когда Удо произнес последнюю фразу, мило прижав ушки и расправляя лапами усы, но все же она успела мельком подумать: «А что теперь с ним, собственно говоря, делать?»

– И что же вы ощущаете? – мягко вставила Бельвейн, зная, что мужчины всегда рады случаю поговорить о себе.

Удо ответил не сразу, потому что ему попался на глаза накрытый стол, и он уставился на него со смешанным чувством надежды, отвращения и покорности судьбе.

– Что я очень-очень голоден, – наконец произнес он с видом человека, уверенного в своих словах.

Принцесса, мысли которой, казалось, блуждали где-то далеко, внезапно пробудилась.

– Ах, простите, я веду себя неприлично, – сказала она с улыбкой, за которую самый бессердечный из людей простил бы ей все что угодно. – Прошу вас за стол. Позвольте мне представить Вашему Высочеству графиню Бельвейн.

– Подать ему руку или погладить по голове? – пробормотала блюстительница придворного этикета, в первый раз в жизни растерявшись.

Удо приложил лапу к сердцу и отвесил учтивый поклон.

– Я очарован, – галантно произнес он, а любая галантность, исходящая от помеси льва, кролика и барашка, не может не произвести самого приятного впечатления.

Они расселись по местам.

– Немного шербета, Ваше Высочество? – предложила Гиацинта, наполняя кубки.

Удо собирался было сказать «да», но заколебался.

– Не уверен, что могу себе это позволить.

– Шербет очень вкусный, – заметила Виггз, чтобы развеять его сомнения.

...КРЕСС-САЛАТ НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

– Не сомневаюсь, милая. Весь вопрос в том, люблю ли я шербет?

– Разве можно не знать, любишь ты шербет или нет?

– Оставь в покое Его Высочество, Виггз, – вмешалась Гиацинта и предложила принцу сэндвич с олениной.

– Весь вопрос в том, люблю ли я сэндвичи с олениной?

– Я люблю, – объявила Воггз всем, кого эта новость могла интересовать.

– Видите ли, – объяснил Удо, – на самом деле я не знаю, что люблю.

Все удивились, особенно Воггз. Бельвейн же слишком наслаждалась происходящим, чтобы разговаривать, и принцесса попросила Удо пояснить, что он имеет в виду, чем его очень обрадовала. Это был как раз тот предмет, который он давно уже стремился обсудить.

– Ну хорошо, – начал он, сев поудобнее, так что Виггз на этот раз пришлось извлекать его хвост из горчицы. – Кто я?

Никто не отважился высказать свое мнение.

– Кролик ли я? Если да, то передайте мне желе из красной смородины или что там еще едят кролики.

Хозяйка встревоженным взглядом блуждала по столу в поисках подходящего угощения.

– Может, я лев? – продолжал Удо, развивая тему. – Тогда передайте мне Виггз.

– О, пожалуйста, не надо быть львом, – попросила Виггз, ласково потрепав его по загривку.

– Но разве у вас нет внутреннего чувства, которое подсказывает вам...

– У меня есть внутреннее чувство пустоты. Я жажду чего-то, только не знаю, чего именно.

– Надеюсь, это не сардины, – шепнула Виггз Воггз.

– Но чем же вы питались по дороге, принц? – спросила Гиацинта.

– О, в основном травой и подобными вещами. Мне казалось, что трава не причинит вреда.

– И что же? Она не причинила вреда? – участливо осведомилась графиня.

Удо отвечал мрачным молчанием.

– Я знаю, что это глупо с моей стороны, – сказала Гиацинта, – но я все-таки не понимаю. Казалось бы, что, если вы... ээ...

– Вот именно, – сказал Удо.

– ...то вы должны инстинктивно чувствовать, что... ээ...

– Совершенно верно, – сказал Удо.

– ...едят.

– А-а, я так и знал, что вам это придет в голову. Я и сам так думал, когда... когда плохо себя почувствовал. Но я кое-что попробовал на практике, и ничего не вышло. С тех пор я много времени посвятил обдумыванию этого вопроса и...

– Как интересно, – с энтузиазмом поддержала его графиня, устраиваясь поудобнее. – Пожалуйста, продолжайте.

...КРЕСС-САЛАТ НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

– Ну что ж. Когда я... – Он кашлянул и застенчиво обвел взглядом присутствующих. – А вам не кажется, что это слишком деликатный предмет?

– Что вы, вовсе нет, – пробормотала Гиацинта.

– Так вот. Когда волшебник хочет вам досадить, он обычно превращает вас в какое-нибудь животное.

Графиня покраснела – в первый раз с тех пор, как ей исполнилось семнадцать, – и заметила:

– Действительно, это довольно распространенная шутка среди волшебников... Но подумайте, если вы стали настоящим животным, вас это ничуть не должно раздражать. Слон не печалится из-за того, что он слон. Он просто старается быть хорошим слоном и почувствует себя несчастным, только если, например, что-нибудь случится с его хоботом. А вот выглядеть как слон, иметь сложную... ээ... внутреннюю форму слона и в то же время оставаться человеком – это действительно несчастье.

Всем было очень интересно. Воггз надеялась на то, что Удо откроет наконец тайну и она все-таки узнает, какое же он животное, но ее ожидало тяжелое разочарование.

В конце концов в нынешнем положении Удо оказались кое-какие преимущества. По крайней мере его никто и даже никогда не слушал с таким вниманием, когда он был человеком.

– Теперь представьте на минуту, что я – лев. Я обладаю обликом льва, но возвышенной душой и мыслями принца. Итак, какая-то часть меня жаждет сырого мяса, и тем не менее более высокая

часть моего существа (он приложил лапу к сердцу)... ну, словом, можете себе представить, что бы вы чувствовали на моем месте.

Принцесса содрогнулась.

– Да, могу, – сказала она убежденно.

Графиня, хотя и слушала Удо со вниманием, стала находить предмет беседы несколько низменным.

– Видите ли, в чем суть дела, – продолжал Удо. – Ребенок, если его предоставить самому себе, не знает, что для него хорошо, а что плохо. Предоставленный самому себе, он будет есть все подряд. А теперь превратите человека в животное – и он окажется точно в таком же положении, как тот ребенок.

– Я об этом никогда не думала, – призналась Гиацинта.

– Мне пришлось об этом подумать. Давайте пойдем дальше. – Он явно был в восторге от самого себя. В последний раз нечто подобное он ощущал, когда обращался с приветственной речью к самым знатым жителям Арабии по случаю своего совершеннолетия. – Предположим снова, что я лев. Из того, что мне приходилось читать или слышать о львах, известно, что с львиной... натурой больше всего другого согласуется сырое мясо, и было бы глупо с моей стороны не обратиться к такому способу поддержания существования, несмотря на то что это может произвести крайне неприятное впечатление на окружающих. Но если вы даже не знаете, какое вы животное, положение становится еще сложнее. Приходится

...КРЕСС-САЛАТ НЕПЛОХО ИДЕТ К УШАМ

перепробовать массу всевозможных ужасных вещей, чтобы выяснить, что вам годится. – В его глазах появилось странное выражение – выражение, в котором сосредоточилась память о болезненных ощущениях. – Я экспериментировал, – сказал он угрюмо. – Все три последних дня...

Все посмотрели на него с грустью и сочувствием. Кроме Бельвейн, конечно.

– И что же вам годится? – непринужденно спросила она.

– Как ни странно, – Удо слегка развеселился, – банановые оладьи. Приходилось ли вам когда-нибудь держать зверька, который питается банановыми оладьями?

– Никогда, – улыбнулась принцесса.

– Так вот, этим самым животным, возможно, я и являюсь. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Есть одно-два животных, которыми я точно не являюсь... – Некоторое время он, казалось, перебирал в уме наиболее горькие воспоминания. – Не думаю, чтобы кто-нибудь из вас мог представить, что чувствуешь, когда пытаешься проглотить чертополох. Можно попробовать сэндвич с кресс-салатом? К хвосту он, конечно, не идет, но, кажется, неплохо сочетается с ушами. – Он откусил большой кусок и пробормотал сквозь салатные листья: – Надеюсь, принцесса, я не слишком утомил вас своими неприятностями?

Гиацинта с искренним чувством крепко сжала его лапу.

– Дорогой принц Удо, я жажду вам помочь. Мы обязательно что-нибудь придумаем и снимем с вас эти ужасные чары. В библиотеке так много всяких мудрых книг – там наверняка можно найти массу полезных советов. О, я уверена, вы очень скоро поправитесь.

– Вы очень добры, принцесса. Вы понимаете, что значит подобное положение для человека с моим характером. – Он наклонился к Виггз и спросил вполголоса: – Как их делают? (Имея в виду сэндвичи.)

Грациозно изогнув стан, Бельвейн поднялась.

– У меня еще есть дела. Нужно распорядиться, чтобы приготовили подстилку... – Она запнулась, сделав вид, что ужасно смущена. – Как это глупо с моей стороны – я имела в виду ложе для Вашего Королевского Высочества. Ваше Высочество, вы разрешите мне удалиться?

Ее Высочество разрешила.

– И вы, девочки, бегите и посмотрите, не нужна ли ваша помощь. Оставьте нам сэндвичи с кресс-салатом, – добавила принцесса, потому что Виггз с некоторым сомнением посматривала то на блюдо, то на принца.

Благодарно взглянув на Ее Высочество, Удо приступил к следующему сэндвичу.

— еперь, дорогая принцесса, — сказал Удо, как только они остались одни, — позвольте узнать, чем я могу вам помочь.

— О, принц Удо, — голос Гиацинты стал серьезным, — было так благородно с вашей стороны откликнуться на мою просьбу. Меня не покидает чувство: в том, что с вами произошло, есть доля моей вины. Это могло случиться из-за того, что я пригласила вас сюда.

— Вовсе нет, принцесса. Подобная неприятность может случиться с кем угодно и где угодно. Если я еще нужен вам, принцесса, прошу вас, расскажите мне все. И хотя мои физические возможности сейчас далеко не те, что прежде, смею вас уверить, что умственные ни в коем случае не пострадали. — Он откусил еще кусок сэндвича и с умным видом кивнул.

— Давайте перейдем сюда, — предложила Гиацинта. Она прошла к старинному каменному сиде-

нюю у стены (Удо последовал за ней, не расставаясь с тарелкой) и села, оставив для него место.

Каждый знает, как указать джентльмену, что он может присесть рядом с вами и рассказать, что он делал в городе вчера вечером, и каждый знает, как похлопать рукой по дивану, чтобы Фидо запрыгнул на него и был-хорошей-собакой-и-лежал-смирно. Гиацинте очень тактично удалось изобразить нечто среднее между этими жестами, и Удо грациозно вскочил на скамью.

– Теперь можно поговорить, – сказала Гиацинта. – Что вы думаете об этой даме, которую я вам представила?

Удо был уже достаточно взрослым, чтобы знать, как отвечать на такие вопросы.

– Я почти не обратил на нее внимания. – И он, склонив голову, начал: – Естественно, когда Ваше Высочество... О, прошу прощения, вам, наверное, мешают мои уши...

– Ничего, ничего, – отвечала Гиацинта, поправляя волосы. – Так вот, я пригласила вас сюда из-за этой женщины.

– Но я не могу жениться на ней в таком виде, Ваше Высочество.

Принцесса, вздрогнув, взглянула на него, и принц сразу же понял, что дал маху. Чтобы скрыть смущение, он взял следующий сэндвич и съел его очень быстро.

– Мне нужна ваша поддержка, – несколько отчужденно заговорила Гиацинта. – Она явно что-то замышляет против меня.

...НАДО СООБЩИТЬ ОТЦУ УДО О ЕГО ПОВЕДЕНИИ

– О, Ваше Высочество, я теперь понимаю. – Удо покачал головой так, что сразу стало ясно: принцесса наконец-то напала на нужного человека.

– Я ей не доверяю.

– И это неудивительно. Я тоже кое-что заметил.

– Что же?

– Вспомните, что произошло, когда я появился. Вы, Ваше Высочество, естественно, слегка испугались, эти две маленькие девочки смотрели на меня с восторженным изумлением, а что графиня Бельвейн? Что она сделала?

– А что она сделала?

– В том-то и дело, что ничего, – с торжеством объявил Удо. – Она не удивилась, не огорчилась и не испугалась.

– Да, пожалуй, теперь я это припоминаю.

– А ведь тем не менее, – проговорил Удо наполовину жалобно, наполовину гордо, – принцы обычно выглядят по-другому. Почему же она не удивилась?

Гиацинта была озадачена.

– Она знала, что вы за мной послали? – последовал вопрос Удо.

– Да.

– Потому что вам стало что-то известно про нее?

– Да.

– Тогда поверьте моим словам – это сделала она!

– Но как? – воскликнула принцесса. – Хотя это именно то, чего от нее можно было бы ожидать.

Удо не ответил. Он соскочил с сиденья и в негодовании бегал по комнате, чтобы не проявить своих чувств перед дамой.

– Как ей это удалось? – недоумевала Гиацинта.

– Подговорила какого-нибудь волшебника или что-то в этом роде, – нетерпеливо бросил Удо, продолжая бегать. Вдруг он резко остановился перед принцессой: – Если бы знать наверняка, что я лев.

Он попробовал зарычать, тонким голосом воскликнул, что это не считается, и снова попробовал.

– Нет, видимо, я все-таки не лев, – признал он печально.

Гиацинта предложила:

– Надо придумать план.

– Да, надо придумать план, – вяло согласился Удо и, расстроенный, снова уселся рядом с ней. Он не мог больше скрывать от себя, что он не лев. Этот факт совершенно лишил его присутствия духа.

– Я думаю, что проявляла недостаточную твердость, но с тех пор как мужчины уехали на войну,

...НАДО СООБЩИТЬ ОТЦУ УДО О ЕГО ПОВЕДЕНИИ

эта женщина практически захватила власть в стране. Мне кажется, что она может готовить заговор, я знаю, что она грабит меня. Я вызвала вас сюда, чтобы вы помогли мне с ней справиться.

Удо с важным видом кивнул.

– Надо установить за ней слежку.

– Да, но на это могут уйти месяцы.

– Вы сказали – месяцы? – встрепенулся Удо.

– Да, а в чем дело?

– Ну, дело в том, – замялся Удо, – я знаю, что это очень глупо с моей стороны, но будем надеяться, что все обойдется...

– Но в чем же дело?

Удо совсем сконфузился. Он вилял хвостом, чертил задней лапой круги и бросал на принцессу застенчивые взгляды.

– Ну, я... – он нервно хихикнул, – я подозреваю, что я из тех зверей, – он снова хихикнул, – которые впадают в зимнюю спячку. Будет очень неловко, – его задняя лапа снова стала выписывать круги, – если мне придется выкопать норку в земле как раз в тот момент, когда заговор созреет.

– О, это было бы ужасно, – в отчаянии сказала Гиацинта.

Они оба молчали некоторое время, представляя себе всевозможные осложнения. Хвост Удо случайно оказался у Гиацинты на коленях, и она рассеянно теребила его в руках.

Принцесса первая прервала молчание:

– Как бы то ни было, сейчас еще только июль.

– Да-да, – ответил Удо. – Возможно, я буду свободен примерно до ноября. До того времени надо бы все разузнать... О-о! – Он вдруг подскочил в сильном волнении. – Я подумал... Мне ведь придется запастись орехами...

– На самом деле...

– Пожалуй, придется начать уже довольно скоро. Знаете, у меня ведь нет практики. Лезть на деревья за орехами, – продолжал он сонно, – какой удел для...

– О, пожалуйста, не надо, – взмолилась Гиацинта. – Кажется, это делают только белки.

– Да, пожалуй. Значит, если бы я был белкой, мне... Вы не могли бы вернуть на минуту мой хвост?

– О, простите, пожалуйста. – Гиацинта пришла в ужас, осознав, какую вольность допустила.

– Что вы, что вы, ничего страшного... – Он взял хвост в переднюю лапу. – Сейчас посмотрим. Наблюдают за мной.

Сидя на задних лапах, он загнул хвост над головой и, отпустив его, стал быстро-быстро грызть сэндвич, зажатый в передних. Прекрасный сюжет для художника... Но неподходящая модель.

Хвост со стуком упал на пол.

– Ну вот. Все понятно. Я не белка!

– Ах, я так рада, – сказала Гиацинта, полностью убежденная этим показом.

– Ну тогда все в порядке. Можно разрабатывать план действий. Прежде всего не следует... – Он вдруг замолчал, и Гиацинта увидела, что он разглядывает свой хвост.

...НАДО СООБЩИТЬ ОТЦУ УДО О ЕГО ПОВЕДЕНИИ

– Да?

Он поднял хвост и положил его перед собой. На середине хвоста был большой узел.

– Что мне надо было запомнить? – он задумчиво тер лоб.

Бедная Гиацинта!

– О, милый принц Удо! Мне так жаль. Боюсь, что это сделала я, задумавшись.

Удо, как галантный кавалер, сразу же подхватил:

– Узел верности, – начал он с грациозным покло... Нет, он вовремя остановился. Ох уж эти уши! С ними совершенно невозможно проявить обычную вежливость.

– Ах, Удо! – порывисто воскликнула Гиацинта. – Если бы только я могла вернуть вам ваш истинный облик!

– Да, это было бы хорошо, – ответил Удо, снова становясь практичным. – Но как это сделать? Еще один сэндвич, пожалуйста, – сказал он извиняющимся тоном. – Они так идут к ушам.

– Я пригрожу графине. Скажу, что, если она не заставит волшебника расколдовать вас, посажу ее в тюрьму.

Удо не слушал. Он погрузился в свои мысли.

– Банановые оладьи и сэндвичи с кресс-салатом, – бормотал он. – Думаю, другого такого зверя не сыщешь...

– Конечно, – продолжала принцесса, тоже наполовину сама себе, – часть народа может принять ее сторону – те, которых она подкупила. Если она...

– Хорошо, хорошо, – остановил ее Удо. – Оставьте графиню мне. В ваших сэндвичах есть что-то, от чего я способен на все, – что-то вдохновляющее. Я чувствую себя новым... кем бы я ни был!

Не кажется ли вам, что Удо слишком уж разошелся и что он мог бы вести себя поскромнее?

– Вообще-то, – размышляла Гиацинта вслух, – я могла бы написать отцу и попросить прислать кого-нибудь из мужчин, но очень не хочется этого делать. Не хочу, чтобы он думал, что я не справилась.

– Удивительно, что иногда приходит в голову, – говорил тем временем Удо. – Возможно, я все-таки кролик. Интересно, как я буду выглядеть за провололочной сеткой? – Он откусил еще один кусок и продолжал: – А что я сделаю, если увижу хорька? Надеюсь, у вас нет ручного хорька, принцесса?

– Простите, принц, не расслышала. Я думала о другом. Что вы сказали?

– Ничего, ничего. Просто разные мысли...

Удо протянул руку к тарелке и обнаружил, что она пуста. Он сел поудобнее и, казалось, слегка задремал, как вдруг его внимание привлек узел на хвосте. Он принялся его лениво развязывать, сонно бормоча: «Хорошо бы, я мог жалить хвостом... но, кажется, мой не из таких. Вот было бы на хвосте жало...» Он начал тщательно ощупывать кончик хвоста.

– Интересно, есть ли у меня вообще жало? – Он закрыл глаза. – Я бы с удовольствием ужалил графиню... Прямо в шею, всю шею бы изжалил, всю... – И принц Удо погрузился в сон.

...НАДО СООБЩИТЬ ОТЦУ УДО О ЕГО ПОВЕДЕНИИ

Недостойное поведение! Роджер Кривоног пытается оправдать принца, ссылаясь на палящий зной и действие одного-двух сэндвичей с кресс-салатом на пустой... на человека, который несколько дней ничего не ел. Как подействовали на Удо сэндвичи с кресс-салатом, мы и сами только что видели. Но Роджер забывает упомянуть о том, что сэндвичей-то было двадцать один или двадцать два. Что там ни говори, не стоит отрицать: поведение принца оставляло желать лучшего. Если бы я там оказался, то немедленно написал бы его отцу.

Гиацинта взирала на эту картину с довольно противоречивыми чувствами. Конечно, ей было его очень жалко. «Бедняга, – думала она, – туго ему пришлось». Но, согласитесь, сочувствие постепенно становится все менее искренним, когда слишком долго смотришь на помесь льва, кролика и тонкорунного барашка, особенно если часть, принадлежащая кролику, тихонько похрапывает, приоткрыв рот.

И потом, что ей с ним делать? Получается, что теперь у нее на руках двое – графиня и он. Бельвейн только выиграла от присутствия принца: она вполне может использовать его в своих целях. Ва-

ше Высочество будете делать то-то и то-то или Его Высочество навсегда останется кроликом. И куда денешься?

Ладно, об этом она подумает завтра. Сейчас и так достаточно сложностей, и первая из них – как с ним вообще обращаться. Годится ли ему теперь Голубая комната? Гиацинта вдруг осознала, что хозяйке, принимающей у себя такую компанию животных, как принц Удо, придется проявить чудеса тактичности. Может, он сам скажет, что ему нужно, когда проснется. Пусть пока доспит.

Она еще раз взглянула на принца, невольно улыбнулась и быстро спустилась по лестнице во дворец.

до проснулся в довольно бодром настроении и решил немедленно начать проводить твердую политику в отношении графини. Найти Бельвейн оказалось несложно: дворец был битком набит прислугой, занятой неотложными делами, позволяющими хоть мельком взглянуть на гостя, после чего все разбежалось по углам, прикрывая ладонью рот и с трясущимися плечами. Одна из служанок, лучше владевшая собой, чем остальные, проводила рассерженного принца в сад графини.

Графиня Бельвейн гуляла по мощеным дорожкам между клумбами лаванды. Заметив Удо, она остановилась, опершись локтями на солнечные часы и насмешливо его разглядывая. На часах было выгравировано: «Если тучи застыт небосвод, ни одна минута не пройдет» – изречение, придуманное графиней однажды в дождливый полдень.

– А-а, вот мы где! – начал Удо довольно противным голосом.

– Да, вот мы где, – очень приветливо отозвалась графиня. – И нас здесь довольно много, не так ли? – И вдруг начала хохотать как безумная: – Ой, я сейчас умру! О, принц Удо, я от вас в восторге! Можете считать меня вашей жертвой...

Легко сердиться на человека, который над вами смеется, но трудно произвести на него впечатление, к которому стремишься, особенно когда... Но нет нужды снова описывать обличье Удо.

– Не вижу тут ничего смешного, – проговорил он угрюмо. – Для интеллигентного человека внешность – не главное.

– Но она может быть очень смешной, разве нет? Я хотела, чтобы с вами случилось что-нибудь позабавнее, но никак не думала...

– Ага! – торжествующе сказал Удо. – Вот оно!

Он произнес это тоном опытного следователя, который наконец добился признания от обвиняемого, пытающегося уйти от прямого ответа. Подобный тон может показаться уместным лишь для человека, обладающего внушительным обликом служителя закона. Может быть, именно поэтому Бельвейн снова рассмеялась.

– Вы практически признались в том, что сделали это, – с важностью изрек Удо.

– Что «это»? – невинно спросила графиня.

– Превратили меня в... ээ...

– Кролика?

Подобное мнение о его внешности уже в который раз произвело на Удо чрезвычайно неприятное впечатление, и он запальчиво спросил:

– Почему вы думаете, что я кролик?

– Кто бы вы ни были, но вы никогда не осмелитесь показаться у себя в стране в таком виде.

– Берегитесь, женщина! Это уж слишком. Не будите во мне льва!

– Где? – воскликнула графиня с детским любопытством.

Жестом, исполненным достоинства и свидетельствующим о безупречности манер, принц указал на хвост.

– Это не та часть льва, – заметила Бельвейн, пренебрежительно усмехнувшись, – которая могла бы меня напугать.

Удо был сражен наповал, но через некоторое время опомнился и взял себя в руки.

– Даже если предположить – так просто, к примеру, – что я кролик, я все же кое на что способен. Возьму и съем ваши гвоздики!

Бельвейн обожала свой сад, но ее утешала мысль о том, что сейчас еще только июль, о чем она и сообщила Удо.

– Не обязательно гвоздики, – предупредил Удо.

– Не хотелось бы спорить с тем, кто, простите меня, обладает таким особым знанием предмета, но, мне кажется, сейчас в моем саду нет ничего, что могло бы порадовать кролика.

– Ну и пусть не радуется, – героически отвечивал Удо. – Я готов рискнуть!

Это было уже серьезнее. Ее милый сад, где она слагает стихи, обращенный в руны – нет, в руины – происками врага... Сама мысль об этом была невыносимой.

– Вы не кролик, – поспешно заговорила графиня. – Не настоящий кролик, потому что... потому что не умеете как следует шевелить носом.

– Умею, – заявил Удо. – Просто не хочу.

– О, покажите, пожалуйста! – Бельвейн всплеснула руками в радостном нетерпении.

Не для того он пришел в этот сад, и, несомненно, шевеление носом не могло не нанести ущерба чести царствующей фамилии Арабии. Но, что поделаешь, эта ужасная женщина могла кого угодно заставить плясать под свою дудку.

– Вот так, – сказал Удо.

Графиня окинула его критическим взглядом.

– Нет. Совсем неправильно.

– Естественно, я сейчас немного не в форме.

– Мне очень жаль, – заметила Бельвейн, – но боюсь, что дело не в форме.

Удо уже давно подумывал о том, что разговор как-то не клеится, во всяком случае, он рассчитывал на другое. Необходимо перехватить инициативу.

– Довольно, графиня, – проговорил он очень грозно. – Я слышал ваше признание. Это вы меня заколдовали.

– Конечно, я. Очень вы мне были тут нужны – вмешиваться в мои планы!

– Планы ограбления принцессы!

Бельвейн чувствовала, что бесполезно пытаться объяснять Удо принципы помощи бедным. (Куда деваться от ограниченных людей вроде Удо или Роджера Кривонога? Спорить с такими – только попусту тратить время.)

– Мои планы, – повторила она.

– Очень хорошо. Я прямо сейчас иду к принцессе, и она публично сорвет с вас маску.

Лицо Бельвейн озарилось лучезарной улыбкой – не часто выпадает такой случай.

– А кто, – спросила она самым сладким голосом, – сорвет маску с вас, чтобы люди смогли увидеть настоящего принца Удо?

– Что вы имеете в виду? – удивился Удо, хотя уже начинал догадываться.

– Эта благородная внешность, которой по праву так гордится Арабия, где она? Кто откроет ее народу? Представьте себе, что бы они все подумали, если бы увидели вас в этот момент!

Теперь до Удо наконец дошло. Гиацинта поняла это гораздо раньше.

– Вы имеете в виду, что если Ее Высочество будет выполнять ваши указания, то вы вернете мне прежний облик, а если нет, то...

Бельвейн с сожалением вздохнула. Как часто урядные люди превратно толкуют побуждения выдающейся личности! Она не сомневалась, что будущие историки представят все именно в таком свете. (В отношении Роджера она оказалась совершенно права.)

Осознав всю безвыходность положения, Удо не выдержал и, презрев галантность, гигантским прыжком бросился на графиню. Она грациозно скользнула за солнечные часы, изобразив очаровательный испуг... Но уже в следующий момент Удо решил, что, пожалуй, не стоит выяснять отношения с дамой такими грубыми методами. Прийти к этому решению ему в значительной степени помогло то обстоятельство, что хвост застрял. Бельвейн в мгновение ока оказалась рядом.

– Тихо, тихо... Ничего страшного. Я помогу Вашему Высочеству. – И, высвобождая хвост, она на удивительно заметила: – Из всего следует извлекать маленькие уроки. Подумайте, вот если бы вы были кроликом, ведь ничего подобного не случилось бы.

– Нет, я даже не кролик, – отвечал Удо с грустью. – Я просто ничто...

Бельвейн присела в глубоком реверансе.

– Вы – Его Высочество наследный принц Арабии Удо. Солома для Вашего Королевского Высочества готова. Когда Вашему Высочеству будет угодно удалиться на отдых? (Пожалуй, это было слишком жестоко с ее стороны. Я не стал бы приписывать графине такие высказывания, но Роджер настаивает.)

– Сейчас же, – ответил Удо и печально поспешил прочь. Это был самый достойный момент во всем его пребывании в Евралии.

По дороге он встретил Виггз и мрачно сказал ей:

– Виггз, если ты можешь хоть чем-нибудь досадить графине, я очень хотел бы, чтобы ты это сделала. – После чего он заперся у себя в комнате.

В подробности туалета Его Высочества нам с вами, пожалуй, лучше не вдаваться.

Если бы я писал простую хронику тех давних событий, мне следовало бы рассказывать о них совсем по-другому: «Вот вам факты, господа. Такой-то и такой-то сделал то-то и то-то, и это уж ваше дело его судить». Признаюсь, это выше моих сил – я не могу оставаться беспристрастным свидетелем, я люблю всех своих героев и очень хочу, чтобы вы их тоже полюбили. Поэтому может показаться, что я кого-то «выгораживаю». Но по крайней мере один из персонажей нисколько не нуждается в моей защите. Относительно него двух мнений быть не может.

Конечно, я говорю о Виггз. Мы совершенно согласны с Гиацинтой: Виггз была лучшей девочкой в Евралии. Поэтому вы будете поражены (как был поражен я, притащив домой и прочитав семнадцатый том Роджера), что иногда Виггз могла быть такой же плохой, как любой из нас. Я имею в виду – по-настоящему плохо себя вести. Порвать передник или читать книги, с которых надо вытирать пыль, – это пустяки, это может случиться с кем угодно. Проступок Виггз был гораздо страшнее.

Представьте себе, она приняла бесчестное предложение принца Удо и три дня спустя, поставив под угрозу безопасность государства и на радость врагам короля, основательно потрудилась над постелью графини, тщательно и крепко связав крестнакрест нижние концы пододеяльника и простыни. Получилось поистине великолепное сооружение – сам Архимед не смог бы его усовершенствовать, а Ньютон просто кусал бы себе локти от зависти. Виггз потратила на это все утро, и результат (хотя его нельзя было наблюдать собственными глазами, что является серьезным недостатком подобного способа сводить счеты с врагами) превзошел все ожидания. Промучившись с полчаса, графиня

провела ночь в садовом гамаке, сочиняя полную горечи «Оду к Меланхолии».

Конечно, на следующий день Виггз здорово влетело – о том, чего графиня не знала, она вполне могла догадаться. Рассерженная Виггз, настроившись быть плохой хоть целую неделю, решила, что теперь снова ее очередь. Что бы такое придумать?

Внезапно ее осенило вдохновение: она была по-настоящему плохой целый день накануне. Такой случай упускать нельзя – можно загадать плохое желание!

Виггз сняла с шеи кольцо, подняла его вверх и громко произнесла:

– Я хочу... я хочу, чтобы графиня Бельвейн, – она остановилась, выбирая какую-нибудь действительно серьезную месть, – я хочу, чтобы графиня Бельвейн навсегда разучилась писать стихи!

Виггз задержала дыхание, ожидая удара грома или еще какого-нибудь ужасающего свидетельства гибели графининой музы. Но вокруг царила необычайная тишина. И тут девочку охватило страшное чувство: ей показалось, что все на свете разом умерли. Поняв, какой отвратительный поступок она совершила, Виггз добежала до своей комнаты, бросилась на кровать и горько зарыдала.

А теперь скажите мне, дамы и господа, могли бы и вы раскаяться так скоро?

Час спустя Виггз пошла в сад графини посмотреть, что получилось. Кажется, она выбрала наиболее удачный момент, потому что Бельвейн была в зеленом.

Радость творчества заставила графиню начисто забыть о бессонной ночи и о том, кто был ее виновником, – таково уж наше ремесло. Она радостно приветствовала Виггз и, взяв ее за руку, повела между кустами роз.

– Я беседую со своими розами, – сказала графиня. – Вот послушай:

– В моем саду так много дивных роз...

Которая из всех прекрасней – вот вопрос!

Карминно-красная иль розового цвета?

А может, алая, как небо в час рассвета?

Какой из них мне посвятить куплет?

Пожалуй, мне милее всех пунцовый цвет...

И бабочка...

Но нам не суждено ничего узнать о бабочке. Может быть, из-за Виггз мир понес поистине невосполнимую потерю, навсегда утратив гениальную строчку, посвященную чешуекрылым, потому что девочка прервала графиню, еле выговорив замирающим от волнения голосом:

– А когда вы это сочинили?

– Только что. Но я еще не закончила стихотворение. Слушай дальше:

– И бабочка...

Но Виггз выдернула руку и помчалась обратно во дворец. Ей необходимо было остаться одной и все как следует обдумать.

Что случилось? В том, что это настоящее волшебное кольцо, никаких сомнений быть не могло.

«ЦВЕТА» РИФМУЕТСЯ С «РАССВЕТА»

В том, что ее желание было самым что ни на есть плохим и что она вела себя именно так, чтобы его заработать, она тоже была уверена. В чем же дело? Ответ был лишь один: плохое желание израсходовал кто-то другой.

Кто? Она никому не давала кольцо. Правда, она рассказала о нем принцессе, но...

И вдруг Виггз вспомнила: графиня держала кольцо в руках! Да, и она выслала Виггз из комнаты и...

В голове у Виггз накопилось столько разных мыслей, что она должна была с кем-то поделиться. Она побежала искать принцессу.

Гиацинта сидела в библиотеке вместе с Удо. Он теперь почти все время проводил в библиотеке, потому что надеялся выудить из множества умных книг подходящий к случаю Совет Джентльмену в Затруднительных Обстоятельствах. Гиацинта грустно составляла ему компанию. Какая была блестящая мысль – пригласить его в Евралию. Теперь принцесса больше всего на свете хотела, чтобы эта мысль никогда не приходила ей в голову.

– Ну, Виггз, – обратилась она к девочке с ласковой улыбкой, – расскажи нам, что ты делала сегодня утром.

Удо оторвался от своего фолианта и кивнул.

– Я все поняла! – в величайшем возбуждении почти кричала Виггз. – Это графиня! Это она все сделала!

Удо презрительно оглядел Виггз с головы до пят.

– У принцессы Гиацинты золотистые волосы. Рано или поздно приходишь к подобному выводу.

И он снова уткнулся в книгу.

Виггз была крайне озадачена и вопросительно взглянула на принцессу.

– Он имеет в виду, дорогая, – объяснила Гиацинта, – что это вполне очевидно и что мы давно об этом знаем.

Лицо Удо приняло самодовольное выражение, как у человека, только что изрекшего нечто, полное тонкой иронии.

Виггз так расстроилась, что чуть не заплакала, и Гиацинта по доброте душевной стала ее утешать:

– Мы не знаем наверняка – только догадываемся. Но теперь, когда тебе удалось узнать всю правду, я смогу ее наказать. Нет, не ходи со мной, – сказала она, направляясь к дверям. – Остайся лучше с Его Высочеством. Может быть, тебе удастся найти книгу, которая ему нужна. Я думаю, ты прочита-ла куда больше моего.

Оставшись наедине с принцем, Виггз некоторое время молчала и только изредка беспокойно на него поглядывала.

– А вы все знаете про графиню? – спросила она наконец.

– Если я чего-нибудь и не знаю, то это наверняка что-нибудь плохое.

– Значит, вы знаете, что это все из-за меня? О, милый принц Удо, мне так жаль...

– Как это «из-за тебя»?

– Ну потому что это же мое кольцо.

Удо почесал задней лапой за ухом – озабоченно, но очень мило.

– Расскажи мне все с самого начала. Похоже, тебе действительно удалось узнать что-то важное.

И Виггз рассказала, как фея дала ей кольцо, как графиня взяла его и как она, Виггз, обо всем догадалась утром.

На Удо это произвело сильное впечатление. Он рысцой трусил взад-вперед по библиотеке и что-то бормотал себе под нос. Когда Виггз закончила, он остановился.

– Кольцо еще годится? Я имею в виду, ты еще можешь загадать желание?

– Да, только одно.

– Тогда пожелай, чтобы она превратилась в... –

Он перебирал в уме самых противных зверей. – Как насчет паука?

– Но это плохое желание.

– Да, плохое, но теперь ее очередь.

– О, но у меня осталось только хорошее желание. – Она восторженно добавила: – И я знаю, что загадаю!

Удо тоже знал. Или по крайней мере так думал.

– Ты милая девочка, – сказал он, бросив на нее признательный взгляд.

– Да, именно это – чтобы я могла танцевать, как фея!

Удо не поверил своим ушам, а уж такие уши, заметим, были как нельзя лучше приспособлены к тому, чтобы слушать как следует.

– Но чем это поможет мне?! – И он указал лапой на себя.

– Но это же мое кольцо, – удивилась Виггз. – И, конечно, я попрошу сделать так, чтобы я танцевала, как фея. Уже давным-давно собираюсь.

Ребенок оказался возмутительно эгоистичным. Удо решил зайти с другой стороны.

– Конечно, я ничего не имею против танцев как таковых. Но думаю, ты от этого скоро устанешь, так же, как я устал... от салата.

Теперь Виггз поняла.

– Вы хотите, чтобы я пожелала превратить вас обратно в принца?

– Да, – небрежно проговорил Удо, – это только что пришло мне в голову как пример по-настоящему хорошего желания.

– И, значит, я никогда уже не буду танцевать, как фея?

– И я тоже не буду, если уж на то пошло. («Просто удивительно, до чего же, в самом деле, непонятлива эта девочка!»)

– О, это слишком жестоко! – в сердцах воскликнула Виггз, топнув ногой. – Я больше всего на свете хочу танцевать.

Удо решил нарисовать мрачную картину своего будущего:

– Всю жизнь провести за проволочной сеткой... Вечно бояться красноглазых хорьков... Питаться одной овсянкой неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом, век за... Сколько вообще живут кролики?

Но Виггз не дала себя разжалобить.

– Ни за что не расстанусь со своим желанием! – сказала она убежденно.

Удо с достоинством поднялся на все четыре лапы.

– Ну что ж, как хочешь... Есть множество других способов снимать чары. Выучу одно стихотворение нашего придворного поэта Сахарино и прочту его задом наперед в новолуние... Что-нибудь в этом роде... Прекрасно обойдусь и без тебя. Оставайся со своим желанием.

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ВЕДЕТЕ СЕБЯ КАК ВИГГЗ?

Он медленно вышел из библиотеки. Хвост, который сейчас больше обычного напоминал шнурок от звонка, торжественно тащился за ним следом. Кисточка, за которую обычно тянут звонок, задержалась в дверях, потом дернулась и исчезла, а Виггз осталась одна.

– Не отдам своего желания! – крикнула Виггз вслед принцу. – Я пожелаю прямо сейчас, а то вдруг передумаю. – Она подняла кольцо. – Я хочу, чтобы... – И тут она замолчала. («Бедный принц Удо, он такой несчастный... Интересно, так ли уж хорошо хотеть танцевать, когда кому-то очень плохо?»)

Она немного поразмышляла и приняла великое решение.

– Да, – твердо сказала она. – Я его непременно расколдую! – Она снова подняла кольцо. – Я хочу, – начала она, – чтобы принц Удо...

Я знаю, что вы хотите сказать. Глупо было с ее стороны загадывать хорошее желание, потому что накануне она вела себя просто отвратительно. Как можно было думать... Она и не думала – она вовремя вспомнила.

– Вот так досада! – сказала Виггз, стоя посреди библиотеки с поднятыми вверх руками. – Сначала же надо целый день быть хорошей!

Итак, следующий день стал великим днем Виггз. Легенды о нем передавались в Евралии из поколения в поколение. Он попал во все календари – двенадцатое июля, отмеченное красной звездочкой.

Роджер посвятил ему целую главу своего труда. Собирались даже объявить этот день государственным праздником, да потом почему-то раздумали. Все мамы в Евралии, ругая непослушных детей, приговаривали: «Почему ты не можешь вести себя, как Виггз?», – а дети говорили друг другу, что никакой Виггз вовсе и не было и что это все нарочно выдумали взрослые. Однако поверьте мне – это чистая правда!

Виггз начала с того, что встала в пять утра и очень тщательно привела себя в порядок (не забыв аккуратно выжать губку, что очень важно), потом заправила постель и прибрала комнату. Сначала ей пришла в голову мысль разбудить всех взрослых во дворце, чтобы они тоже могли порадоваться прекрасному утру, но после недолгого размышления она решила, что это не обязательно. Поэтому, быстро вытерев пыль в Тронном зале и проделав несколько несложных гимнастических упражнений, она вышла на улицу и занялась домашними животными.

За завтраком она съела целых три порции чего-то очень питательного (о чем графиня говорила, что от него хорошо растут) и всего лишь одну порцию джема. Она все время сидела прямо и ни разу не отпила из чашки, не проглотив того, что было во рту. А это тоже очень важно! После завтрака Виггз высыпала крошки на газон для малиновок и снова принялась за работу.

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ВЕДЕТЕ СЕБЯ КАК ВИГГЗ?

Сначала она вытирала пыль, потом мела, мела и мела, потом шила, шила и шила. Когда кто-нибудь старший входил в комнату, она вставала, делала реверанс и стояла, заложив руки за спину, ожидая, пока с ней не заговорят. Когда кто-то вдруг вспоминал: «Интересно, куда девались мои очки?», – она вскакивала и говорила: «Позвольте, я принесу...», даже если надо было бежать наверх.

После обеда она собрала корзину провизии и стала обходить бедных женщин. Некоторым она пела или читала вслух, а когда в одном доме ее попросили станцевать, она нашла в себе достаточно мужества, чтобы с улыбкой ответить: «Боюсь, я не умею танцевать». Мне кажется, это был самый настоящий подвиг, и будь я феей, я простил бы ей остаток дня.

Вернувшись во дворец, она выпила два стакана горячего молока с пенками, потом прополола газон в саду графини, а когда случайно наступила на цветочную клумбу, то оставила след, вместо того чтобы быстренько разровнять землю и сделать вид, что и близко к тому месту не подходила, как поступил бы всякий на ее месте.

И в половине седьмого она поцеловала всех (включая Удо), пожелав им доброй ночи, и отправилась спать.

Так окончилось двенадцатое июля, возможно, самый знаменательный день в истории Евралии.

Удо и Гиацинта мирно провели великий день в библиотеке. Джентльмен до самых кончиков шерсти, Удо не рассказал принцессе о том,

что Виггз отказалась ему помочь. Кроме того, в нем зыграла мужская гордость. Превратиться в помесь трех зверей по желанию тридцатилетней женщины и превратиться опять в принца по желанию десятилетней девочки – это, по-видимому, как раз и означает «стать игрушкой в руках прекрасного пола». Пора было самому о себе позаботиться.

– Как же начинался этот отрывок у Сахарино? «Кровь за что-то, что-то, что-то. Он кто-то, кто-то, кто-то». Что-то в этом роде. Помню, там была кровь.

– Я уверена, что вы вот-вот вспомните, – сказала Гиацинта. – Похоже, это как раз то, что нужно.

– О, сейчас вспомню. Некоторые слова куда-то подевались... Кровь... ээ... кровь... Это насчет крови для кого-то. Вы не можете не знать.

– Я знаю, что где-то это слышала. – Принцесса, наморщив лоб, изо всех сил пыталась хоть что-нибудь припомнить. – Да, это о том, что... ээ...

– Да, это оно, – сказал Удо.

Они оба уставились в потолок и стали шевелить губами, склонив головы набок.

Но настал новый день, а они так ничего и не вспомнили. Наскоро перекусив, они вернулись в библиотеку.

– Мне кажется, дорогая принцесса, лучше всего написать Лионелю и попросить его.

– Я думала, его зовут Сахарино.

– О нет, это не поэт. Просто мой друг. Но в поэзии он разбирается неплохо. Все дело в том, что письмо слишком долго идет.

При слове «письмо» Гиацинта вздрогнула.

– Принц, я никогда себе не прощу! Я только что вспомнила: отец прислал мне в письме маленькое стихотворение. Он его сам сочинил. Отец утверждает, что оно как раз очень хорошо снимает...

– Что снимает?

– Ну, заклятия и тому подобное...

Удо немного рассердило «и тому подобное», как будто превращение его обратно в принца вообще ничем не отличается от, скажем, удаления ржавчины со шлема.

Гиацинта продекламировала:

– Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

– Это звучит так, что, кажется, действительно может снять что угодно, – сказала она с улыбкой.

Удо выпрямился.

– Сейчас попробую. Надо ли при этом что-нибудь делать?

– Кажется, нет. Знаете, вам просто надо произнести это так, как будто вы это имеете в виду.

Удо сел и, размахивая левой лапой, громко продекламировал:

– Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Он устремил взор на передние лапы, ожидая превращения.

Он ждал...

И ждал...

Ничего не произошло.

— Должно подействовать, — тревожно заговорила Гиацинта. — Я уверена: отец не мог ошибиться. Попробуйте **вот** так.

Она повторила строчки таким чарующим голосом **и в то** же время так достойно и твердо, что казалось, даже книги в библиотеке **вот-вот** возьмут **и** снимутся со своих мест на полках.

Удо подражал ей как мог.

В то время как Вигтз ложилась спать, он повторял стишок примерно в пятидесятый раз.

Гиацинта совсем пала духом.

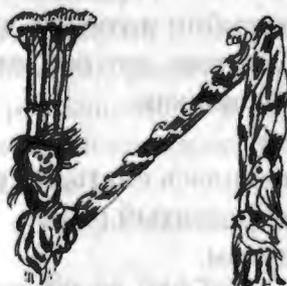
— Мне очень жаль. Может быть, оно совсем не так хорошо, как считает отец.

— У меня есть еще шанс, — решил Удо. — Может быть, надо на голодный желудок. Попробую утром до завтрака.

А наверху Вигтз снились танцы, с которыми она прощалась навеки.

А что в это самое время делала графиня Бельвейн, никому не известно.

вот на следующее утро перед завтраком Виггз поднялась на башню и загадала желание. Она посмотрела на луга, на мирно бегущий по долине ручей, на лес, где она встретила фею, и вздохнула.

– Прощайте, танцы... – Потом, подняв кольцо, она произнесла: – Я вчера весь день вела себя хорошо, и, пожалуйста, я хочу, чтобы принц Удо выздоровел.

Целую минуту царила ничем не нарушаемая тишина. Потом из комнаты принца послышались следующие знаменательные слова:

– Уберите отсюда эту гадость и принесите мне бифштекс и кубок красного вина!

Плача и смеясь, Виггз прошептала:

– По крайней мере говорит он, как здоровый... Я очень рада.

Силы внезапно ее покинули. Она поспешила вниз по лестнице и выбежала из дворца – прочь,

прочь от Удо, и принцессы, и графини, и всех их разговоров – в прохладную лесную сень, где можно побыть одной и в слезах излить печаль о том, что утрачено навсегда.

В лесу было совсем тихо. Она села у подножия своего любимого дерева – столетнего дуба, который стоял на краю лощины, спускавшейся к ручью. Вот здесь, на шелковистой зеленой траве, она могла бы танцевать, а теперь... никогда... никогда...

Долго ли она так сидела? Наверное, довольно долго, потому что лес, безмолвный вначале, теперь наполнился звуками. Деревья что-то шептали ей, птицы повторяли это в пении, а ручей тоже пытался повторять, только все время сбивался, и трава шелестела. Постепенно Виггз стала различать слова: «Вставай, вставай... Вставай и танцуй».

Она поднялась, слегка испуганная. Все вокруг казалось необыкновенно красивым. Никогда прежде она не ощущала ничего подобного. Да, она попробует танцевать – просто в знак благодарности за это чудо. Может быть, они простят, если у нее не очень хорошо получится. «Это будет вместо спасибо! А потом я уже никогда не стану танцевать».

И она начала танцевать...

«...Где ты, Гиацинта? Здесь тебя ждет любовь...»

Разгар весны. Черный дрозд открывает желтый клюв и поет холодно и чисто. Утро полно волшебства. Небо, синее в вышине, переходит в бледную голубизну там, где встречается с вершинами холмов. Тебя ждет ветер – пойдешь ли навстречу?

ГИАЦИНТУ ОЖИДАЕТ ЛЮБОВЬ

Холмы зеленеют для тебя. В зеленоватом тумане стоят высокие буки, на них воркуют лесные голуби. По белой дороге, по полям примул пришел тот, кто ищет тебя. «Где ты, Гиацинта?»

Виггз немного постояла, едва переводя дыхание, а потом стала танцевать снова.

Летний полдень. Солнце льет на землю горячие лучи. «Ку-ку», – доносится из чащи темно-зеленых деревьев. «Ку-ку», – снова кричит птица и улетает, не дождавшись ответа. Поля, зеленые и золотые, мирно спят у полноводной реки. Воздух полон ароматами лета. «Где ты, Гиацинта? Разве не это условленное место? Я ждал тебя так долго!»

Виггз остановилась, а человек, наблюдавший за ней из-за кустов, тихонько скользнул прочь, взбурдаженный увиденным и собственным воображением.

А Виггз полетела во дворец, чтобы сообщить всем, что она умеет танцевать.

– Хочешь знать, как это случилось? – лениво проговорил Удо, увидав Виггз. – Я просто прочитал один стишок – ну, знаешь, задом наперед, и вот, пожалуйста...

– О-о-о!!! – воскликнула Виггз.

до проснулся, когда вошла служанка и принесла ему утреннюю порцию овсянки. Как только она закрыла за собой дверь, он вскокинул, стряхнул солому и произнес со всей возможной решимостью и надеждой:

— Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

А потом, на всякий случай, наоборот:

— Вол, вил, во, во.

Бол, бил, бо, бо.

Это действительно был его последний шанс.

Обессиленный, принц рухнул на соломенную подстилку и снова заснул. Прошел почти час, прежде чем он проснулся по-настоящему.

Мне не хотелось бы вдаваться в подробности его ощущений. Предоставим это Роджеру Кривоногу.

Между нами говоря, Роджер — немного сноб. Отчаяние принца Удо, обращенного в животное, восторг принца Удо, вновь обретшего человеческий облик... Мне кажется, что любой из нас, даже не принц, обрадовался бы точно так же. Уверен, вы можете представить, что почувствовал Удо, снова став человеком.

Он прошелся по комнате. Сто раз посмотрелся в зеркало. Протягивал руку воображаемой Гиацинте со словами: «Милая принцесса, как вы поживаете?» Никогда еще он не казался самому себе таким привлекательным и мужественным. Во время очередного пируэта его взгляд упал на миску с овсянкой, и тут он произнес фразу, которую услышала Вигтз и которую я уже имел удовольствие цитировать.

Действительная встреча с Гиацинтой оказалась даже замечательнее, чем рисовало его воображение. Не смея поверить своим глазам, она порывисто схватила его за руку со словами: «Удо, дорогой, я так рада!»

Удо подкрутил усы и совсем развеселился. За завтраком (Удо подкрепился на славу) они обсудили планы. Первым делом надо было вызвать графиню. За ней послали служанку.

– Если вы позволите мне вести допрос, – сказал Удо, – я не сомневаюсь, что мне удастся...

– Думаю, что теперь, когда вы со мной, я смогу вести себя по-другому. Я не буду так ее бояться.

Вошла служанка.

– Ее Светлость еще не выходила.

– Как только она появится, передайте, что я хочу ее видеть.

Удо тем временем высказывал свои соображения:

– Вы мне рассказывали про ее фальшивую армию. Так вот, одно из моих предложений – а я успел придумать множество, пока был... ээ... нездоров, – заключается в том, чтобы она организовала настоящую армию на свои средства и навечно стала в ней младшим сержантом.

– Разве это наказание, принц? – наивно спросила Гиацинта.

– Еще какое! Потом, я придумал...

Снова вошла служанка.

– Ее Светлости слегка нездоровится, и она решила пока остаться в постели.

– А Ее Светлость не говорила, когда намерена выйти?

– Ее Светлость вообще не собирается сегодня выходить. Ее Светлость сказала, что она не знает, когда сможет встать.

Служанка ушла, а Удо с принцессой сели в углу, обескураженные неожиданным поворотом событий.

– Не знаю, что и делать, – сказала Гиацинта. – Не можем же мы вытащить ее из постели. Может,

она и вправду больна. Вдруг она останется там навсегда?

– Конечно, – начал Удо, – было бы очень...

– Видите ли, если мы...

– Вероятно, мы могли бы...

– Доброе утро, Ваши Королевские Высочества! – прозвучал как гром среди ясного неба отчетливый голос графини Бельвейн. Она опустилась перед принцессой в необыкновенно изящном реверансе. – Ваше Королевское Высочество... И милый принц Удо в своем прежнем блистательном обличе!

На графине был восхитительный туалет. В золотом платье с глубоким вырезом, открывающим ослепительную белизну шеи, с двумя прядями темных волос, спускающимися до колен и перевитыми нитями жемчуга, она была похожа на самую настоящую королеву, в то время как Удо и принцесса казались жалкими злоумышленниками, застигнутыми врасплох за обсуждением гнусного заговора.

– Я... я думала, что вы плохо себя чувствуете, – пролепетала принцесса, пытаясь прийти в себя.

– Я плохо себя чувствую?! – воскликнула Бельвейн, прижав руки к груди. – Мне казалось, что это Его Высочество... Но теперь он выглядит как настоящий принц.

Она взглянула на Удо, и в этом взгляде было столько восхищения, юмора, призыва и я не знаю чего еще, что у принца разом вылетело все из головы и он мог лишь взирать на нее с изумлением и восторгом.

Несомненно, само ее появление было тонко рассчитанным шагом. Никогда не знаешь, как поведет себя женщина, подобная Бельвейн, но, мне кажется, она намеренно старалась казаться попроще в последнее время, чтобы потом явиться во всеоружии своей красоты. Положение дел действительно складывалось не в ее пользу: принц снова стал человеком, и именно на человека, мужчину, был рассчитан ее новый удар.

А Удо именно сейчас являл собой самую легкую жертву. То обстоятельство, что он снова стал привлекательным для женщин, заслонило в его глазах все остальное. Стать привлекательным в глазах Гиацинты было бы вполне достаточно для любого, но Удо ощущал какую-то неловкость. Он не мог забыть, что принцессе приходилось его жалеть, а быть объектом жалости – не самое достойное положение для мужчины. Другое дело – Бельвейн.

Тем временем Гиацинта полностью овладела собой.

– Довольно, графиня, – проговорила она твердо. – Мы не забыли ваших происков, мы не забыли вашего нападения на принца Удо. Я приказываю вам оставаться во дворце до тех пор, пока мы не решим, что с вами делать.

Бельвейн кротко потупила взор.

– Повинуюсь приказаниям Вашего Высочества. Когда я понадобится Вашему Высочеству, вы найдете меня в саду.

Она бросила еще один мимолетный взгляд на принца и удалилась.

– Я ее просто ненавижу, – сказала Гиацинта. – Что мы с ней сделаем?

– Я думаю, сначала мне следует поговорить с ней самому. Не сомневаюсь, мне удастся вытянуть из нее подробности заговора. В нем могут быть замешаны знатные люди, и тогда нам необходимо действовать с особой осторожностью. С другой стороны, может быть, она просто ошибалась...

– Вы считаете, что она просто ошибалась, когда превращала вас в...

Удо поспешно поднял руку.

– Я это отлично помню. Будьте уверены, она свое получит. Покажите мне дорогу в ее сад.

Гиацинта уже не знала, что и думать о своем госте. Когда она впервые увидела его в человеческом облике, контраст с прежней внешностью был столь разителен, что он показался ей почти тем самым принцем из ее снов. Но каждая следующая минута приносила разочарование: лицо слишком тяжелое, манеры слишком напыщенные, а в недалеком будущем он наверняка растолстеет.

Более того, он вел себя излишне самоуверенно. Принцесса, конечно, нуждалась в его помощи, но не до такой степени, чтобы он хозяйничал в доме, как ему вздумается.

А Удо, предчувствуя увлекательный день, направился в сад графини. Он уже бывал здесь раньше, но сейчас сад показался ему намного красивее, а женщина, вновь ожидавшая его появления, гораздо более привлекательной.

Бельвейн подвинулась, освободив место на скамье.

– Я всегда сочиняю в саду. Не знаю, как Ваше Высочество относитесь к поэзии...

– Чрезвычайно... – ответил Удо. – Сам я, правда, не пишу и не особенно много читал, но от всего сердца восхищаюсь теми, кто... ээ... ею восхищается. Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о поэзии, графиня.

– Не для того? – удивилась графиня. – Но Вашему Высочеству, без сомнения, знакомы произведения Сахарино – величайшего из бардов Арабии.

– Сахарино... Как же, как же, помню. «Кровь за что-то, он, кто кто-то...» Я хочу сказать, что это действительно прелестно. Но я должен побеседовать с вами о другом.

– Кровь за кровь,
И острый меч на крепкий щит.
Моя песня для того,
Кто ночью вскачь во мглу летит... –

мягким голосом процитировала графиня. – Это, возможно, самая драгоценная из жемчужин его творчества.

– Это оно! – восторженно вскричал Удо. – Я это знал! Знал, только не мог... – Он внезапно оборвал себя, вспомнив, при каких обстоятельствах он не мог. Удо внушительно откашлялся и в третий раз объяснил, что целью его прихода отнюдь не являлась беседа о поэзии.

– Но мне кажется, что самая прекрасная его вещь, – перебила графиня, спокойно пропуская его слова мимо ушей, – это ода к Вашему Высочеству на день совершеннолетия. Сейчас, минутку...

Неукротимый и прекрасный
Принц восемнадцати годов
Отныне – это видно ясно –
К великим подвигам готов.
А взор его и светел, и суров,
Его краса и мужество в расцвете.
А ведь всего лишь восемнадцать лет назад
(По крайней мере все так говорят)
Его еще и не было на свете.

Удо изобразил некоторое смущение и сказал, что эти придворные поэты – ужасные льстецы.

Если он рассчитывал на комплимент, то ошибся.

– Я не могу судить об этом, пока не узнаю вас как следует, – серьезно проговорила графиня, глядя ему в глаза. – А Ваше Высочество действительно такой... неукротимый?

– Я... ну, я... то есть... – Он неловко заерзал на скамье, чувствуя себя все менее неукротимым. Ему сразу следовало понять, что на такой вопрос лучше и не пытаться отвечать.

– Но Ваше Высочество не должны быть слишком неукротимым в отношении нас, бедных евралийцев...

Тут ему опять пришлось сказать, что он пришел для решительного объяснения и что графиня неверно поняла его намерения.

– О, простите меня, Ваше Высочество. А я была совершенно уверена, что вы хотите поделиться мыслями о прекрасном с родственной душой.

– Н-нет, – сказал Удо, – не совсем.

– Тогда в чем же дело? – воскликнула графиня.

Удо поднялся и выпрямился во весь рост. Он чувствовал, что пора наконец проявить твердость. Он медленно отошел на несколько шагов и обернулся к графине, поставив локти на солнечные часы.

– Графиня, – начал он решительно, – десять дней назад, выехав в Евралию по приглашению принцессы, я внезапно подвергся...

– Минутку, – озабоченно прошептала графиня, вскочила, прихватив со скамьи подушечку, бросилась к принцу, подложила ему подушечку под локоть («Бедный, ему, наверное, неудобно») и скользнула обратно на скамью. Потом она села, уперев локти в колени, и положила подбородок на руки, не сводя с принца восхищенного взгляда. – Теперь продолжайте, – еле слышно выдохнула она и приготовилась слушать.

Удо открыл было рот с намерением продолжать, но никак не мог подыскать нужные слова. Он чувствовал себя полным идиотом, стоя вот так – с локтем на подушечке, словно он собирался произнести публичную речь. Он посмотрел на подушечку, как будто ожидал увидеть рядом стакан с водой, а Бельвейн перехватила его взгляд и сделала вид, будто собирается бежать за стаканом. (Это было очень на нее похоже.) Удо в гневе отшвырнул подушечку

(«Осторожнее, мои розы!» – вскрикнула графиня) и сердито направилась к ней. Бельвейн смотрела на него широко открытыми невинными глазами.

– Вы... вы... О, немедленно перестаньте смотреть так!

– Как? – спросила Бельвейн, продолжая смотреть так.

– Не делайте этого! – закричал Удо и пнул ногой подушечку. – Прекратите!

Она прекратила.

– Вы знаете, – произнесла она кокетливо, – а я вас немного боюсь, когда вы сердитесь.

– Я сержусь. Я очень сержусь. Я страшно разгневан.

– Я так и думала, что вы рассердитесь. – Она вздохнула.

– И вам очень хорошо известно почему.

Графиня кивнула.

– Виной всему мой ужасный характер. Стоит мне выйти из себя, и я могу натворить Бог знает что.

Она снова вздохнула и в раскаянии потупила взор.

– Вам не следовало бы... – неловко начал Удо.

– Видите ли, принц, мне всегда казалось, что мужчины относятся к женщинам слишком свысока и что это несправедливо. Вот и на этот раз мне стала невыносимой мысль о том, что мы, женщины, не можем управлять страной сами – даже некоторое время – и что нужно звать на помощь мужчи-

ну. – Она застенчиво взглянула на принца. – Правда, я тогда не знала, какой это мужчина, но теперь...

Вдруг она умоляюще простерла руки к Удо:

– Останьтесь с нами, принц Удо, и помогите нам! Мужчины так умны, так храбры, так... великодушны. Им неведомо это мелочное чувство мстительности, присущее женщинам.

– Помилуйте, графиня... мы... ээ... вы... ээ... конечно, в том, что вы говорите, много правды, и я...

– Не могли бы вы снова присесть, принц?

Удо сел рядом с ней.

– А теперь давайте обсудим все это спокойно, как старые друзья.

– Конечно, – начал Удо, – я вас понимаю. Вы меня никогда не видели, ничего обо мне не знали – для вас я был просто одним из мужчин.

– Я немного узнала вас, когда вы приехали. Внешняя... маска не могла скрыть отваги и достоинства. Но даже если бы у меня была возможность вернуть вам прежний облик, я думаю, что побоялась бы это сделать, потому что никак не предполагала, что вы настолько добры и великодушны.

Все выглядело так, словно было совершенно очевидно, что принц ее уже простил. Когда очень красивая женщина благодарит вас за то, что вы ей еще не дали, джентльмену остается только одно. Удо успокаивающе похлопал графиню по руке.

– О, благодарю вас, Ваше Высочество. – Бельвейн встрепенулась, встала со скамьи и молвила: – А теперь позвольте показать вам мой прелестный сад.

– Любой сад, где находитесь вы, графиня, не может не показаться прелестным, – галантно ответил Удо, и это, мне кажется, было совсем неплохо для человека, который еще накануне питался одним салатом и овсянкой.

И они стали гулять по саду вместе. У принца уже не оставалось никаких сомнений – день действительно выдался удачный.

Час спустя он вернулся в библиотеку. Гиацинта бросилась к нему навстречу.

– Ну и как?

Удо кивнул.

– Я поговорил с ней о ее поведении в отношении меня. Никаких затруднений больше не предвидится. Всею виной обычное женское легкомыслие. Графиня все объяснила, и я решил ее простить.

– Но ее воровство, ее заговор, ее интриги против меня?!

Удо оторопело уставился на принцессу, но быстро опомнился.

– Об этом, – сказал он многозначительно, – я буду говорить с ней завтра.

Король Веселунг сидел в своей палатке, с запрокинутой головой и с глазами, устремленными в потолок. Его всегда румяные щеки были на этот раз белее снега. Человек по имени Карло крепко держал его за нос. Но Веселунг не сопротивлялся и не протестовал – его брили.

Придворный цирюльник находился по обыкновению в прекрасном расположении духа и болтал не закрывая рта. Он на минуту отпустил королевский нос и стал править бритву, заметив:

- До чего неприятная штука – эта война.
- Ужасная, – согласился король.
- Конца-краю не видно.
- Ну-ну, – сказал Веселунг, – там посмотрим...

Цирюльник снова приступил к работе.

– Знаете, что бы я сделал с королем Бародии, попадись он мне в руки?

Веселунг не отважился ответить, но показал правым глазом, что разговор ему интересен.

– Я бы ему бакенбарды сбрил, – решительно объявил Карло.

Веселунг внезапно дернулся – в тот же момент снежное поле окрасилось следами битвы, потом король снова запрокинул голову, и через несколько минут вся операция была завершена.

– Скоро пройдет, – сказал Карло, легко похлопывая короля по подбородку. – Вашему Величеству не следовало шевелиться.

– Я сам виноват, Карло. Вы меня натолкнули на мысль, вот в чем дело.

– Рад служить Вашему Величеству. До свидания, Ваше Величество.

Как только Карло вышел, король достал свой блокнот. Он непременно записывал великие мысли, приходившие ему в голову за день. Теперь он нацарапал в нем следующее: «И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости».

Король в нетерпении ударил в гонг, чтобы вызвать к себе Советника.

– У меня родилась великая идея, – сказал он Советнику.

Советник постарался скрыть удивление и изобразить восторг.

– Сегодня я предполагаю совершить тайную вылазку в стан противника. Мне нужны свежие данные разведки. В какой из всех этих палаток скрывается король Бародии?

– Самая большая в центре, над ней королевский штандарт.

– Я именно так и думал. В самом деле, я часто видел, как он туда заходит, но все должно быть по правилам. В соответствии с информацией, предоставленной моими надежными разведчиками, я намереваюсь сегодня ночью пробраться в палатку короля Бародии и...

Советник содрогнулся от негодования.

– ...и сбрить ему бакенбарды.

Советник содрогнулся от восхищения.

– Ваше Величество, – заговорил он тоном, исполненным благоговения. – Сорок лет, юношей и мужем, служил я Вашему Величеству и вашему до сих пор оплакиваемому батюшке, но никогда мне не приходилось присутствовать при рождении столь блистательного плана.

Веселунг некоторое время боролся с собой, но природная честность победила.

– Он возник после одного замечания моего брадобрея, – сказал он как бы между прочим, – но, конечно, по-настоящему разработал его я.

– «И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости», – назидательно изрек Советник.

– Разумеется, – с отсутствующим видом проговорил Веселунг, взяв блокнот и вычеркивая только что написанную фразу. – Как по-вашему, это не запрещено правилами?

– Ни в коем случае, Ваше Величество. В анналах Евралии существует множество примеров подобного юмора – юмора, который, если Ваше Величество позволит мне так выразиться, являя невежественному уму лишь свою поверхностную сторону, тем не менее корнями уходит в самые фундаментальные стратегические соображения.

Веселунг внимал ему с искренним восторгом. Вот это Советник так Советник!

– И я так подумал. С одной стороны, это поможет нам без труда выиграть войну, а с другой – король Бародии окажется в очень смешном положении, лишившись бакенбард. Нынче же ночью я приведу план в исполнение.

И вот в полночь он отправился на подвиг. Советник с тревогой ожидал его возвращения. Уже много веков рыжие бакенбарды были неотъемлемой принадлежностью правящей династии Бародии. В те времена даже ходила пословица: «Потерянный, как король Бародии без бакенбард». Король, лишившийся этой регалии в самый критический момент для страны, – это было бы нечто из ряда вон выходящее. Ему по меньшей мере пришлось бы удалиться в изгнание до тех пор, пока бакенбарды не отрастут снова, а лишенная предводителя, армия Бародии стала бы легкой добычей.

Советника эта возможность ничуть не печалила. Он с нетерпением ожидал возвращения в Евралию, в свой уютный дом. Не то чтобы на войне ему было скучно – забот у него было не меньше, чем у всякого другого. В его обязанности входила, например, проверка всех новых претендентов на должность чародея или заклинателя, которых приводили в лагерь. Такой-то и такой-то заявлял, что за пятьсот золотых он превратит короля Бародии в маленькую черную свинью. Его вели к Советнику.

– Ты утверждаешь, что можешь превратить человека в маленькую черную свинью? – спрашивал Советник.

– Да, ваша милость, этому меня научила моя бабушка.

– Тогда преврати меня, – говорил Советник.

Новоявленный мудрец начинал творить чудеса. Как только он произносил последнее заклинание, Советник смотрелся в зеркало. Потом он кивал солдатам. По его знаку самозванца сажали на мула лицом к хвосту и с позором выпроваживали из лагеря. Таких самозванцев являлось немало (каждый как-никак получал награду в виде мула), и нельзя сказать, чтобы жизнь Советника была полностью лишена треволнений.

Но он скучал по нехитрым радостям домашнего очага. Он любил, вернувшись из дворца, покопаться в саду, любил после ужина рассказывать жене о важных делах, совершенных им после того, как они виделись в последний раз, внушать ей, что ему

доступны государственные тайны, о которых она не должна даже и пытаться его расспрашивать. Женщина, обладающая меньшим чувством такта, так бы и поступала, но жена Советника знала, что он только и ждет, чтобы из него «вытянули» все секреты. Однако, поскольку эти тайны всегда казались ей слишком скучными, чтобы делиться ими с соседками, большого вреда в том не было.

– Помогите-ка мне снять этот дурацкий плащ, – вдруг сказал кто-то совсем рядом.

Советник пошарил руками в воздухе, пока не обнаружил нечто твердое. Он растегнул плащ, и перед ним предстал король.

– Благодарю вас. Ну вот, я это сделал. В последний момент у меня дрогнула рука – такие они были красивые, но я себя заставил. Бедняга спал как младенец. Интересно, что он скажет, когда проснется.

– А вы принесли их с собой? – спросил Советник в величайшем возбуждении.

– Дорогой Советник, что за вопрос?! – Король вытащил бакенбарды из кармана. – Утром мы вывесим их на флагштоке на обозрение всей Бародии.

– Вот уж он не обрадуется, – захихикал Советник.

– Не представляю себе, что он теперь станет делать, – задумчиво произнес Веселунг, которому уже стало жалко поверженного врага.

Король Бародии тоже не представлял. Он проснулся рано утром и тут же ощутил непривычный холодок на щеках. Пощупав их, он немедленно понял, что случилось самое худшее.

– Эй, там! – позвал он часового.

– Слушаю, Ваше Величество, – ответил часовой, осторожно появляясь в дверях.

Король немедленно отвернулся к стене и натянул на голову одеяло.

– Пришлите ко мне Советника.

Когда Советник вошел в палатку, он увидел лишь спину августейшего монарха.

– Советник, – начал король, – приготовьтесь, вас ожидает удар.

– Да, сир, – ответил Советник, заранее дрожа от страха.

– Вы сейчас увидите то, чего не видел ни один человек за всю историю Бародии.

Советник схватился за сердце. В следующий миг палатка поплыла у него перед глазами, и больше он уже ничего не видел. Когда он пришел в себя, король поливал его водой из кувшина и бормотал в ухо грубые слова утешения.

– О, Ваше Величество, – лепетал бедный Советник, – Ваше Величество! Я не знаю, что сказать, Ваше Величество. – Он пытался стряхнуть с себя воду, и она тонкими струйками стекала на пол.

– Возьмите себя в руки, -- твердо приказал король. – Нам понадобится вся ваша мудрость, хоть ее и нельзя назвать чрезмерной, чтобы выпутаться из этой истории.

– Ваше Величество, кто осмелился совершить это вопиющее преступление?

– Откуда мне знать, идиот! Вы что, думаете, я бы им дался, если бы не спал?

Советник приосанился и слегка надулся. На самом деле он привык выслушивать и не такое, но от человека с парой устрашающих рыжих бакенбард. А когда вас оскорбляет человек с простым, круглым и не внушающим никакого трепета лицом – это совсем другое дело.

– Что вы, Ваше Величество, намерены предпринять? – холодно осведомился Советник.

– Полагаю, надо поступить следующим образом. Основная тяжесть ляжет на ваши плечи...

Советник не удивился. К этому он тоже привык.

– От вас потребуется сообщить эту новость народу в наиболее пристойной форме. Вы скажете от моего имени, что я веду переговоры с одним великим волшебником, тайно посетившим меня, и поэтому сегодня утром не выйду. Позже вы сообщите, что волшебник нашел способ победить подлых евралийцев, но что победа может быть достигнута лишь путем великой жертвы с моей стороны и что для блага моего народа я согласен ее принести. Потом вы торжественно объявите, что жертва уже принесена и что она

состоит в том... А почему все эти идиоты так развеселились? – На улице к небу взлетали взрывы мощного хохота. – В чем дело?! Пойдите и посмотрите.

Советник осторожно выглянул наружу. Он вернулся к королю и, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как можно более беспечно, доложил:

– Да так – шуточная эмблема, которую вывесили евралийцы над своим лагерем. Вряд ли она позабавит Ваше Величество.

– Действительно, мне сейчас не до шуток. Вернемся к делу. Как я уже говорил, вы объявите моим подданным, что великая жертва, которую ради них принес государь, состоит в том... Опять они... Я сам должен посмотреть. Откиньте полог!

– Но Вашему Величеству это не покажется смешным.

– Вы что, намекаете, что у меня нет чувства юмора? – заносчиво спросил король.

– О нет, сир, но ведь бывают определенного рода шутки – шутки несколько дурного тона, которые, естественно, не рассчитаны на такой деликатный вкус, как у Вашего Величества. Эта произвела на меня именно такое впечатление.

– Я и сам разберусь, без вашей помощи. Сейчас же откройте дверь.

Советник открыл дверь, и глазам короля предстали его собственные горячо любимые бакенбарды, которые развеваясь на легком ветерке чуть пониже королевского штандарта Евралии.

Короля Бародии трудно было назвать симпатичным человеком, и дочери его отнюдь не блистали красотой, но бывали моменты, когда он не мог не вызывать искреннего восхищения. Вот, например, как сейчас.

– Можете закрыть дверь, – обратился он к Советнику. – Инструкции, только что полученные вами, – продолжал он все тем же ледяным тоном, – отменяются. Мне надо подумать.

И он стал думать, меряя решительными шагами палатку.

– Вы тоже можете думать, – неожиданно мягко сказал он Советнику, – и если вам придет в голову что-нибудь не совсем бессмысленное, предлагайте.

Он продолжал расхаживать по палатке и вдруг остановился как вкопанный перед большим зеркалом. В первый раз, с тех пор как ему исполнилось семнадцать, он увидел свое лицо, не украшенное бакенбардами. Не в силах оторвать взгляд от отражения, он поманил рукой Советника.

– Идите-ка сюда, – сказал он, притягивая его за рукав. – Посмотрите, – он указал рукой на зеркало, – это действительно я? Зеркало не врет? Это, правда, мое лицо?

– Да, сир.

Король еще некоторое время как зачарованный вглядывался в свое отражение, а потом повернулся к Советнику и с негодованием заявил ему в лицо:

– Ты трус! Малодушное, жалкое, бездарное, начиненное бумажной трухой подобие человека!

И ты раболепствуешь перед таким королем?! Да мне надо дать пинка!

Советник вспомнил двадцатиодномильный пиннок, некогда полученный им самим, и отвел было ногу для удара, но призадумался.

– Но вы можете дать мне сдачи, – предположил Советник.

– Конечно, дам, – без тени сомнения отвечал король.

Советник пребывал некоторое время в нерешительности, а потом осторожно выразился следующим образом:

– Думаю, мелкие личные ссоры перед лицом общего врага следует считать предосудительными.

Король взглянул на него, коротко рассмеялся и снова стал ходить.

– Опять это лицо... Нет, ничего не выйдет. Я не смогу править страной в таком виде. Видимо, придется отречься.

– Но, Ваше Величество, это ужасное решение! Разве вы не можете удалиться в изгнание на то время, пока бакенбарды не отрастут? В конце концов, это...

Король остановился прямо напротив Советника и мрачно посмотрел на него сверху вниз.

– Советник, эти бакенбарды, которые вы только что видели развевающимися на ветру, целых сорок лет были моим проклятием. Все эти сорок лет я жил по их указке. Приходилось вести себя не так, как мне велел характер – добродушный и общительный, –

а как хотели эти дурацкие штуки. Я играл роль, которая сначала причиняла мне одни неудобства, но потом, увы, я к ней привык. И все равно то, что вы наблюдали каждый день, никогда не было моей подлинной сущностью, которую вы без труда прочтете на этом вот лице. – Он показал рукой на зеркало.

После долгого молчания, во время которого король продолжал разглядывать себя в зеркале, Советник рискнул предложить:

– Но, Ваше Величество, зачем же отрекаться? Подумайте, с какой радостью примет страна этого нового короля, которого вы мне сейчас открыли! И все же, – добавил он с сожалением, – это будет уже не то...

Король круто обернулся к нему.

– Вот это речь истинного бародианца! Конечно, это будет совсем не то. Мои подданные привыкли видеть в своем монархе определенные качества, и им будет не хватать их. Новый король может приучить их к чему-нибудь другому, но чтобы изменился я, они не захотят. Нет, Советник, я отрекусь. И, пожалуйста, не делайте такого печального лица. Я ожидаю большой радости от будущего!

Советник печалился вовсе не о нем, а о самом себе. Он думал, что новый король вполне может отказаться не только от прежней внешности, но и от прежнего Советника.

– Но что же вы станете делать?

– Я буду простым подданным нового короля и стану зарабатывать на жизнь собственным трудом.

Советник удивленно поднял брови.

– Вы, наверное, думаете, – надменно заметил король, – что у меня не хватит ума заработать на жизнь?

Советник, откашлявшись, стал объяснять, что весьма достойные качества, присущие монарху, не всегда находят должное соответствие и применение и т.д.

– Все, что вы сказали, свидетельствует лишь о том, как мало вы в этом разбираетесь. Представьте себе, я совершенно случайно обнаружил, что во мне есть задатки замечательного свинопаса.

– Свинопаса?!

– Ну да, человека, который... ээ... пасет свиней. Вас, наверное, удивит, что, выступая в роли свинопаса, я беседовал с представителем этой профессии о его ремесле и он даже ничего не заподозрил. Это будет как раз та деятельная жизнь на свежем воздухе, которая доставит мне массу удовольствия. Пасешь и доишь, доишь и... ээ... пасешь, и так день за днем. – Счастливая улыбка, которую Советнику никогда не доводилось видеть, разлилась по лицу короля. Он игриво хлопнул Советника по спине. – Я стану просто счастливым человеком.

– А как вы об этом объявите? – Советнику удалось найти на редкость удачный тон, представлявший собой нечто среднее между обращением к монарху и обращением к пастуху.

– А вот это уж ваша забота. Теперь, когда я скинул с себя бремя этих проклятых бакенбард, гордость мне

не пристала, но даже свинопас может испытывать некоторую неловкость, если его насильно побреют во сне. Мысль, что именно этому обстоятельству будет посвящено последнее упоминание обо мне в истории Бародии, невыносима. Поэтому вы объявите, что я был сражен сегодня глубокой ночью в честном бою с королем Евралии и что мои бакенбарды прикреплены к его королевскому знамени как символ победы. – Веселунг подмигнул Советнику и добавил: – Нелишним будет упомянуть о том, что накануне поединка похитили мой заколдованный меч.

Советник лишился дара речи от восхищения мудростью плана и от радости. Как и его евралийский собрат, он тоже рвался домой. Право же, причиной войны послужило личное оскорбление, нанесенное королю. А если король больше не король, так и воевать не из-за чего.

Будущий свинопас сказал:

– Я считаю, что мне следует послать Ноту королю Евралии и предложить свой план. Сегодня под покровом ночи я выберусь из лагеря, а завтра начну новую жизнь. Не вижу причин, чтобы завтра же не распустить людей по домам. Между прочим, часовой знает, что прошлой ночью меня не убили. Подумайте об этом.

– Я думаю, – ответил Советник, который уже предвкушал возвращение домой и вовсе не желал, чтобы все его планы расстроились из-за какого-то простого солдата, – я думаю, мне удастся убедить часового в том, что вы действительно погибли прошлой ночью.

– Ну тогда все в порядке. – Король снял кольцо с пальца. – Может быть, это вам поможет. Теперь оставьте меня – я начну письмо королю Евралии.

Король Веселунг несказанно обрадовался этому письму. В нем недвусмысленно объявлялось об окончании войны и о том, что король Бародии отказывается от престола. Вместо него станет править сын – безобидный простак, который не причинит Евралии ни малейшего беспокойства. Король Бародии надеется, что дело будет представлено таким образом, будто бакенбарды были выиграны в честном бою – это наилучший выход для них обоих. Лично он весьма рад от них избавиться, но есть же у человека чувство собственного достоинства. Он хочет отныне посвятить себя личной жизни, и если пойдет молва о том, что его сразил король Евралии, это только облегчит его существование.

Веселунг после ночного приключения спал долго, так что, когда он проснулся, письмо уже лежало наготове. Он немедленно вызвал своего Советника.

– Что вы сделали с этими... трофеями? – спросил он.

– Они трепещут на вашем флагштоке, сир.

– Понятно. А что говорят мои люди?

– Они покатываются со смеху, Ваше Величество.

– Да, но что они говорят?

– Одни говорят, что Ваше Величество, проявив чудеса находчивости, проникли в стан противника и срезали бакенбарды, пока он спал, другие – что,

проявив чудеса храбрости, вы победили врага в смертельной схватке и захватили военный трофей.

– О! А вы что говорите?

– Ваше Величество, я пока не говорю ничего.

– Очень хорошо. Я все как следует обдумал и теперь вспомнил, что я действительно сразил короля Бародии прошлой ночью. Вы меня понимаете?

– Искусство Вашего Величества в обращении с мечом всегда служило предметом восхищения подданных.

– Прекрасно, – подтвердил Веселунг. – Вот, собственно, и все. Я встаю. А завтра мы все едем домой.

Советник вышел, радостно потирая руки.

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ
ПРИНИМАЕТ ДВУХ
ОЧЕНЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Помните ли вы тот день, когда принцесса Гиацинта и Виггз сидели на башне замка и мечтали, как приедет принц Удо? Принцесса думала, что у него темные волосы, а Виггз – что светлые, и они гадали, куда его поместить – в Голубую комнату или лучше в Пурпурную, и мечтали, как он поставит графиню на место и принесет счастье в Евралию. Теперь Гиацинте казалось, что с тех пор прошло чуть не несколько лет, и снова она сидела на башне вместе с Виггз.

Ей было тоскливо. Она всей душой стремилась избавиться от этой «посторонней помощи», которую навлекла на себя столь опрометчиво. Теперь они против нее вдвоем. Одной Бельвейн было более чем достаточно, но Бельвейн вместе с Удо, действующим по указке все той же Бельвейн, – это в сто раз хуже.

– Виггз, что ты делаешь, когда тебе плохо и никто тебя не любит? – спросила принцесса.

– Танцую, – с готовностью ответила Виггз.

– А если тебе не хочется танцевать?

Виггз попыталась припомнить те мрачные времена (примерно неделю назад), когда она не умела танцевать.

– Тогда я иду в лес и сажусь под мое любимое дерево, и понемногу все начинают меня любить.

– Вряд ли они полюбят меня.

– Еще как полюбят! Хотите, я покажу вам мое волшебное дерево?

– Да, только не ходи со мной, просто расскажи, где оно. Я хочу быть несчастной одна.

И Виггз рассказала принцессе, что надо идти по узкой тропинке, уходящей в глубь леса, до тех

пор, пока деревья по обеим сторонам не начнут редеть и не откроется поляна. И надо спуститься с холма, перейти ручей и подниматься по другому берегу, пока снова не начнется лес, и самое первое дерево – самое большое, самое старое и самое красивое – это и есть оно. И надо сесть, прислонившись спиной к стволу, и смотреть туда, откуда пришел, и тогда скоро почувствуешь, что все будет хорошо.

– Я найду его, – сказала Гиацинта, вставая. – Спасибо, дорогая.

Она нашла это дерево и села под ним, и сначала сердце ее было полно горечи из-за Удо и из-за графини. Она даже сердилась на отца за то, что он оставил ее одну. Но от леса веяло таким миром, таким спокойствием, что вскоре душа принцессы тоже успокоилась и она поняла: как-нибудь она со всем этим справится. Только сейчас ей очень хотелось, чтобы поскорее вернулся отец, потому что он любил ее, а когда тебя никто не любит, жить становится очень трудно.

Вдруг за ее спиной раздался голос:

– Здесь очень красиво, правда?

Она обернулась и увидела высокого юношу, который выходил из леса.

– Кто вы? – спросила Гиацинта, изумленная его внезапным появлением. Наряд ничего ей не сказал, зато лицо говорило о множестве вещей, узнать которые она была бы рада.

– Меня зовут Лионель.

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ ПРИНИМАЕТ...

– Красивое имя.

– Может быть... но не позволяйте ему сбить вас с толку. Это имя принадлежит человеку, ничего особенного собой не представляющему. Вы не возражаете, если я сяду? Я всегда сижу здесь в это время дня.

– О-о! Вы живете в лесу?

– Да, последнюю неделю. – Юноша дружески улыбнулся и добавил: – Вы немного опоздали.

– Опоздала?

– Я жду вас уже семь дней.

– А откуда вы обо мне узнали?

Лионель широким взмахом руки обвел поляну, и ручей, и лес.

– А для кого же все это? Кто-то должен время от времени говорить спасибо за такую красоту!

– А вы разве не говорили?

– Я? Я бы не осмелился. Нет, это ваша поляна, а вы так непростительно ею пренебрегаете.

– Сюда приходит одна маленькая девочка, – сказала Гиацинта. – Вы ее не встречали?

Лионель отвернулся. В его душе были тайные уголки, в которые даже Гиацинта не могла заглядывать... пока.

– Она танцевала, – коротко ответил Лионель.

Наступило молчание, но оно не вызывало неловкости, как будто они уже были давно знакомы.

– Знаете, – заговорила Гиацинта, глядя на юношу сверху вниз, потому что он лежал у ее ног, – довольно странно, что вы здесь появились.

– Хотел бы и я так думать, но не могу. Предпочитаю считать, что оказался здесь по велению долга. А вообще-то мне очень нравятся места, где мое появление может показаться странным. А вам?

– Мне очень нравится это место. – Гиацинта вздохнула. – Виггз оказалась права.

В ответ на вопросительный взгляд Лионеля она объяснила:

– Виггз – это та самая девочка, которая танцует.

Лионель, вспомнив, что обещал ему танец Виггз, быстро отвел глаза.

– Конечно, она была права, – проговорил он.

Принцесса вдруг совсем успокоилась. Казалось, ничто и никогда больше ее не встревожит. Кем бы ни был этот юноша – не важно. Он даже мог исчезнуть навсегда. Все равно случилось что-то, от чего Гиацинта перестала бояться мира.

– Мне казалось, что все мужчины Евралии на войне, – сказала она.

– Так и есть.

– Тогда кто же вы? Принц из далекой страны? Волшебник? Вражеский лазутчик? Странствующий музыкант? Я предоставила вам немалый выбор...

– Мне не остается ничего иного, как быть тем, кто я есть. Я Лионель.

– А я Гиацинта.

Он, конечно, знал, как ее зовут, но не подал виду.

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ ПРИНИМАЕТ...

- Гиацинта, – произнес он, протягивая руку.
- Лионель, – ответила Гиацинта, протягивая свою.

А ручей бормотал что-то сам себе, спеша мимо них вниз по лощине.

Гиацинта поднялась с легким вздохом сожаления.

- Ну что ж, мне пора.
- Правда, пора? Так не хочется расставаться...
- Действительно пора.

Лионель осмелился намекнуть:

– У этого места есть одна удивительная особенность – оно не становится хуже назавтра. До завтра в то же время.

– Это просто удивительно, – улыбнулась Гиацинта.

– Да, но когда речь идет о таком важном деле, не стоит принимать на веру чужие слова.

– Думаете, мне следует убедиться самой? Может быть, так я и сделаю.

– Свистните, если я случайно буду проходить мимо, и скажите, убедились вы или нет. До свидания, Гиацинта.

– До свидания, Лионель. – Принцесса ласково кивнула и стала легко спускаться с холма.

Лионель глядел ей вслед. «И о чем только думает Удо? – удивлялся он. – Разве что она не любит животных... Целый день ждать. До чего же долго!»

Если бы ему стало известно, что Удо, теперь уже на двух ногах, в этот самый момент находится в са-

ду графини, пытаюсь, вот уже в пятый раз, поведать ей о своих юных годах в Арабии, он удивился бы еще больше.

Если вы помните, мы оставили Лионеля в Арабии. Три или четыре дня он гадал, что же случилось с Удо, чувствуя все большую необходимость что-то предпринять. Не в силах более оставаться в бездействии, он вскочил на коня и отправился в дорогу. Если Удо нужна помощь, он ему поможет. Если с Удо все в порядке, он с чистой совестью вернется в Арабию.

По правде говоря, Лионелем в большой степени руководило чувство ревности.

Некий принц Периваль, гостивший при дворе его дяди, некогда искал руки принцессы Гиацинты, но, проиграв схватку со знаменитым семиголовым быком, припасенным для него Веселунгом, оставил свои попытки. У сего принца оказался портрет принцессы, написанный по его просьбе придворным художником, и он показал его Лионелю. Именно поэтому Лионель сначала отказался сопровождать Удо в Евралию, и по той же причине он с легкостью убедил себя, что в Евралию его призывает долг дружбы.

Всю последнюю неделю Лионель провел в лесу, потому что не совсем представлял себе, что делать дальше. Поскольку по дороге ему ничего не удалось узнать об Удо – ни о двуногом, ни о четвероногом, – следовало вернуться во дворец, потому что в противном случае он так ничего и не узнает.

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ ПРИНИМАЕТ...

А если он вернется во дворец и выяснит, что с Удо все в порядке и что принцесса в него влюблена, случится самое худшее. Ему придется помогать ей восторгаться Удо – занятие совершенно неприемлемое для влюбленного человека, ибо к тому времени он твердо решил, что влюблен в Гиацинту.

Итак, ему пришлось ждать в надежде, что что-то случится. И вот сначала появилась Вигтз, и наконец – Гиацинта. Теперь Лионель был очень рад, что остался в лесу.

На другой день Гиацинта снова появилась на том же месте.

– Я знал, что вы придете, – сказал Лионель. – Не правда ли, все так же красиво, как вчера?

– Мне кажется, даже еще красивее, – ответила Гиацинта.

– Вы имеете в виду эти легкие белые облачка? Это я придумал разбросать их по небу. Я так и знал, что вам должно понравиться.

– Интересно, что вы делали целый день? Вы были очень заняты?

– Не очень. Во всяком случае, у меня нашлось время петь.

– А почему вы пели?

– Потому, что я молод, а лес так красив.

– И я тоже пела сегодня утром.

– Почему?

– Потому, что война с Бародией закончена.

По лицу Лионеля было заметно, что это известие произвело на него сильное впечатление.

– Но вам это, наверное, не так уж интересно, – предположила Гиацинта. – Вот если бы вы жили в Евралии...

– Мне это как раз ужасно интересно. У вас есть время, чтобы как следует повосхищаться, а я пока подумаю. Смотрите, вон еще одно из моих облачков.

Лионелю действительно было над чем поразмыслить. Если война закончилась и король вот-вот вернется, Удо может остаться в Евралии, только если у него есть определенные намерения в отношении принцессы. Значит, если он вскоре отправится в Арабию, то... А что если он все еще животное? Тогда он вряд ли отправится в Арабию... Есть еще и третья возможность: он мог вообще не доехать до Евралии. Масса вопросов, требующих ответа, и рядом с ним находится человек, который может дать эти ответы. Но нужна осторожность.

– Девяносто восемь, девяносто девять, сто! – громко сказал он. – Ну вот, теперь вы, наверное, насмотрелись.

– И что же вы решили? – улыбнулась Гиацинта.

– Решил? – Лионель удивился ее проницательности. – О нет, я ничего не решал, я просто думал. О животных.

– И я тоже.

– Как удивительно! Хотя это дурно с вашей стороны – ведь вы должны были восхищаться моими облачками. А о каком животном вы думали?

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ ПРИНИМАЕТ...

– О разных.
– А я думал о кроликах. Вам нравятся кролики?

– Не особенно.
– Пожалуй. Они такие прыгучие... А львы вам нравятся?

– Мне кажется, что у них какие-то глупые хвосты.

– Возможно. Как насчет барашков?

– В последнее время я разлюбила барашков.

– Действительно, это не самые интересные из животных... Забавно, – заметил он как бы невзначай, пытаясь поймать ее взгляд, – что мне однажды довелось видеть помесь трех этих зверей.

– И мне тоже. – Гиацинта тяжело вздохнула, но Лионель видел, что подбородок у нее дрожит. И вдруг она обернулась и посмотрела ему в глаза, и они вместе рассмеялись.

– Бедный Удо! – сказал Лионель. – Интересно, как он теперь?

– С ним все в порядке.

– Все в порядке? Тогда почему он не... Правда, я очень рад этому.

– Он мне не понравился, – отвечала Гиацинта, покраснев. Потом она слегка улыбнулась и отважно продолжала: – Но, по правде говоря, сначала я не понравилась ему.

– Он хочет, чтобы его непрерывно ублажали. Это моя обязанность, а не ваша.

Гиацинта взглянула на него с новым интересом.

– Теперь я знаю, кто вы такой. Принц мне о вас говорил.

– И что же принц обо мне говорил? – спросил Лионель, изнывая от любопытства.

– Что вы неплохо разбираетесь в поэзии.

Лионель был слегка разочарован. Он предпочел бы, чтобы Гиацинта услышала, что он неплохо разбирается в драконах. Однако теперь, когда они встретились, это не имело значения.

– Принцесса! – Он решил наконец объясниться начистоту. – Думаю, вы все время задаете себе вопрос, что я вообще здесь делаю. Я приехал узнать, не нуждается ли Удо в моей помощи и не нуждаетесь ли в ней вы. Видите ли, принц Удо был моим другом, но если он не друг вам, то и мне больше не друг. Расскажите, что здесь происходит и чем я могу вам помочь.

– Вчера вы называли меня Гиацинтой, и имя мое осталось прежним.

– Гиацинта, скажите, нужен ли я вам? – серьезно произнес Лионель, беря ее за руку.

– Спасибо, Лионель. Видите ли, все получилось так...

И, сидя под волшебным деревом Виггз, она сказала ему все.

Вслушав ее, Лионель беспечно улыбнулся.

– Ну что ж, ничего особенного. Все очень просто. Вы хотите прогнать Удо и поставить графиню на место? Я без труда сделаю одно, а вы – другое.

ЛЕСНОЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ ПРИНИМАЕТ...

– Но как я могу прогнать Удо?

– Нет, это как раз сделаю я.

– Лионель, дорогой, неужели вы думаете, что если бы я могла поставить на место графиню, мне пришлось бы просить чьей-то помощи? Мне кажется, вы плохо себе представляете, что она за человек. К тому же я на самом деле не очень-то знаю, где ее место. Видите ли, я забыла вам сказать, что мой отец от нее без ума.

– Я думал, это Удо от нее без ума.

– Они оба.

– Ну тогда все очень просто. – Лионель предложил с воодушевлением: – Мы убиваем Удо, и тогда... ну, в общем, половина дела сделана.

– Да, но как насчет второй половины?

Лионель с минуту подумал.

– Хорошо, тогда все наоборот: мы убиваем графиню и ставим на место Удо.

– Отцу это совсем не понравится, а он приезжает завтра.

Лионель никак не мог понять, чего хочет принцесса: если король влюблен в графиню, он на ней женится, что бы ни сделала Гиацинта, и тогда какой смысл ставить ее на место на один день, если на следующий она займет место на троне.

Гиацинта угадала его мысли.

– О, вы не понимаете! – воскликнула она. – Графиня пока не знает, что отец возвращается завтра. И если только я могла бы ей показать – не важно, пусть всего на один час, – что я ее не боюсь

и что она не может мной помыкать, тогда я готова забыть все, что происходило в эти последние две недели. Но она относилась ко мне без всякого уважения, она делала все, что ей заблагорассудится, она строила мне козни, и если она никак не будет наказана, а просто выйдет за отца замуж и станет королевой, у меня совсем не останется гордости и я перестану...

– Надо бы взглянуть на эту графиню Бельвейн, – задумчиво перебил ее Лионель.

– Ах, Лионель, если и вы в нее влюбитесь, я умру от стыда.

– В нее, Гиацинта?

Она не смогла выдержать его взгляд и опустила глаза.

– Да, вы... я никогда... вы никогда...

Но в следующую секунду он уже держал ее в объятиях, и она поняла, что никогда больше не почувствует себя одинокой.

теперь, – сказал Лионель, – мы должны решить, что нам делать.

– Но мне теперь все равно, – ответила Гиацинта, и голос ее был совершенно счастливым. – Пусть она берет и трон, и отца, и Удо, и... все что угодно – мне ничуть не жалко. Видите ли, Лионель, у меня есть вы, и я не могу ревновать и сердиться.

– Именно поэтому может получиться очень весело. Можно попробовать сделать все что угодно, и не важно, если из этого ничего не выйдет. Давайте придумаем – просто для забавы, – чем мы могли бы ей отплатить.

– Сегодня мне меньше всего на свете хотелось бы причинять кому-нибудь зло.

– А мы и не причиним ей зла, мы ее разыграем. Будем самыми покорными ее слугами, и пусть она получит все, что захочет.

– Включая принца Удо, – засмеялась Гиацинта.

– Великолепная идея! Мы заставим ее получить Удо. Это, наверное, расстроит вашего отца, но на всех не угодишь. О, я совершенно уверен, что по крайней мере мы получим большое удовольствие.

Они тихим шагом пошли по тропинке рука об руку.

– Мне немного страшно выходить из леса, – сказала Гиацинта. – Вдруг что-нибудь случится?

– Что может случиться?

– Не знаю, но до сих пор вся наша жизнь проходила в лесу. Просто я немного боюсь большого мира.

– Я буду рядом, Гиацинта.

– Будьте рядом всегда, Лионель, – прошептала она, и они пошли дальше.

Если слуги и удивились появлению Лионеля, никто и виду не подал. В конце концов, это тоже входит в обязанности хорошей прислуги.

– Наш гость принц Лионель! – объявила Гиацинта. – Приготовьте для него комнату и завтрак для нас обоих.

И если в те времена в людской обсуждались подобные вещи (а они наверняка обсуждались), то без сомнения, все говорили друг другу, что наконец-то принцесса, благослови Господь ее хорошенькое личико, наконец-то нашла свою судьбу – обратите внимание, как они глядят друг на друга! Но Роджер об этом не пишет – он делает вид, что не может позволить себе снизойти до сплетен низших сословий.

Когда они поднимались по широкой лестнице, Лионель сказал:

– Я не принц, вы же знаете. Не говорите потом, что я вас обманывал.

– Вы Мой Принц! – гордо заявила Гиацинта.

– Дорогая, сегодня я король, а вы моя королева, но это только в нашей особой стране для двоих.

Гиацинта тотчас ответила ему благодарным и радостным взглядом.

– Если это так вас беспокоит, я попрошу отца и он сделает вас настоящим принцем хоть завтра.

– Вы так думаете? Я в этом совсем не уверен. Он же еще не знает, какой подарок мы готовим графине.

Теперь самое время вернуться к Бельвейн. Мы слишком давно с ней не виделись, по крайней мере гораздо дольше, чем Удо, который в очередной раз рассказывал ей необыкновенно скучную историю о своем поединке с драконом (пребывавшим, по всей видимости, в состоянии старческого слабоумия). Графиня внимала ему с неподдельным интересом, который мог показаться преувеличенным кому угодно, даже самому рассказчику.

– И потом, – говорил Удо, – я быстро отпрыгнул вправо, вращая меч над головой... Нет, подождите минутку... Я быстро отпрыгнул влево – да, я сейчас точно помню, что влево, – и, вращая...

Он замолчал, обратив внимание на выражение лица слушательницы: она смотрела вдаль, на что-то за его спиной.

– Боже мой, что это? – Графиня медленно поднялась со скамьи.

Не успел Удо расстаться со своим драконом, как принцесса и Лионель оказались рядом.

– А-а, графиня, – любезно и непринужденно проговорила Гиацинта, – я так и думала, что мы найдем здесь вас обоих. Позвольте мне представить вам герцога Лионеля. Лионель, это графиня Бельвейн – моя добрая и верная подруга. С принцем Удо вы, конечно, знакомы. Его Королевское Высочество и графиня... впрочем, об этом уже все знают...

Лионель учтиво поклонился пораженной графине Бельвейн.

– Ваш покорный слуга, – сказал он. – Не можете вообразить, как я был счастлив услышать эту новость. Удо – мой самый близкий друг. – Он слегка похлопал по спине ошарашенного принца. – Правда же, Удо? Я уверен, графиня, что вы сделали во всех отношениях достойный выбор. – Он снова поклонился и повернулся к принцу. – Ну, Удо, ты великолепно выглядишь – не то что в прошлый раз. Графиня, мы в последний раз виделись... да, когда же это было?.. А-а, как раз накануне прибытия принца в Евралию. Воистину, настоящая любовь творит чудеса!

Мне кажется, одним из самых примечательных достоинств графини было умение хранить молчание, если она не знала точно, что следует сказать. Поэтому она ничего не говорила до тех пор, пока все как следует не обдумала: кто такой Лионель,

что он здесь делает и даже... не является ли брак с Удо лучшим, на что она может рассчитывать в настоящее время.

В отличие от графини, Удо сразу же начал сбивчиво оправдываться:

– Мы не совсем, принцесса... Я имею в виду... Я не знал, принцесса, что вы... Что ты здесь делаешь, Лионель? Как ты здесь оказался?

– Мы ему скажем? – с улыбкой обратился Лионель к Гиацинте.

Гиацинта кивнула.

– Я приехал, – сказал Лионель. – Тайно.

– Но я не знал, что вы...

– Мы поняли, что на самом деле знаем друг друга уже очень давно, – вмешалась Гиацинта.

– И, получив известие, что здесь намечается свадьба, – подхватил Лионель, – я сразу же...

Бельвейн уже приняла решение. Совершенно очевидно, что Лионель – это не принц Удо. Если он останется в Евралии как доверенное лицо – а она догадывалась, что гораздо больше, нежели доверенное лицо, – принцессы, то ей при дворе делать нечего. Что касается короля, то еще не известно, когда он вернется и на что она может надеяться. Чувства – вещь ненадежная. А стать королевой Арабии – тоже не последнее дело.

– Мы не хотели пока об этом объявлять, – застенчиво проговорила она, – но вы разгадали нашу тайну, Ваше Высочество. – Графиня потупила взор и, нащупывая руку не проявлявшего осо-

бого рвенія возлюбленнаго, продолжала: – Удо и я... – Тут ей попалась чья-то рука, но оказалось, что она принадлежит Лионелю. Тогда графиня твердо взяла Удо за руку и уже без всяких церемоний закончила: – Удо и я – мы любим друг друга.

– Удо, скажи же что-нибудь, – подсказал принцу Лионель.

– Ээ... да, – выдавил из себя Удо, надеясь, что сумеет позже как-нибудь выкрутиться. Каковы бы ни были его чувства к графине, он отнюдь не соби­рался ввергаться в пучину брака.

– О, я так рада за вас, – весело сказала Гиацинта. – Я чувствовала, что это должно случиться, потому что в последние дни вы почти не разлучались. Мы с Виггз часто об этом говорили.

«Что произошло с принцессой? – подумала Бельвейн. – Она больше не ребенок, она стала взрослой».

– Удо просто удержу не знает в таких делах, – охотно поддержал разговор Лионель. – Удо – самый пылкий из влюбленных.

Гиацинта продолжала:

– Отец будет в восторге. Вам, конечно, известно, что Его Величество прибывает завтра вместе со всей армией.

Графиня не вскрикнула и не упала в обморок. Она не попросила ни воды, ни нюхательной соли. Она не дрогнув приняла то, что, быть может, было самым большим ударом в ее жизни.

– Тогда мне, наверное, следует распорядиться приготовлениями к приезду Его Величества, если Ваше Высочество не против. – Она сделала реверанс и ушла.

Лионель и Гиацинта обменялись взглядами. «Это было восхитительно», – казалось, говорили их глаза.

Вскоре Гиацинта тоже отправилась во дворец, а Лионель остался в саду наедине с самым пылким из всех влюбленных.

– А теперь, – начал принц сердито, – скажи честно, что ты здесь делаешь.

Лионель взял его под руку и стал водить взад-вперед по мощеной дорожке.

– А как же твоя свадьба? В Арабии только об этом и говорят. Естественно, я прилетел сюда взглянуть на твою избранницу. Милый Удо, прими мои самые теплые поздравления – она очаровательна.

– Не будь идиотом, Лионель. У меня нет ни малейшего намерения жениться.

– Тогда зачем же ты всем подряд говоришь, что женишься?

– Ты прекрасно знаешь, что пока я никому ни о чем не говорил. Об этом и речи не было, пока ты не вмешался.

– Выходит, ты единственный, кто об этом еще не знает. Потому что принцесса знает, графиня знает, я знаю... Стало быть, тебе следует положиться на нас и...

– Я не собираюсь... Что ты вцепился мне в руку?!

– Дорогой Удо, мы так давно не виделись, и я просто слегка расчувствовался. Не пристало отворачиваться от старых друзей только потому, что встретил более достойных и преданных... Хорошо, если тебе так хочется забыть старую дружбу, тогда конечно... Но когда я женюсь, в моем сердце всегда останется место для...

– Хочу, чтобы ты понял раз и навсегда, – злобно прошипел Удо, – я вовсе не женюсь. Нет, оставь в покое мою руку – мы можем говорить и так.

– Прости, Удо, – сказал Лионель очень мягко, – кажется, произошла ошибка. Но согласись, мы застали тебя при весьма компрометирующих обстоятельствах.

– Ничего компрометирующего в них не было, – с негодованием возразил Удо. – Я просто рассказывал ей о драконе, которого убил в прошлом году.

– Вот я и говорю... Кто же станет слушать столь безнадежную историю, кроме женщины, на которой собираются жениться?

– Еще раз повторяю: у меня и в мыслях нет на ней жениться.

– Что ж, ты волен поступать, как считаешь нужным. Но ты жестоко скомпрометировал ее этой своей историей. Бедная невинная девушка! Ладно, забудем об этом. А теперь скажи мне, как тебе понравилось в Евралии?

– Я сегодня же возвращаюсь в Арабию.

– Возможно, ты прав. Надеюсь, с тобой ничего не случится по пути...

Удо, который уже собирался войти во дворец, шагнул назад и настороженно взглянул на Лионеля.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если ты помнишь, по дороге сюда с тобой что-то случилось... Кстати, что же произошло? Ты ведь мне ничего не рассказал.

– Это все ваша драгоценная графиня, на которой вы собираетесь меня женить.

– Неужели? Как это дурно с ее стороны! Да, такого человека лучше не раздражать. – Он немного помолчал, а потом задумчиво добавил: – Между прочим, мне кажется, кто угодно рассердится, если думает, что выходит замуж за человека, которого очень любит, а потом вдруг оказывается, что не выходит...

Тут уж Удо понял, в какой переплет он попал. Но сделал вид, что ничуть не испугался.

– Она не сможет ничего сделать. В прошлый раз ей это удалось только благодаря случаю.

– Да, но случай может подвернуться снова. Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Она очень умна, и никто не может чувствовать себя в безопасности, имея такого врага. Прелестные цветы, не правда ли? Как они называются?

Удо в растерянности опустил на скамью. Было над чем подумать. Графиня... а в конце концов, чем она плоха? И она явно его обожает. Ну, это-то, конечно, неудивительно. Вопрос в том, благород-

но ли разочаровывать кого-либо, у кого, возможно, были некоторые основания... Вообще-то он проявил не больше галантности, нежели приличествует принцу и джентльмену по отношению к красивой женщине. Если она неверно оценила его намерения, сама виновата. Конечно, ему не следовало так задерживаться в Евралии, но она решительно очень красива, и, может быть, он слишком... И он на самом деле слегка пренебрегал принцессой. И опять-таки, почему бы и не жениться на графине? Глупо, конечно, обращать внимание на всю эту чепуху, которую наговорил Лионель, но кто знает... Не то чтобы он решил жениться из страха. Нет, конечно, нет. Это просто рыцарский жест. Бедная женщина наверняка будет сильно огорчена, и чувство долга повелевает ему избавить ее от страданий.

– Я вижу, она обожает цветы, – сказал Лионель. – Тебе надо будет привести в порядок дворцовый сад.

– Вот что, Лионель, пойми, пожалуйста, я вовсе не боюсь графини.

– Дорогой Удо, что за речи для влюбленного! Конечно, не боишься. В конце концов, то, что ты перенес однажды с таким терпением и достоинством, в следующий раз покажется просто пустяковым делом.

– Мне крайне неприятна эта тема. Прошу тебя, прекрати! Если я женюсь на графине...

– Ты будешь счастливым человеком. Я случайно узнал, что король Евралии... однако, как видишь, она предпочла тебя. Лично мне не понятно, что такого она в тебе нашла...

– Ну, мне это представляется вполне очевидным, – с важностью изрек Удо. – Ты знаешь, Лионель, я думаю, что, может быть, ты прав и долг повелевает мне на ней жениться.

Лионель торжественно пожал ему руку.

– Я от души поздравляю Ваше Королевское Высочество. Сейчас же сообщу о вашем решении принцессе. Она очень позаба... обрадуется.

И он вошел во дворец.

О вы, влюбленные, пожалейте его – он не видел Гиацинту уже целых десять минут.

хочу начать эту главу цитатой из известной эпической поэмы Шарлотты Гулигулинг, посвященной бародо-евралийской войне:

«Король Евралии закончил свой поход,
Победой славной осчастливив весь народ.
Вот первый взвод солдат уже виднеется вдали,
Они все шли, и шли, и шли, и шли, и шли...»

Сразу представляешь себе, какой долгий путь проделала армия короля Евралии. Насколько мне известно, это единственное дошедшее до нас произведение Шарлотты, но оно принесло ей заслуженную славу. Графиня Бельвейн, которая имела полное право судить о поэзии, была чрезвычайно высокого мнения о ее гении.

Если быть точным, из 5000 человек, отправившихся в поход, вернулось лишь 4999. Генри Маленос, лучник с большим будущим, остался на терри-

тории противника. Единственная потеря в этой необыкновенной войне. В самом начале ее во время одной из разведывательных операций, когда Генри, распластавшись, ползал по мокрой траве в поисках следов, его обнаружил Главный Оружейник Бародии. Главный Оружейник, очень добрый человек, пригласил Генри к себе, обсушил, напоил согревающим питьем и сказал, что если он по долгу службы вновь окажется где-нибудь поблизости, то пусть без церемоний заходит к ужину. Генри, перехватив взгляд старшей дочери Оружейника, без ложной скромности воспользовался приглашением и потом частенько заходил на огонек. Позже, когда война закончилась, он понял, что никак не может расстаться с этим гостеприимным домом. Поэтому с соизволения короля Евралии он остался в Бародии, а с соизволения Главного Оружей-

ника Бародии зажил мирной жизнью женатого человека.

Когда наконец вддали показались башни замка, Веселунг радостно вздохнул. Снова дома! Невзгоды войны остались позади, плоды победы (завернутые в пергаментную бумагу) лежали у него в кармане, впереди были дни почетного отдыха. Он с умилением узнавал приметы своей милой родины, и сердце его было переполнено благодарностью. Никогда больше он не покинет Евралии!

Снова увидеть Гиацинту! Бедная девочка осталась совсем одна, но нет, с ней была графиня, женщина с большим опытом, она помогала ей. Бельвейн! Осмелится ли он? Думала ли она о нем? Гиацинта взрослеет и скоро выйдет замуж. Его ждет одиночество, если не... Стоит ли рискнуть? Что скажет Гиацинта?

Гиацинта ждала его у ворот замка. Она хотела, чтобы Лионель встречал короля вместе с ней, но он отказался.

– Новости надо сообщать постепенно, – сказал он. – Когда человек возвращается домой после успешной кампании, вряд ли ему будет приятно, если на него обрушится все разом. Ведь мы даже не знаем, почему закончилась война – он, наверное, мечтает тебе об этом рассказать. И не только об этом. А вот потом, когда он спросит: «Ну, что тут у вас делалось без меня? Надеюсь, ничего особенного», – тогда ты скажешь...

...ЛИОНЕЛЬ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

– Да, тогда я скажу: «Ничего особенного, только Лионель. И какой замечательный!»

– Ну, у него на этот счет может быть другое мнение. Я пока побуду где-нибудь поблизости. Погуляю в лесу. Или могу остаться в саду графини и поразвлечься с Удо. В любом случае даю вам час.

Внушительная кавалькада приближалась к замку. Дамы размахивали платочками, дудели трубы, лаяли гончие. Гиацинта, одетая в голубое с золотом, сбежала по ступеням и бросилась в отцовские объятия.

– Мое дорогое дитя, – твердил Веселунг, ласково поглаживая ее по спине. – Ну-ну, успокойся же. Твой старый отец снова с тобой. – Он успокаивал ее, как будто это она, а не он сам вот-вот зарыдает. – Моя маленькая Гиацинта! Милая дочь!

– О, отец, я так рада, что ты вернулся!

– Я тоже, дитя мое. Теперь я должен обратиться к народу, а потом мы расскажем друг другу все, что с нами произошло за это время.

Веселунг выступил вперед на один шаг и произнес речь:

– Народ Евралии! (Приветственные крики.) Мы вернулись из долгого и опасного похода (Овации.) в объятия (Бурные овации.) наших матерей, жен и дочерей. (Продолжительные овации.) В честь нашей великой победы объявляю завтрашний день государственным праздником Евралии. (Бурные овации.) Теперь разрешаю вам разойтись по домам и надеюсь, что каждого из вас ждет такой

же теплый прием, какой ожидает меня в моем миллом доме.

Тут он повернулся и снова заключил дочь в объятия, и если взгляд его скользнул над ее головой в направлении сада графини, то это не так уж важно и в этом, без сомнения, виновата планировка замка.

Последовала буря приветственных возгласов. Разом пять тысяч глоток проревели военный клич Евралии «Хо, хо, Веселунг!», и люди радостно разбежались по домам. Веселунг с Гиацинтой вошли во дворец.

– Теперь, отец, – сказала Гиацинта после того, как король переоделся и подкрепился, – ты должен мне все подробно рассказать. Даже не верится, что все кончилось.

– Да-да, – ответил Веселунг, – все кончилось. Я думаю, я даже уверен, что с этой стороны нам больше ничего не угрожает.

– Скажи, король Бародии принес извинения?

– Он сделал больше: он отрекся.

– Почему?

– Потому что... – Веселунг вовремя спохватился. – Ну, потому что я собственноручно нанес ему смертельный удар.

– О, отец, как это жестоко!

– Не думаю, что он сильно пострадал, дорогая. Скорее это был удар по его чувствам. Смотри-ка, что я тебе привез.

Он вынул из кармана маленький сверток.

...ЛИОНЕЛЬ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

– О, как интересно! Что это?

Король развернул пергаментную бумагу и извлек пару рыжих бакенбард, аккуратно перевязанных голубой шелковой ленточкой.

– Отец!

Он взял одну из них и предъявил Гиацинте.

– Смотри, вот в это место угодила стрела Генри Малоноса. Между прочим, – добавил он, – Генри женился и остался в Бародии. Удивительно, как после войны мысли человека принимают matrimониальное направление. – Он выжидательно помолчал и покосился на дочь, но она все еще была поглощена бакенбардами.

– Что мне с ними теперь делать? Не могу же я посадить их в саду.

– Думаю, их можно прикрепить к флагштоку, как мы это сделали в Бародии.

– Мне кажется, это будет не очень-то благородным жестом теперь, когда бедняга умер.

Веселунг оглянулся, чтобы удостовериться, что в зале нет лишних ушей.

– Ты умеешь хранить тайны? – спросил он многозначительно.

– Конечно, – сказала Гиацинта, сразу же решив, что она поделится секретом только с Лионелем.

– Тогда слушай.

Он рассказал ей о тайной вылазке в неприятельский лагерь в палатку короля Бародии, о письме короля Бародии. Он рассказал все, что

он говорил и делал и что делали и говорили все остальные, и его удовольствие было столь явно и столь невинно, что даже посторонний проникся бы к нему искренней симпатией.

А Гиацинте он казался самым милым из отцов и самым замечательным из королей.

Но мало-помалу дошла очередь и до того, о чем говорил Лионель.

– А теперь, – попросил Веселунг, – расскажи, что вы все тут поделывали без меня.

Он ждал, гадая, понимает ли Гиацинта, что «все» означает в основном графиню.

Гиацинта подвинула кресло и села рядом с ним.

– Отец, – сказала она, погладив его по руке, – у меня действительно есть новости.

– Ничего о гра... ничего серьезного, я надеюсь? – с тревогой проговорил Веселунг.

– Это довольно серьезно, но довольно мило. Отец, дорогой, ты не возражаешь, если я выйду замуж?

– Девочка моя, как же я могу возражать? Дайка подумать, ведь недавно ко мне обращались не то шесть, не то семь принцев. Я послал их совершать разные подвиги. Но, пожалуйста, они уже должны были бы вернуться. Тебе о них ничего не известно?

– Нет, отец, ничего. – Гиацинта едва заметно улыбнулась.

– Ну, значит, им не повезло. Ничего страшного, дорогая, мы с легкостью раздобудем новых пре-

...ЛИОНЕЛЬ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

тендентов. На самом деле я совсем недавно об этом думал. Надо устроить небольшое состязание и сообщить о нем в соседние страны. Недостатка в кандидатах не будет. Интересно, этот семиголовый бык... Он, правда, староват, но на последнего принца его хватило. Мы могли бы...

– Мне не нужны никакие претенденты, – мягко возразила Гиацинта. – Один уже есть.

– Моя дорогая, вот это действительно сюрприз! Расскажи все по порядку. Какой подвиг он совершил?

Гиацинта знала, что без этого вопроса не обойдется. В наше время ее бы спросили: «Какой у него годовой доход?» Должен же мужчина как-то показать, чего он стоит.

– Пока никакого. Он только что приехал. Он был так добр ко мне, и я уверена, что тебе он тоже очень понравится.

– Хорошо, хорошо, мы для него что-нибудь придумаем. Может, все-таки этот семиголовый бык... Между прочим, кто он такой?

– Он приехал из Арабии, и его зовут...

– Удо, конечно.

– Отец, но это не Удо, это Лионель.

– Лионель? Кто бы это мог быть? – с сомнением проговорил Веселунг.

– Он... он... Отец, вот он! – Гиацинта подбежала к дверям. – О, Лионель, ты как раз вовремя. Расскажи, пожалуйста, моему отцу, кто ты такой.

Лионель низко склонился перед королем.

– Прежде чем я вам все объясню, Ваше Величество, позвольте от всего сердца поздравить вас с вашей славной победой над Бародией. Из того немногого, что мне удалось узнать, я уже понял, что это самая замечательная из всех самых замечательных побед. Но, конечно, я был бы счастлив услышать все подробности из уст самого победителя. Правда ли, что вы, Ваше Величество, под покровом ночи проникли в палатку короля Бародии, вызвали его на смертный бой и сразили?

В глазах юноши король увидел располагающую серьезность, и сразу становилось понятно, что он от души завидует такому славному приключению.

Веселунг находился в довольно затруднительном положении. Конечно, он мог бы выслать дочь из комнаты, сказав: «Оставь нас, дитя мое. Это мужское дело». Но Гиацинта сразу все поймет и потом наверняка сообщит этому Лионелю правду.

Получалось, что ничего другого не остается, как посвятить молодого человека в тайну. Для начала Веселунг громко откашлялся.

– Мы специально распустили этот слух. По причинам государственной важности, – торжественно объявил он.

– Простите, Ваше Величество, я вовсе не имею намерения...

– Но раз уж я сказал так много, то придется рассказать и все остальное. Это произошло так... –

...ЛИОНЕЛЬ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

И он еще раз поведал о своем ночном подвиге и о письме короля Бародии.

– Но, Ваше Величество, – воскликнул Лионель, – это же в сто раз интереснее! Я в жизни не слышал о столь остроумном замысле и столь блестящем его осуществлении.

– Значит, вам понравилось? – спросил Веселунг со всей доступной ему скромностью.

– Я просто в восторге!

– Я так и знала, что ему понравится, – вставила Гиацинта. – Лионель просто обожает подобные приключения. Теперь расскажи ему, как ты сражался один на один с королем Бародии, и как ты притворился свинопасом, и как...

Разве он мог отказаться? Спустя некоторое время Гиацинта и Лионель сидели на полу у его ног, а он снова захлеб расписывал свои подвиги.

– Ну, это еще ерунда, – сказал он, закончив великую повесть и получив очередную порцию заслуженного восхищения. – В военное время и не такое случается... – Он обратился к Лионелю: – Насколько я понимаю, вы хотите жениться на моей дочери?

– Разве это удивительно, Ваше Величество?

– Нет, конечно, совсем не удивительно. А она, кажется, хочет выйти за вас замуж?

– Да, отец, очень хочу!

– Вот это, – заметил Лионель, – гораздо более удивительно.

Веселунг, однако, так не думал. Ему нравились открытое лицо молодого человека, его манера дер-

жаться, его взгляд. Но больше всего ему нравилось, что тот способен по достоинству оценить хорошую историю.

– Конечно, вам придется заслужить эту честь.

– Я готов на все, Ваше Величество. Только не просите меня, – добавил Лионель с обезоруживающей улыбкой, – добыть бакенбарды короля Бародии. Есть лишь один человек, которому под силу такое.

Действительно, замечательный юноша!

– Для вас тоже что-нибудь найдется, – сказал Веселунг с весьма довольным видом. – Может быть, ваш принц Удо захочет принять участие в состязании, и тогда...

Гиацинта и Лионель обменялись улыбками.

– Увы, отец, мои прелести не в силах увлечь Его Высочество.

– Подожди, пока он тебя увидит, – усмехнувшись, возразил король.

– Он уже видел меня, отец.

– Как? Ты пригласила его в Евралию? Я не понимаю: он был здесь, видел тебя и не...

– Принц, – вмешался Лионель, – одарил своим вниманием другую.

– Ага, значит, это секрет... Интересно, смогу ли я угадать?.. Как насчет принцессы Эльвиры из Трегонга? Мне известно, что ее отец неоднократно делал кое-какие шаги в этом направлении.

Гиацинта оглянулась на Лионеля, ища у него поддержки. Он сделал шаг вперед и встал рядом.

...ЛИОНЕЛЬ МОЖЕТ ОЦЕНИТЬ ХОРОШУЮ ИСТОРИЮ

– Нет, это не принцесса Эльвира. – Гиацинта уже сильно волновалась.

Король добродушно рассмеялся.

– Тогда сдаюсь.

Гиацинта незаметно протянула руку, и Лионель ободряюще пожал ее.

– Его Высочество принц Удо, – решила она наконец. – собирается жениться на графине Бельвейн.

Бельвейн оказалось в распоряжении двадцать четыре часа, чтобы обдумать случившееся.

Конечно, графиня обладала некоторыми недостатками, но на отсутствие чувства юмора пожаловаться не могла и поэтому невольно улыбалась, вспоминая недавнюю сцену в саду. И как бы ни сожалела о своей неожиданной помолвке, она была совершенно уверена, что Удо жалеет о ней еще больше. Если дать ему хоть малейшую возможность, он с радостью пойдет на попятный. Тогда почему бы не предоставить ему такую возможность? «Милый принц Удо, умоляю вас о прощении, но я ошиблась в истинности своих чувств» – произнесенное, разумеется, со склоненной головой и краской девичьего стыда на щеках... Удо поспешно удаляется, а его место занимает король Веселунг. Это совсем несложно.

Да, но тогда получится, что Гиацинта одержала верх. Гиацинта навязала ей эту помолвку, и даже если она продлится всего лишь сутки, принцесса все это время будет торжествовать победу. Но если сделать вид, что она очень рада случившемуся, и довести до сведения врагов, что только этого она и хотела всю свою жизнь, тогда их победа сама собою обращается в поражение.

Значит, придется выйти замуж за Удо как бы по собственной воле. Но цена, пожалуй, слишком высока. Он уже ей страшно надоел, и к тому же она имела твердое намерение выйти замуж вовсе не за принца Удо, а за короля Веселунга.

Все понятно: сделать вид, что выходит замуж за Удо, чтобы Веселунг испытал муки ревности, тогда он станет соперничать с Удо и на коленях умолять ее расторгнуть помолвку. Затем убрать Удо, который уже сыграет свою роль. Это единственно правильный образ действий.

Графиня отнюдь не сразу пришла к столь блистательному решению. Предварительно она сочинила «Оду к Отчаянию», «Элегию к Несчастной Женщине» и «Триолет к Коварному Герцогу». Она также с полной серьезностью воображала, как будет жить в маленьком домике в лесной глуши, носить печальное серое платье и общаться лишь с птицами и деревьями – жизнь изгнанницы вдали от мирской суеты, в которую нет доступа ни одному мужчине. В этой картине, несомненно, было немало привлекательных сторон, но потом она пришла к выводу, что серый ей совсем не к лицу.

Она спустилась в сад и послала за принцем Удо. Примерно в тот самый миг, когда на Веселунга обрушился сокрушительный удар, Удо клялся на солнечных часах, что он обожает лишь одну Бельвейн и с нетерпением ожидает того часа, когда она сделает его самым счастливым из смертных. Намеки Лионеля, по-видимому, произвели на него сильное впечатление.

– На графине Бельвейн!!! – вскричал Веселунг. – Какой-то принц Удо собирается жениться на графине Бельвейн! – Он сверлил взглядом Гиацинту и Лионеля, как будто это они были во всем виноваты (что на самом деле являлось чистой правдой). – Почему ты не сообщила мне об этом раньше?

– Но помолвка только что была объявлена, отец.

– Кем объявлена?

Они переглянулись.

– Принцем Удо, – напряженно сказал Лионель.

– Это просто неслыханно! Я этого не потерплю.

– Но, отец, тебе не кажется, что из графини получится неплохая королева?

– Из нее выйдет прекрасная коро... Это не имеет никакого отношения к делу. Месяц за месяцем я несу непосильное бремя, воюя в чужой стране. После ужасающих сцен насилия и жестокости я возвращаюсь домой, чтобы насладиться плодами победы. И не успеваю переступить порог собственного дома, как на меня обрушивается все это.

– Что «все это»? – невинно спросила Гиацинта.
– Все это, – негодуяще ответил король, обводя рукой все вокруг. – Это никуда не годится. Я этого не потерплю. Имей в виду, Гиацинта, я этого не потерплю!

– Но, отец, что же я могу сделать?

Веселунг не обратил на слова своей дочери ни малейшего внимания.

– Я возвращаюсь домой, – продолжал он, распляясь все больше и больше, – увенчанный лаврами победы. В место, которое считал своим родным мирным домом. И что меня ожидает? Кто-то собирается жениться на ком-то здесь, и кто-то собирается жениться на ком-то там; ни одного имени невозможно упомянуть, чтобы тут же не услышать, что он собирается жениться или еще какой-либо подобной чепухи. Я совершенно всем этим расстроен. Я в гневе!

– Ах, отец, – умоляюще заговорила Гиацинта, – почему бы тебе не найти графиню и не поговорить с ней самому?

– Подумать только, что все это время я с таким нетерпением ожидал возвращения, и вот чего я в конце концов дождался!

– Отец! – воскликнула Гиацинта, бросаясь к нему с протянутыми руками.

– Позвольте мне послать за Ее Светлостью, – начал Лионель, – может быть, она...

– Нет-нет, – ответил Веселунг, отстраняя их взмахом руки. – Я очень недоволен вами обоими. Я и сам о себе позабочусь.

Он вышел и гневно хлопнул дверью.

Гиацинта и Лионель растерянно уставились друг на друга.

– Дорогая моя, – сказал Лионель, – ты говорила, что он от нее без ума, но не говорила, что настолько.

– Но я сама не знала. Лионель, что делать? О, теперь я хочу, чтобы он на ней женился. Он совершенно прав: из нее выйдет прекрасная королева. Милый, я хочу, чтобы все были так же счастливы, как будем счастливы мы.

– Так у них не получится, но мы постараемся сделать все, что в наших силах. Удо я беру на себя. Стоит ему услышать «кролик», и он сделает что угодно. Гиацинта, мне кажется, что в этой комнате мы еще ни разу не целовались. Давай немедленно попробуем.

Вторую парочку Веселунг обнаружил в саду. Они сидели рядышком на скамье, и Удо ворковал, что он ее маленький Удо-Вудо и что они никогда не должны разлучаться. Король прикрыл глаза ладонью, будучи не в силах вынести подобного зрелища.

– О, это Его Величество, – сказала Бельвейн, вскочив со скамейки.

Она низко присела перед Его Величеством, увенчав свой реверанс обольстительной улыбкой и предоставив ему самому судить о том, была эта улыбка формальностью или чем-то большим.

– Позвольте представить Вашему Величеству наследного принца Арабии Удо. – Она застенчиво взглянула на Веселунга. – Наверное, вы уже знаете...

Веселунг мрачно ответил:

– Слышал. Как поживаете? – рассеянно обратился он к наследному принцу.

Удо объявил, что в настоящий момент здоровье его оставляет желать лучшего, и уже собирался углубиться в подробности этого предмета, но Веселунг его прервал:

– Графиня, мне эти новости кажутся по меньшей мере странными. Не позволите ли присесть... конечно, если я вам не помешаю.

– Ваше Величество, вы окажете нам большую честь. Удо, дорогой, ты видел цапель на пруду?

– Да, – ответил Удо.

– В это время дня они просто прелестны...

– Да, – снова сказал Удо.

Графиня слегка пожала плечами и повернулась к королю.

– Я мечтаю услышать о ваших подвигах, Ваше Величество. – Она немного понизила голос: – Я получала все ваши приветы. С вашей стороны было очень мило изредка обо мне вспоминать.

– Да. – Веселунг взглянул на нее глазами, полными укора. – Но что я вижу, возвратившись? Я вижу... – Он запнулся и движением бровей показал, что присутствие Удо лишает его дара красноречия.

– Удо, дорогой, а ты когда-нибудь бывал на псарне Его Величества?

– Да, – сказал Удо.

– В это время года она просто прелестна, – заметил Веселунг.

– Правда? – сказал Удо.

– Но я жажду услышать, – начала снова графиня, – как вы победили короля Бародии. Не обошлось ли тут дело без вашего заклинания?

– Неужели вы его помните?

– О, Ваше Величество, помню ли я... Бо, бо, бил... Удо, дорогой, ты не хочешь взглянуть на Оружейный зал?

– Нет, – сказал Удо.

– Там много новых вещей, которые я привез из Бародии, – с надеждой проговорил Веселунг.

– Масса новых вещей, – объяснила графиня.

– Позже, – решительно сопротивлялся Удо. – Мне кажется, они будут гораздо лучше смотреться при вечернем освещении.

– Тогда покажите их мне, Ваше Величество. Удо, дорогой, ты можешь подождать меня здесь.

Они вдвоем чинно двинулись по дорожке (Удо от удивления остался на месте), но как только зашли за куст жимолости, на цыпочках пробрались по газону к другой садовой скамье. Причем графиня шла впереди, приложив палец к губам, а король следовал за ней с необыкновенной осторожностью, которую даже разведчик Генри Малонос счел бы чрезмерной.

Когда они наконец уселись, король сказал:

– Этот молодой человек... он немного туго сообщает, вам не кажется? То есть, я хочу сказать, он не понимает, когда...

– Он так ко мне привязан, Ваше Величество. – По ее лицу скользнула ласковая улыбка. – Даже минутная разлука со мной для него невыносима.

– О, Бельвейн, как это все печально... Месяц за месяцем я тружусь и сражаюсь, размышляю и строю планы, а потом... Помните, как мы все были счастливы перед войной?

Графиня вспомнила, как однажды они еще раз были все счастливы – и она, и принцесса, и Вигтз – и как приезд Удо грозил разрушить их счастье. Вообще Удо, как ни посмотри, никому не принес ничего, кроме неприятностей. Но пока еще было слишком рано от него избавляться.

– А разве сейчас мы все не счастливы? – удивилась она. – Ее Высочество со своим юным герцогом... а у меня есть милый Удо, а у вас, Ваше Величество... Первый Советник и... все остальные подданные Вашего Величества.

Его Величество глубоко вздохнул:

– Я очень одинок, Бельвейн. Когда Гиацинта выйдет замуж, у меня совсем никого не останется.

Бельвейн решила рискнуть.

– Думаю, Вашему Величеству следует жениться, – почти пропела она.

Веселунг выразил своим взглядом все невыразимое. И открыл рот, чтобы попытаться выразить хотя бы часть из этого, когда...

– Только не при Удо, – выразительно прошептала графиня.

Веселунг как ужаленный вскочил со скамьи и, скривившись, смотрел на принца, который стремительно приближался по газону.

– Ну и ну! – возмущенно сказал он. – Ну и местечко! Человеку даже негде... А-а, Ваше Высочество... Так вы уже осмотрели наш Оружейный зал? То есть, я хотел сказать, осмотрели ли мы наш оружейный зал? – поправился он, поймав укоризненный взгляд графини. Да, мы осмотрели. Ее Светлости очень понравилось.

– Не сомневаюсь, Ваше Величество. – Удо обернулся к Бельвейн: – Как только мы приедем домой, дорогая, я сразу же покажу вам наш Оружейный зал.

Графиня быстро взглянула на короля и, убедившись, что он на нее смотрит, очень нежно погладила принца по руке.

– Домой... – повторила она мечтательно. – Как это прекрасно!

Король передернулся, словно от внезапной боли, и быстро зашагал прочь.

– Вы посылали за мной, Ваше Величество? – спросил Лионель, появляясь в дверях.

Король перестал расхаживать по библиотеке.

– Да-да, – проговорил он торопливо. – Садитесь вот сюда и устраивайтесь поудобнее. Я хочу поговорить с вами насчет этого брака.

– Которого именно, Ваше Величество?

– Которого? Разумеется, вашего. То есть Бельвейн... или скорее... В общем – обоих.

Лионель кивнул.

– Вы хотите жениться на моей дочери. Так вот, как вам хорошо известно, по обычаю, человек, ко-

тому я отдаю в жены дочь, получает в придачу полкоролевства. Естественно, прежде чем пойти на такой шаг, я хотел бы быть уверенным в том, что этот человек... Ну, словом, вы понимаете...

– Что он достоин принцессы Гиацинты, – закончил за него Лионель и с улыбкой прибавил: – Хотя это, конечно, невозможно.

– И половины королевства, – подчеркнул Веселунг. – То, что он должен доказать это на деле, также соответствует традиции.

– Приказывайте, Ваше Величество.

– Я в вас уверен.

Король придвинул свой стул поближе к Лионелю, уселся на него и обхватил колени руками.

– При обычных обстоятельствах, – начал он, – я предложил бы вам что-нибудь вроде дракона или тому подобного. Это бывает очень полезно, потому что мысль о предстоящем испытании часто помогает претенденту понять, пока еще не поздно, что чув-

ства, принимаемые им за истинную любовь, на деле всего лишь легкое увлечение. Однако я чувствую, что в вашем случае в таком испытании нет необходимости.

Лионель с признательностью склонил голову.

– Благодарю вас, Ваше Величество.

– В доблести вашей я не сомневаюсь. Мне требуется доказательство мудрости. В наши дни, как мне кажется, мудрость больше всех других качеств необходима правителю. Прекрасным примером, – небрежно вставил он, – может послужить недавно закончившаяся война с Бародией, ход которой решила одна-единственная идея...

– Поистине гениальная идея, Ваше Величество.

– Хорошо, хорошо, – остановил его польщенный Веселунг. – Так уж получилось... Но именно это я и имею в виду, когда говорю, что тонкий ум может оказаться куда более надежным оружием, чем храбрость. Чтобы завоевать руку моей дочери и полкоролевства, вам придется проявить почти сверхъестественный ум.

Он сделал паузу, в течение которой Лионель изо всех сил постарался придать выражение сверхъестественного коварства своему честному и открытому лицу.

– Вы получите и то и другое, – торжественно произнес Веселунг, – если вам удастся убедить принца Удо... вернуться в Арабию... одному!

Лионель, ожидавший самого худшего, даже задохнулся. Это было так просто, что казалось не-

ловким принимать предложение. Чтобы убедить Удо сделать то, к чему он сам всей душой стремился, не требовалось ничего сверхъестественного. В какое-то мгновение он чуть было не поддался желанию так и объявить королю, но сдержался. В конце концов, если ему так хочется, пусть так и будет.

Веселунг, человек по природе простодушный, неверно расценил его колебания.

– Я понимаю, – заговорил он сочувственно и несколько виновато, – что поставил перед вами почти неразрешимую задачу и вы, конечно, обескуражены. Это неудивительно. Вы знаете Его Высочество лучше, чем я, но даже краткого знакомства с ним мне было достаточно, чтобы убедиться, что он упорно отказывается понимать... ээ... намеки. Человек, который сумеет донести до него с должной долей такта и настойчивости, что Арабия нуждается в его немедленном присутствии – одного его, – должен обладать поистине змеиной мудростью.

Человек, обладающий змеиной мудростью, сказал:

– Ничего не остается, как попытаться.

Король радостно вскочил и тепло пожал ему руку.

– Думаете, получится? – спросил он с надеждой.

– Если Его Высочество принц Удо завтра же не отправится в Арабию...

- Один, – быстро вставил Веселунг.
- Один? Значит, я не справился с заданием и недостоин руки вашей дочери!
- Дорогая, – сказал король Гиацинте, когда она пришла пожелать ему доброй ночи, – похоже, ты собираешься выйти замуж за очень умного человека.
- Конечно, отец. Я-то это давно знаю.
- Надеюсь, ты будешь с ним так же счастлива, как я буду счастлив с... как я был счастлив с твоей матерью.
- «Хотя я решительно не понимаю, на что он надеется», – подумал он про себя.

Король Восточной Евралии Веселунг завтракал на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вас есть тетушка... Но не стоит повторяться.

Король Западной Евралии Лионель завтракал на башне своего замка. Он поднял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вашего тестя есть тетушка...

Наследный принц Арабии Удо завтракал... Но нет, я не могу больше описывать, как Удо принимает пищу. В этой книге и так было более чем достаточно еды и питья. На самом деле, было достаточно всего, и настало время прощаться.

Давайте сначала попрощаемся с принцем. Его отъезд из Евралии был крайне скоропалительным. Пятиминутного разговора с Лионелем оказалось

достаточно – принц охотно позволил убедить себя в том, что он неверно оценил чувства графини, и с радостью принял сообщение, что может покинуть Евралию без всякого риска.

– Вы непременно должны навестить нас снова, – на прощание сказал ему Веселунг.

– Да, я буду очень рада, – сказала Гиацинта.

Есть два способа говорить подобные вещи, и они выбрали второй, как и Удо, отвечавший, что будет в восторге.

Ровно неделю спустя состоялась знаменитая двойная свадьба. Роджер Кривоног посвятил целую главу описанию того, как король Веселунг произносил речи, а королева Бельвейн одаривала народ. На этот раз мы с Роджером сошлись во мнениях относительно Бельвейн: добродетели, в которых историк отказывал графине, он охотно приписал королеве.

Гиацинта тоже не смогла устоять перед ее обаянием. Бельвейн, верхом на своем иноходце, с радостным взором и розами на щеках, с полуоткрытыми от усердия губами, пригоршнями бросающая золото и серебро в толпу, отдающую себе отчет в ее ребячливости и все же полную искреннего восхищения, – в этот день Бельвейн покорила все сердца.

– Все-таки она прелесть, – сказала Гиацинта Лионелю. – Лучшей королевы и желать нельзя.

– Я знаю одну королеву, – ответил Лионель, – которая лучше в сто раз.

– Но ты ею восхищаешься, правда?

– Не особенно.

– О, Лионель, ты должен... – возразила Гиацинта, но почувствовала себя очень счастливой.

На следующий день они отбыли в свое королевство. Советник провел очень напряженную неделю и каждый вечер вел таинственные беседы с женой, но теперь его работа была завершена, и отныне король Веселунг правил Восточной Евралией, а король Лионель – Западной.

Прежде чем перейти к последней сцене, давайте заглянем в знаменитый Дневник.

И вот что мы там видим:

«Четверг, пятнадцатое сентября. Стала хорошей».

А теперь последняя сцена.

Король Веселунг сидел в саду королевы Бельвейн. Все утро они просматривали совместный сборник поэзии, готовый к изданию.

Сборник открывался произведением, принадлежащим перу Веселунга:

«Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол».

Примечание авторов гласило, что читать сборник можно с любого конца. Оставшаяся часть книги была посвящена творчеству графини Бельвейн, а участие короля заключалось главным образом в «Превосходно!» и «Мне очень нравится». Однако в сборник каким-то загадочным образом затесалась эпическая поэма, обычно приписываемая Шарлотте Гулигулинг.

– Некий субъект просит аудиенции у Вашего Величества, – объявил внезапно появившийся лирейный лакей.

– Какой субъект? – спросил Веселунг.

– Некий, Ваше Величество.

– Прими его здесь, дорогой, – сказала Бельвейн. – У меня есть дела во дворце.

Она ушла, а через некоторое время лакей привел незнакомца. Это был человек приятной наружности, с круглым, чисто выбритым лицом, имеющий, судя по одежде, некоторое отношение к сельскому хозяйству.

– Что вам угодно? – спросил его Веселунг.

– Я хотел бы поступить на службу к Вашему Величеству. Свинопасом, – ответил незнакомец.

– А что вы знаете о свиноводстве?

– У меня есть природная склонность к этому делу, хотя я никогда еще им по-настоящему не занимался.

– Со мной в точности то же самое. Ну да ладно, посмотрим. Как бы вы стали...

Незнакомец достал из кармана огромный красный носовой платок и вытер лоб.

– Вы собираетесь задавать мне вопросы, Ваше Величество?

– Да, естественно, я...

– Умоляю вас не делать этого. Заклинаю вас всем, что вам дорого, не мучайте меня. – Он собрался с духом и, ударив себя кулаком в грудь, заявил: – У меня есть природное чутье – этого достаточно.

Веселунгу этот человек начал нравиться. Сам он тоже считал, что этого достаточно.

– Однажды у меня завязался профессиональный разговор с одним свинопасом, – задумчиво проговорил он, – и мы выяснили, что у нас много общего.

– Именно таким же образом, – сказал незнакомец, – и мне открылось мое призвание.

– Как странно. Знаете, а ведь ваше лицо кажется мне немного знакомым.

Незнакомец решил открыться.

– Этим лицом я обязан вам, Ваше Величество, – просто ответил он.

Веселунг в недоумении поднял брови.

– Короче говоря, – пояснил незнакомец, – я – бывший король Бародии.

Веселунг схватил его за руку.

– Мой дорогой друг! Конечно, это вы. Теперь я вас узнал. Боже мой, какие волнующие воспоминания... И, если можно так выразиться, какие явно благотворные перемены в вашем облике. Очень рад вас видеть. Вы обязательно должны мне все-все рассказать. Но сначала нам необходимо слегка подкрепиться.

При слове «подкрепиться» бывший король совсем раскис, и если бы не воркотня и утешения Веселунга, и дружеское похлопывание по плечу, и, наконец, плотный завтрак, он бы наверняка прослезился.

– Дорогой друг, – сказал он, в последний раз вытерев рот, – вы меня просто спасли. А теперь позвольте поведать вам мою печальную историю.

Он рассказал о своем великом решении, принятом в то памятное утро, когда он проснулся без ба-

кенбард. Как король, он стал никуда не годен, да и сам мечтал начать новую жизнь.

– У меня есть природный дар – инстинктивное чувство, и, что бы там они ни говорили, а они наговорили много ужасных вещей, я в нем уверен. Знаете ли, я ведь однажды это доказал – ошибки быть не могло.

– И что же?

– А они задавали мне всякие вопросы – мелкие бестактные вопросы насчет того, что свиньи едят, и тому подобного. Великие общие принципы свиноводства, то, что я осмелюсь назвать искусством водить свиней, теорию выпаса свиней в широком понимании, они полностью игнорировали. Только смеялись и пинками выпроваживали меня на улицу... голодать.

Веселунг снова сочувственно похлопал собрата по плечу и подложил ему на тарелку добавки.

– Я обошел всю Бародию, и везде было одно и то же: никто не хотел брать меня на работу. Нет ничего страшнее, дорогой Веселунг, чем постепенно терять веру в себя. Наконец я стал подозревать, что в свиньях Бародии, несомненно, есть нечто отличное от остальных свиней. И вот я пришел в Евралию. Евралия – моя последняя надежда. Если и здесь я окажусь не у дел, то даже не знаю...

Веселунг, который тоже стал кое-что подозревать, перебил его:

– Минуточку, скажите, а с каким это свинопасом вы говорили?

– Я со многими говорил, – печально ответил король Бародии. – Они все подняли меня на смех.

– Нет, самый первый. Тот, который помог обнаружить ваш талант.

– Ах, этот... Я встретил его в самом начале войны. Помните, вы как-то раз говорили, что у вашего свинопаса есть волшебный плащ-невидимка. Так вот, это он и был.

Веселунг с состраданием взглянул на него и печально покачал головой.

– Мой бедный друг, это был я.

Они уставились друг на друга, и каждый из них перебирал в уме подробности этой знаменательной встречи.

– Да, – пробормотали они наконец, – это были мы.

В памяти короля Бародии возникали ужасающие картины того, к чему привела эта встреча. Чего он только не наговорил о свиноводстве и свиньях! Что говорили ему другие, уже казалось неважным.

– Даже не свинопас! – признал он с горечью.

– Ну-ну, – проговорил Веселунг успокаивающе, – во всем можно найти положительные стороны. Вы можете вернуться на престол.

Бывший король отрицательно покачал головой.

– Это было бы недостойным выходом для человека с моим чувством чести. Нет, я останусь верен своему призванию. Все-таки за последнее время я кое-чему научился. По крайней мере я понял: то, что я знаю, нельзя считать знанием, а это уже немало.

Веселунг сердечно предложил:

– Тогда оставайтесь у меня. Мой свинопас обучит вас ремеслу, а когда он отправится на покой, вы займете его место.

– Вы это и вправду предлагаете?

– Конечно, я буду очень рад, если вы будете жить поблизости. Вечером, уложив свиней спать, вы сможете навещать нас, и мы очень мило поболтаем.

– Благослови вас Бог, Ваше Величество, – сказал новоиспеченный ученик свинопаса со слезами благодарности на глазах. – Благослови вас Бог.

Они пожали друг другу руки в знак обоюдного расположения.

– Дорогая, – сказал вечером Веселунг своей жене, – боюсь, ты сделала не самый удачный выбор. Сегодня я случайно обнаружил, что совсем не так умен, как мне казалось.

Бельвейн с любовью посмотрела ему в глаза.

– Быть умным совсем не обязательно для монарха. Или для мужа.

– А что обязательно?

– Просто быть милым, – ответила королева Бельвейн.

На этом моя история кончается. Вздыхая, я освободил письменный стол от груза семнадцати томов и перетаскивал их один за другим на специально сделанную книжную полку. Много дней они высились между мной и миром непреодолимой преградой, укрывшись за которой я уносился в те далекие времена и жил с Веселунгом, Гиацинтой и моей леди Бельвейн. Теперь

эта преграда рухнула, и в ярком свете дня, льющегося в комнату, видения тают. Когда-то, давным-давно...

И все же один образ еще не потускнел. Высокий и тонкий человек с изможденным бледным лицом, самая примечательная часть которого – длинный вопрошающий нос. Волосы пострижены и нечесаны, красновато-коричневый сюртук, кое-как застегнутый на груди, давно не чищен, из коротковатых штанин торчат худые ноги. Непрезентабельная фигура, но тем не менее я смотрю на него с большой нежностью. Ибо это Роджер Кривоног, спешащий во дворец за очередной порцией свежих новостей.

С Роджером я тоже должен проститься и делаю это не без сожаления, потому что часто бывал несправедлив к этому человеку, которому стольким обязан. Может быть, мы расстанемся не навсегда – в его семнадцати томах есть много других историй. В следующий раз я обещаю не вмешиваться и дать возможность Роджеру изложить историю по-своему. Думаю, он будет рад.

Но я не позволю ему рассказывать о Бельвейн. Прошлым летом я встречал Бельвейн (или кого-то очень на нее похожего) в загородном доме в Шропшире, и мне вовсе не хотелось бы ее огорчать. А я знаю, что Роджер не слишком хорошо к ней относится.

Рассказы

ВОСПОМИНАНИЯ
МИСС УОТЕРЛОУ

М

исс Уотерлоу лежит в кровати. Миссис Уотерлоу целует дочку и желает ей спокойной ночи:

– Храни тебя Господь, моя дорогуша-дорогая, сладкая моя девочка.

Мисс Уотерлоу загадочно улыбается в ответ.

«Сейчас я останусь одна, – думает малютка, – и смогу поразмышлять о всяких забавных вещах».

Миссис Уотерлоу не сводит глаз с дочери.

– Благодарю тебя, Господь, за то, что ты послал мне такое сокровище, – шепчет она. – Не важно, что будет со мной, но, пожалуйста, Господи, защити от невзгод ее.

Мисс Уотерлоу думает: «Вот возьму и притворюсь, что я большая, как луна, и никто не может меня поймать, такая я огромная. Здорово, правда?»

– Спокойной ночи, дорогая. Добрых снов, мое сокровище.

Мисс Уотерлоу пытается что-то вспомнить... что-то очень красивое... только это было так давно, что она забыла, с чего все началось, прежде чем успела вспомнить, чем все закончилось.

– Моя прелесть, когда ты так смотришь на меня, мне хочется плакать. О чем ты думаешь, малышка?

Мисс Уотерлоу ни о чем этого не скажет.

Впрочем, может, и миссис Уотерлоу тоже была там тогда.

– Храни тебя Господь, любимая, – шепчет мама и гасит свет.

Девочка остается одна.

Мисс Уотерлоу уже год. Это очень солидный возраст. Часто, лежа на спинке, девочка думает о тех малышах, которым еще нисколько, и смеется. Когда ей было шесть месяцев, мистер Уотерлоу посвятил ей стихотворение и как-то вечером гордо вложил листок в ручонку дочки. По недоразумению лист со стихами засунули в щель форточки, чтобы окно не дребезжало по ночам. Пусть стихи и пригодились для дела, но мистер Уотерлоу все же не мог скрыть разочарования. Миссис Уотерлоу, само собой, очень сокрушалась, когда поняла, что стряслось, но было уже поздно. А мистер Уотерлоу заявил: стоит один раз согнуть стихи, и этого уже не исправить. К счастью для всех, две последние строчки сохранились, их оторвали, чтобы бумажка была подходящей толщины. Вот они:

Она еще не ходит и не говорит.

Неделю за неделей она спит, и спит, и спит.

На самом-то деле мисс Уотерлоу могла говорить, только не хотела. Она решила дождаться, когда ей исполнится полтора года. А все потому, что у нее было столько прекрасных воспоминаний, только ей не всегда удавалось их вспомнить. Нельзя же думать и говорить одновременно. Год с четвертью она просто полежит на спинке и повспоминает... а когда все хорошенько припомнит, то расскажет об этом взрослым. Но чтобы заговорить, нужна тренировка.

Вот малышка и тренировалась каждую ночь, когда оставалась одна.

И сейчас она тренируется.

– Тедди! – окликает девочка.

Плюшевый медведь, задремавший на полу в ногах кровати, проснулся и поднял голову.

– Что такое? – ворчит он.

– Ты спал, Тедди?

– И да, и нет.

– Я забыла, была я или не была, – шепчет мисс Уотерлоу.

– Ну, что ты забыла?

– Как называется такое милое-милое – ты понимаешь, что я имею в виду, – я-то знала, да вот вдруг... – а ты один помнишь – что это за слово?

– «Сгущенка», – подсказывает Тедди.

– Вряд ли, – сомневается мисс Уотерлоу.

– Наверняка. Точнее не скажешь.

Девочка вздыхает. Так трудно подобрать точное слово!

– Может, я им ничего еще и не расскажу, – грустно произносит мисс Уотерлоу. – Может, у них и слова такого нет.

– Может, и нет, – соглашается Тедди. – Странные они люди. – Мишка постепенно просыпается. – Возьмем, к примеру, «сгущенку». Вроде оно, а на самом-то деле и нет. Поэтому-то я с ними больше и не разговариваю. В их словах нет сочности, нет, я бы сказал, аромата. Изюминки нет.

– Мне нужно слово...

– Спи-ка лучше, – советует мишка, он и сам уже снова клюет носом.

– Неужели я так никогда и не смогу им объяснить? – задумчиво спрашивает мисс Уотерлоу.

– Никогда, – сквозь сон бормочет Тедди. – Они перепутали все слова.

Мисс Уотерлоу погружается в волшебные воспоминания о золотом крае, куда ей уже никогда не вернуться. Когда-нибудь она им все о нем расскажет... только не теперь... не теперь... не теперь...

Вздохнув, девочка засыпает.

В

ильям и Вильгельмина

Гуд – близнецы. Когда мистеру Гуду сообщили об их рождении, он закурил сигару и изрек: «Я назову мальчика Вильям в мою честь. – Задумался, а потом добавил: – А девочку назову Вильгельмина в честь ее брата».

Мистер Гуд бросил сигару и пошел сообщить о своем решении миссис Гуд, которая хотела назвать детей Джон и Джейн.

– Хорошо, дорогой, – согласилась миссис Гуд, – только мне не нравится имя Вильям, я буду звать его просто Билли.

– Конечно, любовь моя, – ответил мистер Гуд, – но если на то пошло, мне не нравится имя Вильгельмина, так что я стану звать Билли и нашу дочку.

– Замечательно, дорогой, только не вышло бы путаницы, – засомневалась миссис Гуд.

– Нет, дорогая, умный человек сам без труда разберется.

Он достал часы на цепочке, покрутил их немного, посмотрел на циферблат и заключил:

– Мои часы спешат на две недели.

Потом сунул часы в карман и удалился к себе в кабинет.

Близнецы росли. Дети были так похожи, что никто не мог их различить. Конечно, у них должны были быть метки на одежде: Вильям Гуд, Вильгельмина Гуд. Нянька купила тесьму и чернила, написала имена и пришила метки. Когда вся одежда была помечена, она с гордостью показала свою работу миссис Гуд. Тогда-то и обнаружилось, что она по ошибке написала на всех метках одно и то же: «Билли Гуд». Когда об этом рассказали мистеру Гуду, он закурил сигару и произнес:

– Похоже, у некоторых людей нет ни крупницы ума. На будущий год, когда дети вырастут из старой одежды, я сам помечу их новые рубашки.

Так он и поступил, аккуратно написав на каждой метке «Б. Гуд».

К счастью, тогда у Вильгельмины начали виться волосы. Каждый вечер нянька по десять минут завивала их с помощью мокрой щетки и собственного пальца. У Вильяма волосы тоже вились сами по себе, но не так естественно, как у сестры. Через некоторое время вы уже без труда смогли бы определить, кто из детей Вильгельмина, а кто нет. Взгляните на эту картинку, и вы увидите, что я прав.

Мистер Гуд не раз повторял, что мы с ним единственные разумные люди на свете... хотя я уже и не тот, что прежде. Я стараюсь изо всех сил. Я-то знаю, кто есть кто. Ребенок с вьющимися локонами – это Вильгельмина.

Однажды ночью, когда брат и сестра должны были крепко спать, как-все-хорошие-дети, Вильгельмина вдруг говорит:

– Я такая умная. Я даже могу слышать в темноте.

– А я – самый умный, – отзывается Вильям. – Даже слишком умный.

– Я слышу, как дышит улитка, – заявляет девочка.

– А я слышу, как она не дышит, – откликается брат.

Вильгельмина задумывается.

– А я слышу, как кто-то за окном зовет Билли, – шепчет она.

– Это я ему приказал, – объясняет Вильям.

– Пойду и посмотрю, что ему надо, – решаетея девочка. – Так я и сделаю, – добавляет она. – Только вдруг это... – начинает сомневаться Вильгельмина. –

Мне кажется, это он тебя зовет, – говорит она брату.

– Да нет, тебя, – возражает Вильям. – Меня он зовет совсем другим голосом.

– Ты просто трусишь, – подзуживает его сестренка.

– Ни капельки я не трушу, просто он очень сердится, когда приходит не тот, кого он звал.

– У него длинный красный колпак с кисточкой, – шепчет Вильгельмина.

– Длинная борода и зеленые чулки, – подхватывает брат.

– Пойду посмотрю на него, – решает сестра.

– Я тоже взгляну.

– Я пойду, если ты пойдешь.

– А я пойду, если ты пойдешь.

– Идем вместе.

– Ага, пошли вместе.

Они нехотя вылезают из кроваток и вот стоят на полу в детской, держась за руки.

– Я его больше не слышу, – шепчет Вильгельмина с облегчением.

– И я не слышу, – подтверждает Вильям.

– А я снова слышу, – неожиданно говорит девочка. – Я такая умная, что слышу все на свете.

– И я, – подхватывает брат.

Дети подходят к окну.

– А он, правда, очень злится, если приходит не тот человек? – переспрашивает сестренка.

– Он не видит, кто пришел. У него голова повернута в неправильную сторону, откуда же ему знать?

– Я знаю, что у него голова неправильно повернута, – поспешно вставляет Вильгельмина, – но я подумала, вдруг ему Угли подскажет.

Вильям старается вспомнить, кто такой этот Угли. Это же волнует и Вильгельмину.

– Нет, – говорит мальчик, – от этого Угли помощи мало.

– Я не боюсь, – выпаливают брат и сестра одновременно.

Дрожа от страха, дети распахивают окно и выглядывают в сад...

Е

е окрестили Энн Лавендер. Полное имя – Энн Лавендер Лавендер. Так решил мистер Лавендер. Он очень гордился своей семьей и огорчился, что его дочери, прекрасной мисс Лавендер, когда она выйдет замуж, придется носить какую-нибудь противную фамилию вроде Уинкс.

– А если мы назовем дочь Энн Лавендер Лавендер, – объяснил он жене, – в замужестве она станет Энн Лавендер Уинкс, и люди будут знать, что она одна из нас.

– Они и так об этом догадаются, – ответила миссис Лавендер, склоняясь над ребенком. – Она так похожа на своего папочку! Не правда ли, крошка?

Энн, которой тогда еще и года не было, промолчала.

– Волосы у нее действительно мои, – заметил мистер Лавендер и с гордостью провел рукой по своим черным кудрям.

Он был брюнет, а миссис Лавендер – блондинка. Они часто гадали, на кого будет похожа Энн. Мистер Лавендер говорил: «Надеюсь, она будет похожа на тебя, дорогая». А жена возражала: «Мне бы хотелось, чтобы она походила на тебя, дорогой». Тогда он отвечал: «Что ж, посмотрим». И волосы у девочки оказались темные, в отца. И назвали ее, как он и задумал, – Энн Лавендер Лавендер, и он очень этим гордился.

Но вдруг нежданно-негаданно темные волосы Энн изменили цвет: девочка стала блондинкой, как мать.

– Как жаль! – вздохнула миссис Лавендер. – Я так хотела, чтобы она была похожа на тебя.

– Она гораздо милее, когда похожа на тебя, – великодушно возразил мистер Лавендер, хотя в глубине души был немного разочарован.

Впрочем, он быстро смирился со случившимся. Энн было всего год с небольшим, и мистер Лавендер убедил себя, что маленькой пухленькой девочке больше к лицу светлые кудряшки. Он обожал наблюдать за дочерью и всякий раз приговаривал: «Нет, я не позволю этому типу Уинксу жениться на ней, она слишком хороша для него. Она такая прелестная – совсем как ее мать».

Но произошло событие совершенно невероятное. Волосы девочки стали вдруг рыжими! Не золотистыми и не каштановыми, а прямо-таки рыжими, как морковка. Рыжая! Ни среди родственников

мистера Лавендера, ни в семье миссис Лавендер ни у кого не было таких волос.

И тогда-то ее стали звать Бедняжка Энн. Конечно, не все сразу – сперва кто-то один, потом и другие. «Как нам жаль Бедняжку Энн, – сокрушались взрослые, – у нее были такие замечательные льняные кудри!» Обсуждая рождественские подарки, они обычно приговаривали: «Да, и, конечно, Бедняжка Энн, мы не должны забывать о ней».

Мистер Лавендер был в отчаянии. Он разослал письма в газеты и просил разъяснить: если у ребенка волосы сначала были не рыжими, а потом стали рыжими, не могут ли они снова стать не рыжими, раз они прежде такими не были. Одни редакторы ничего не ответили, другие ответили, что время покажет, а двое даже написали, что рыжие волосы – это тоже очень красиво. Но ведь мистер Лавендер спрашивал их совсем не об этом!

Миссис Лавендер не так горевала. Она как раз решила завести еще одного ребенка по имени Дэвид Лавендер.

Мальчик оказался блондином. Волосы у него были светлее, чем некогда у Энн, и даже светлее, чем у его мамы. Тетушки, заходившие взглянуть на малыша, говорили друг другу: «Не правда ли, у него замечательные волосы?» И вздыхали: «Как жаль Бедняжку Энн!»

А Бедняжку Энн это совсем не беспокоило. Девочка была поглощена заботами о младшем братике. Она-то знала, отчего порыжели ее волосы. Это из-за ужасной простуды, которой она заболела в два года, промочив ноги. Поэтому так важно, чтобы Дэвид никогда-никогда не простужался, ведь девочка с волосами цвета морковки – это всего лишь Бедняжка Энн, а мальчик с морковными волосами – это уже О-Бедненький-Дэвид. И папа так огорчится, что даже не сможет на этот раз написать в газеты. А все по ее вине.

Девочка делала все возможное, чтобы сохранить цвет волос Дэвида. Она так старалась, что мистер Лавендер заметил однажды: «Бедняжка Энн! Она не станет красавицей, но зато будет очень заботливой женой. Пожалуй, я все же позволю ей выйти замуж за этого Уинкса. – И пробормотал: – Энн Лавендер Уинкс. Как я был прав, выбрав это имя!»

Д

ети никогда прежде не бывали на море. Можете себе представить, как они обрадовались, когда их отец мистер Мэривезер сказал:

– Пожалуй, нам стоит этим летом отправиться на побережье. Детям это будет полезно.

Дети обрадовались и запрыгали вокруг отца, все, кроме Джона. Джон уже слышал прежде о море, но не очень-то верил этим рассказам. Он спросил:

– А если поехать на побелезье, то и моле увидишь тозе?

Дети рассмеялись, а старшая, Мэри, которая все знала, успокоила братишку:

– Ну конечно, глупыш!

Джон посмотрел на отца.

– Плавда?

И папа подтвердил:

– Да, старик, да.

Малыш очень обрадовался и пояснил:

– Я думал, мозет, ты его видел.

Потом он долго гулял по саду, напевая: «А вот я увижу моле!»

Мэри пошла к маме обсудить, какую им брать с собой одежду. Мэри уже десять лет, а когда вам десять и вы самая старшая в семье, то весь дом держится на вас. Джону только три, он самый младший, и Мэри порой казалось, уж не мама ли она ему. Если бы у ребенка могло быть две матери, она, конечно, была бы мамой Джона.

– Надо решить, куда же мы поедем, – сказал мистер Мэрирезер на следующий день.

Джон в изумлении уставился на отца. Он не верил своим ушам.

– Я думал, мы поедем к молю, – прошептал мальчуган, едва сдерживая слезы.

– Ну конечно, глупыш, – успокоила его Мэри. – Но на море много разных мест. Давайте поедем туда, где много красивых ракушек.

– И много песка, – добавила Маргарет.

– И скалы, – напомнила Джоан, – и заводи.

«РАКУШКИ – ПЕСОК – СКАЛЫ – ЗАВОДИ», – записал мистер Мэрирезер.

– Что еще?

Джон пару раз пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось.

– Ну, малыш? – спросила его мама.

– Моле, – прошептал Джон.

– И МОРЕ, – записал мистер Мэриверзер. – А твое пожелание, Стивен?

Стивену было четыре. Он много размышлял, но никогда ничего не говорил, и если бы не Джоан, никто бы так и не узнал, чего он хочет.

– Стивену нужно то же, что и мне, правда, Стивен? – поспешно заявила Джоан.

Стивен кивнул. Он думал о другом.

Они отправились в путь в понедельник. Едва семья сошла с поезда, мистер Мэриверзер объявил: «Я чувствую запах моря», а Мэри подхватила: «И я», – хотя она еще ничего не чувствовала. Джон снова едва не расплакался: он-то надеялся, что море – это то, что видят, а не то, что пахнет. Но Мэри растолковала ему, что завтра после завтрака он действительно **УВИДИТ** море. «Правда, мама?» И миссис Мэриверзер подтвердила: «Да, сейчас уже поздно, лучше бы подождать до завтра».

Пришлось ждать до утра. Как только дети позавтракали – а они так волновались, что почти ничего не ели (кроме Стивена, который мог думать даже за

едой), – Мэри повела их к морю. Мистер Мэрирезер остався дома почитать газету, а миссис Мэрирезер должна была позаботиться об обеде. Но взрослые знали, что на Мэри можно положиться. Первыми шли Джоан и Стивен. Джоан без умолку болтала с братишкой, а Стивен размышлял. За ними шла Маргарет, разговаривая через плечо с Мэри, которая вела за руку Джона и приговаривала: «Мы уже почти пришли, дорогой».

Вдруг они свернули за угол, и вот перед ними открылось море.

– Вот, дорогой, это – море, – объяснила Мэри.

– Правда, оно замечательное? – спросила Маргарет.

Джоан воскликнула:

– Посмотри же, Стивен!

Но Стивен, конечно, ничего не ответил.

А Джон хотел что-то сказать, открыл было рот, но вдруг покраснел и расплакался.

Всем стало жаль Джона. Всем, кроме Стивена, который думал о другом. Никто из детей не понимал, что стряслось с братишкой. Может, он слишком много съел на завтрак? Или слишком мало? Джон ничего не мог объяснить. Он и сам не знал.

– Чем ты хочешь заняться, дорогой? – спросила Мэри. – Хочешь, будем собирать красивые ракушки?

Джон всхлипнул и кивнул.

Они пошли на пляж. Там было много детей. Все были так счастливы, что не заметили появления Мэрирезеров.

– А теперь, – объявила Мэри, – давайте поглядим, кто найдет самую красивую ракушку. Полюбуйтесь-ка вот на эту!

– А вот еще, Мэри! – воскликнула Маргарет.

– Складывай их в мою сумку, – распорядилась Мэри. – Не хочешь ли подержать сумку за ручки, дорогой?

– Холошо, – покорно согласился Джон.

Мальчик стоял спиной к морю и боялся оглянуться. Он молча складывал ракушки в сумку. Почему море заставило его расплакаться? Он не знал. Может быть, Стивен...

Джон посмотрел на брата.

Нет, пожалуй, не стоит спрашивать Стивена.

М

истер Теофилус Бэнкс был очень важным господином. Друзья звали его Тео. Не помню, чем он, собственно, занимался, но чем-то очень важным, и если бы не он, что было бы со всеми нами? Просто не знаю. Все зависело от мистера Бэнкса.

У него было трое детей. Старшую девочку называли Джессика Бэнкс, в честь матери. Потом родился мальчик – Теофилус Бэнкс, в честь отца. Два Теофилуса Бэнкса в одной семье, а не будет ли путаницы? – сомневались некоторые. Но мистер Бэнкс так не думал. Еще много лет ребенок будет просто мастер Бэнкс, возражал он, впрочем, если хотите, зовите его просто – Фил. А к тому времени, когда малыш подрастет, его отца уже будут звать судья Бэнкс, или профессор Бэнкс, или полковник Бэнкс, или президент Бэнкс – он еще не решил окончательно, как. И малыша стали звать Фил.

А потом родился третий ребенок, и поскольку мистер Бэнкс не мог и его назвать Теофилус, то, дабы сохранить большую часть имени, назвал малютку Теодор, или просто Тодди.

Мистер Бэнкс играл в гольф. Он был очень активный человек и по вечерам играл в гольф дольше других членов клуба. Его приятели после семьдесят пятого удара обычно отправлялись пить чай, но мистер Бэнкс останавливался лишь на сто двадцатом. Уж такой он был человек. Вы, конечно, подумали, что он заслужил приз за свое усердие. Вот и нет. Призы всегда доставались другим. Почти у всех в клубе были маленькие серебряные кубки, а у мистера Бэнкса – нет. И это его очень огорчало. Куда бы ни пришли в гости мистер и миссис Бэнкс, в каждой семье красовался на столе серебряный кубок. И какой-нибудь мистер Бинкс принимался объяснять мистеру Бэнксу, как он выиграл его в прошлую субботу, а миссис Бинкс рассказывала о том же миссис Бэнкс. И тогда мистер и миссис Бэнкс возвращались домой очень расстроенные.

Однажды миссис Бэнкс прочла в газете, что в их городе собираются провести конкурс детей. Она рассказала об этом Джессике, и девочка сразу предложила:

– Давайте запустим туда Тодди. Вот это будет здорово!

– Давайте запустим Тодди! – подхватил Фил. Он решил, что конкурс – это что-то вроде пруда, и представил, как Тодди будет в нем красоваться.

– Давайте, давайте, – настаивала Джессика, – а если он победит, у нашего папы появится серебряный кубок.

Миссис Бэнкс вспомнила, что у мужа на следующей неделе день рождения. У него есть все что угодно, кроме серебряного кубка. Как бы он обрадовался, если бы получил кубок на день рождения!

Итак, мастер Теодор был записан в число участников конкурса. Конечно, это делалось в тайне от мистера Бэнкса. Каждый день, когда он уходил в контору, где все зависело от него, домашние собирались вместе и обсуждали, как бы еще приукрасить Годди, чтобы он наверняка выиграл.

Миссис Бэнкс считала, что он и так хорош.

Джессика полагала, что ему следовало бы быть немного покудрявее.

Фил думал, что если бы брат поплавал в пруду, он бы окреп и похорошел.

И Джессика каждый день взбивала братишке кудри, а Фил несколько раз на дню стискивал малыша руками, чтобы тот поскорее окреп. Миссис Бэнкс приходилось усаживать сынишку на комод, чтобы Джессике было удобно причесывать брата, а Фил не мог его достать.

«Я верю, что он победит», – шептала миссис Бэнкс.

Каждый вечер, когда мистер Бэнкс возвращался домой, они смотрели, не принес ли он кубок, но ему по-прежнему не везло.

Мистера Бэнкса мало заботил предстоящий день рождения. Он помнил, что на этой неделе ему ис-

полнялось то ли тридцать пять, то ли сто семь лет. Мистер Бэнкс очень удивился, когда в четверг, выйдя к завтраку, обнаружил на тарелке красивый сверток. Можете себе представить, как он обрадовался.

– Ну и что же там такое? – пробормотал он.

Фил толкнул локтем Джессику. Джессика улыбнулась маме, а Фил подскочил и закричал:

– Открывай же! Открывай!

И мистер Бэнкс открыл.

– Ну и ну! – изумился он.

Это был серебряный кубок.

– Но за что? – спросил мистер Бэнкс.

Он повернул кубок и прочел на другой стороне:

«ПЕРВЫЙ ПРИЗ (первая группа) – победителю ТЭО БЭНКСУ».

– Но которому? – недоумевал мистер Бэнкс.

Тогда они растолковали ему, что Теодор выиграл первый приз, но, поскольку все имя полностью на кубке не поместилось, пришлось написать просто «Тео».

– Ну и ну! – повторил мистер Бэнкс.

С тех пор, когда бы мистер и миссис Бинкс ни пришли в гости, на столе у мистера и миссис Бэнкс всегда красовался серебряный кубок. «Теперь-то мы заживем припеваючи, правда?» – шепнула Джессика маме.

И она оказалась права.

В

се льет и льет! О, Боже! И это, говорите вы себе, называется небольшой дождь! Джейн Энн должна набраться терпения. Сегодня ей придется остаться дома и играть со своими замечательными игрушками, а завтра, может быть, и распогодится, тогда снова можно будет гулять на лугу. К тому же не у каждой девочки есть игрушечный кролик, и лошадка с повозкой, и резиновый мячик. Потерпи, Джейн Энн!

Ничего вы не понимаете!

Именно сегодня. Завтра будет поздно. Может, если тучи рассеются, удастся еще сегодня. Но стоит ей подумать об этом – набегают новая туча. Девочка пробует закрыть глаза. Закрыть глаза и сказать: «Раз, два, три, четыре – вот я досчитаю до двадцати, открою глаза, и – пожалуйста! – пусть дождь прекратится. Пожалуйста, это очень важно, вы ведь понимаете почему». И она считает до

двадцати, сначала быстро до двенадцати, потом помедленнее до пятнадцати, а потом до шестнадцати... семнадцати... восемнадцати... девят... надцати, потом еще медленнее – ну и пусть это не совсем честно, но она хочет облегчить задачу Богу – два... два... два... ДВАДЦАТЬ! Но дождь не унимается. Джейн Энн пробует затаить дыхание, она говорит себе, что если сможешь сдерживать дыхание так долго, как никому на свете не удавалось, то когда наконец выдохнешь – дождь прекратится. Вдруг получится? Но ничего не выходит. Девочка стоит у окна и смотрит, как капли ползут вниз по стеклу. Джейн Энн загадывает – это верный способ, – что если ЭТА капля добежит до подоконника раньше других, то дождь прекратится, а если первой будет другая, ничего не выйдет... Они уже на полпути, но девочка вдруг меняет решение. «Нет, все наоборот: если эта капля придет последней...» Но дождь все льет и льет.

Понимаете, сегодня Джейн Энн должна была отправиться в Индию. Ее папа и мама живут в Индии. Она их прекрасно помнит. Сначала Джейн Энн помнила, что они черные, потому что все индийцы черные, но потом, когда тетя Мэри растолковала ей, что они белые, девочка вспомнила, какие они были белые. Пока родители не вернуться, а это произойдет в следующем году, она живет у тети Мэри, но иногда ей становится невмоготу ждать.

– А что если они приедут завтра? – спросила Джейн Энн.

— Только не завтра, — возразила тетя Мэри. — У них очень много дел. Не завтра, но уже скоро.

И тогда у Джейн Энн возникла прекрасная идея. Если родители слишком заняты, чтобы приехать к ней, она сама отправится к ним.

Девочка подсчитала свои сбережения и решила, что, если идти пешком, денег ей вполне хватит. Всю неделю во время прогулок с няней Джейн Энн покупала что-нибудь питательное, например печенье и шоколад, и складывала в специальную коробку. Каждый вечер девочка заглядывала туда, а потом закрывала глаза, думала о маме и папе и ничего не ела. В пятницу вечером она увидела, что коробка наполнилась, и решила завтра отправиться в путь.

Вечером Джейн Энн попрощалась с Кроликом. Все игрушки хотели идти с ней, но Кролик больше всех. На шее у него была розовая ленточка, за которую его можно было бы вести, он никогда прежде не был в Индии и очень волновался. Но Джейн Энн сказала: «Нет, тебе нельзя в Индию, потому что там полным-полно диких тигров, а тигры едят кроликов». Кролику вовсе не хотелось быть съеденным, но он надеялся, что сможет улизнуть от хищников. Он очень огорчился, когда Джейн Энн объяснила ему, что в Индии даже самые увертливые кролики попадают в лапы тигров. «Даже самые-самые увертливые?» — переспросил он тоскливо. «Да, — подтвердила девочка, — даже самые-самые». Но ей стало так жаль Кролика, что она

сняла розовую ленточку и спрятала в ящик стола на случай, если почувствует утром, что не в силах расстаться с ним.

Они все пришли провожать ее. Джейн Энн усадила игрушки на окне: Лошадь с повозкой, Просто Лошадь, Мячик, Кролика – так, чтобы можно было долго махать им, уходя. Конечно, когда отойдешь далеко, придется свернуть направо, и тогда их уже не будет видно. Тогда-то она и откроет первый раз свою коробку, потому что почувствует себя очень одинокой. Просто удивительно, до чего неодиноким делает вас кусочек шоколада.

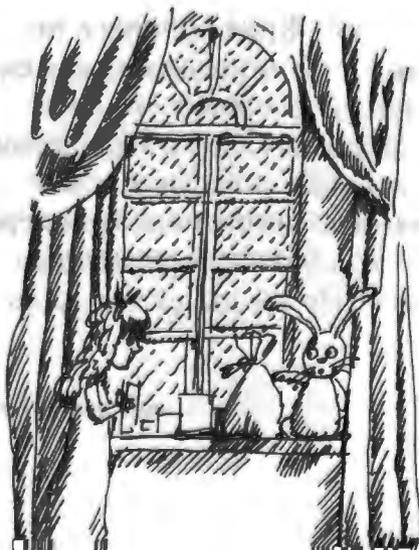
На следующее утро, выглянув в окно, Кролик увидел, что зарядил дождь.

«Может, сегодня она и не отправится в путь», – подумал он и разволновался.

После завтрака Джейн Энн тоже выглянула в окно.

– Скоро дождь кончится, – сказала девочка бодрым голосом.

И вот она стоит у окна и ждет...

СОДЕРЖАНИЕ

КОГДА-ТО, ДАВНЫМ-ДАВНО...

- ГЛАВА 1** Короля Евралии
осаждают незваные гости 9
- ГЛАВА 2** Первый Советник Бародии
отправляется на прогулку 20
- ГЛАВА 3** Король Евралии обнажает меч 29
- ГЛАВА 4** Принцесса Гиацинта
полагается на графиню 40
- ГЛАВА 5** Графиня Бельвейн потворствует
своим слабостям 52
- ГЛАВА 6** В Бародии нет волшебников 64
- ГЛАВА 7** Принцесса получает письмо
и пишет письмо сама 75
- ГЛАВА 8** Принц Удо проводит
бессонную ночь 87
- ГЛАВА 9** Они боятся Удо 97

- ГЛАВА 10** Шарлотта Гулигулинг поражает критиков 104
- ГЛАВА 11** Выясняется, что кресс-салат неплохо идет к ушам 114
- ГЛАВА 12** Мы считаем, что надо сообщить отцу Удо о его поведении 126
- ГЛАВА 13** «Цвета» рифмуется с «рассвета» 136
- ГЛАВА 14** Почему вы не ведете себя как Виггз? 147
- ГЛАВА 15** Гиацинту ожидает любовь 158
- ГЛАВА 16** Бельвейн развлекается 161
- ГЛАВА 17** Король Бародии меняет лицо 173
- ГЛАВА 18** Лесной долгожитель принимает двух очень молодых людей 189
- ГЛАВА 19** Удо ведет себя как джентльмен 202
- ГЛАВА 20** Выясняется, что Лионель может по достоинству оценить хорошую историю 213
- ГЛАВА 21** Принца Удо преследует змея 225
- ГЛАВА 22** Семнадцать томов отправляются на полку 238

РАССКАЗЫ

- Воспоминания мисс Уотерлоу 249
Близнецы 253
Бедняжка Энн 258
Дети на песке 262
Конкурс детей 267
Путешествие в Индию 271

В издательстве О-Г-И в детской серии

К Н И Ж К И Н А

В Ы Р О С Т

вышли из печати

МАРИНА МОСКВИНА

УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО

ЙЕНС СИГСГОРД

ПАЛЛЕ ОДИН НА СВЕТЕ

СТЕПАН ПИСАХОВ

МОРОЖЕНЫ ПЕСНИ

ЭНИД МЭРИ БЛАЙТОН

ЗНАМЕНИТЫЙ УТЁНОК ТИМ

УЛЬФ СТАРК

ЧУДАКИ И ЗАНУДЫ

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

МАРИЯ ГРИПЕ

НАВОЗНЫЙ ЖУК ЛЕТАЕТ

В СУМЕРКАХ

В издательстве О·Г·И в детской серии

К Н И Ж К И Н А

В Ы Р О С Т

вышли из печати

МАРИЯ ГРИПЕ

ТЕНЬ НА КАМЕННОЙ СКАМЕЙКЕ

МАРИЯ ГРИПЕ

ТАЙНИК ТЕНЕЙ

МАРИЯ ГРИПЕ

ДЕТИ ТЕНЕЙ

МАРИЯ ГРИПЕ

И БЕЛЫЕ ТЕНИ В ЛЕСУ...

ЮБЕР МОНТЕЛЕ

ПРОФЕССИЯ – ПРИЗРАК

БОРИС ШЕРГИН

ВЕСЕЛЬЕ СЕРДЕЧНОЕ

ТУРБЬЁРН ЭГНЕР

ЛЮДИ И РАЗБОЙНИКИ

ИЗ КАРДАМОНА

Литературно-художественное издание

Алан Александр Милн

КОГДА-ТО, ДАВНЫМ-ДАВНО...

Повесть-сказка

Для среднего школьного возраста

Выпускающий редактор Е. Савина

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8

Факс: (095) 924-5761, тел.: (095) 744-3170

e-mail: info@ogi.ru

Заказать книги ОГИ можно:

тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru,
astpub@aha.ru

Оптовые продажи:

тел. (095) 744-3171, 215-0101, e-mail: info@ogi.ru,
astpub@aha.ru

За пределами России наши книги можно купить:

www.esterum.com

Книга издана при техническом содействии

ООО «Издательство АСТ»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж

Отдел продаж: тел. (095) 215-0101, факс (095) 215-5110

e-mail: astpub@aha.ru

<http://www.ast.ru>

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.03.2004.

Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Petersburg. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 17,5 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ 1131.

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Кому не известно имя Алана Александра Милна, автора знаменитых историй про Винни-Пуха и всех-всех-всех обитателей Зачарованного Леса! Таких нет, его героев знает и любит весь мир. «Когда-то, давным-давно...» — первая сказка Милна, написанная им для детей. Тех, кто уже давно знаком с забавным медвежонком и его друзьями, ждут новые встречи с новыми героями всемирно известного писателя.

ISBN 5-94282-085-6
9 785942 820855

М О С К В А 0